

Д. Форверц,
А. Форверц

Сказки города,
спрятанного в тумане

16+

**Дмитрий Форверц
Анастасия Форверц
Сказки города,
спрятанного в тумане**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67916195

SelfPub; 2022

Аннотация

Мы с детства любим таинственные истории, несущие в себе загадку. Поиск чего-либо мистического заставляет нашу кровь бурлить от волнения и предвкушения. Недаром все детские байки о злых приведениях и вещах, проклятых старыми колдуньями, всегда пользовались большой популярностью. Однако, какими бы страшными они не были, мы все равно подсознательно знали, что все эти истории – всего-навсего чья-то выдумка. Но так ли это на самом деле? Быть может, каждая сказка несет в себе реальную историю, произошедшую не с нами, но другими людьми в другое время и при других обстоятельствах.

Содержание

Введение	4
Волки	6
Человек из рода человеческого	33
Воздух	65
Шаг обратно	92
Сон	118
Вне времени	137
Доппельгангер	163
Начало конца	178
Заключение	221

Дмитрий Форверц, Анастасия Форверц Сказки города, спрятанного в тумане

Введение

Холод. От него затекшие конечности начинает ломить еще сильнее. И чем больше проходит мгновений, тем сильнее бьет дрожь. Сейчас любой, даже совсем малый, источник тепла будет спасительным. Но для начала нужно открыть глаза. Слишком много сил уходит, чтобы разомкнуть намертво слипшиеся веки. С небольшой болью они поддаются, открывая черное пространство, затянутое плотной дымкой. Сквозь нее пробивается смазанный силуэт огромной красной луны.

Легкие пощипывания побежали по ногам, как бы намекая, что нужно скорее подниматься. Несколько движений, и тело приходит в горизонтальное положение. То, что поначалу казалось легкой дымкой, на деле является густым туманом. Настолько плотным и вязким, что он кажется серой стеной в свете костра.

– Хо-хо, долго же ты приходишь в себя! Столько на холодной земле проваляться без сознания... Тебе нормально?

Звонкий старческий голос принадлежит сгорбленной фигуре около костра. На нем трудно что-либо разглядеть, только голову, торчащую из бесформенного черного балахона. Сморщенное лицо не выделяется чем-то особенным, обычный старик. Он ухмыляется своим ртом с редкими зубами и почесывает свалывшуюся бороду, напоминающую огромный моток ваты. Не удивительно, если у него там кто-то поселился.

– Стоишь, значит все с тобой нормально. Ты давай-ка садись к огню, негоже кости морозить. Да не бойся, ей-богу, я не кусаюсь. По крайней мере, пока.

Он щелкает своим десятком зубов и заливается то ли смехом, то ли старческим кряхтением. У костра становится теплее, а старик протягивает металлическую миску. От нее пахнет овощами и мясом. Живот предательски подает голос, и приходится взять щедрое угощение.

– Ты ешь-ешь, а я пока тебе расскажу несколько историй. Но только слушай внимательно, иначе потеряешь всю магию, ха-ха...

Волки

Спертый воздух с запахом потных мужиков и дешевого алкоголя полностью заполнял помещение паба. Едкая невидимая субстанция заползала даже за закрытые дверцы темных комнат, находившихся на втором этаже. Эти укромные уголки предназначались для особых гостей, коих здесь практически не бывало. Высокие господа сторонились подобного рода заведений, не соответствовавших их особому статусу. Но простаивать ухоженным комнатам престарелая хозяйка паба позволить не могла. За отдельную плату эти самые комнаты сдавались для уединения с девочками, что пользовалось большим спросом среди более приемлемого контингента. Однако сегодняшним вечером все они были пусты, кроме одной в самом дальнем краю здания. За круглым массивным столом сидел молодой мужчина в черном фраке. В полумраке невозможно было разглядеть его лица, хотя освещение не играло в этом никакой роли. Все, что было выше верхней кромки губ, скрывала тень от огромной круглой шляпы. Он медленно переставлял свои худые ноги, обтянутые новыми кожаными штанами, которые плавно перетекали в высокие сапоги. Из-за грязных улочек города их вид сейчас оставлял желать лучшего. От запаха свежеприготовленных свиных ребер, стоящих на столе, любой обыватель сразу бы пустил слюну, но они оставались нетронутыми. Мужчина сидел

практически неподвижно, прислушиваясь к шуму снаружи. Время от времени он делал небольшой глоток из стоящего рядом винного бокала, жидкость которого умудрялась переливаться рубиновыми красками даже при недостатке освещения.

– Да, сэръ, я приказала проводить его сюда. Господин желал ужинать, – прозвенела полная хозяйка, привлекая внимание мужчины.

В следующее мгновение скрипучая дверь отворилась, и на пороге материализовалось трое мужчин. Они быстро просочились в комнату. Все были, как один, похожи друг на друга: темно-синие кители с высоким воротником, одинаковые яйцеобразные шлемы, на которых в лобной части блестела серебряная восьмиконечная звезда. Даже лица их были практически идентичны, кроме первого вошедшего. У него имелись густые черные усы. Не одними усами располагал последний, он также имел кремниевый пистолет, что являлось большой роскошью для бобби.

– Лорд Блэкуэлл, Вы должны были доложить о себе сразу по прибытии, – голос усатого был очень бодрым и звонким, отчего казался каким-то ребяческим.

– Что-то не припомню, чтобы я был чьим-то должником, – спокойно парировал лорд, недовольно кривя уголки тонких губ. Его рука снова потянулась за вином.

– Граф лично хотел видеть Вас. Именно он был инициатором приглашения и думал, что для Вас будет честью почтить

его визитом. Господин Пирси считает Вас настоящей живой легендой. Впрочем, как и все мы.

– Я все еще не услышал ни слова о своем так называемом долге, сэр... – Блэкуэлл выдержал небольшую паузу и в десятый раз за вечер сделал глоток рубиновой жидкости. Отставляя бокал обратно на стол, он цокнул, в тот же десятый раз разочаровываясь во вкусе. – Разве в обязанность бобби не входит соблюдение норм хорошего тона? Вы посчитали, что со мной можно оставаться инкогнито?

– Прошу простить меня, – усатый вытянулся, словно тонкая струна. – Нейл Милен, констебль графства Дербишир. А это братья Мэтти и Лекс Дин. Они являются моими помощниками. Славные ребята, а какие способные.

Лорд ничего не ответил, только утвердительно махнул рукой. В комнате повисло неловкое молчание, во время которого констебль Милен пытался разглядеть лицо Блэкуэлла, неподвижно сидящего перед ним. Неудачные попытки не давали ему покоя, и оттого он решил разорвать тишину первым.

– Господин Блэкуэлл, Вы прибыли к нам несколько дней назад, – он снял с себя громоздкий колпак и обхватил его рукой. – Потому Вам следовало сразу объявить о себе. Будучи гостем графа, Вы получили бы лучшую комнату в его поместье, а не ютились в дешевом заведении, где подают выпивку обычным фермерам.

Его собеседник никак не отреагировал на слова Милена.

Вместо этого он ткнул на одного из братьев и снова громко цокнул.

– Ваши помощники хорошо держатся, очень хорошо. Да вы и сами это знаете, верно? Прямо как отличные грейхаунды. У них, определенно, был хороший день, ведь им удалось загнать мелкую больную добычу. Что вы сделали с мальчиком? Поколотили? Или же он сейчас мертв? – в интонации лорда читалось нескрываемое презрение.

– О чем Вы? Что за мальчик? – добродушно улыбнулся Милен, уводя взгляд в сторону. Глаза одного из братьев Дин также быстро забегали.

– Я сомневаюсь, что бобби графства Дербишир настолько обеспечены, что могут позволить себе столь прекрасный шелковый платок.

Милен обернулся к одному из стоящих сзади мужчин и быстро глянул на кусок бордовой ткани, торчащей из его кителя. Усач точно знал, к какому из братьев следует повернуться, что не мог не заметить Блэкуэлл.

– Полагаю, ту пару пенсов, что была завернута в этот платок, вы также присвоили себе, – невозмутимо продолжил лорд. – Мой отец был бы вами доволен. Малыш Кейл, сказал бы он, какие хорошие борзые. Да-да, так бы он и сказал. Просто прекрасные борзые.

– Мы прибыли не для того, чтобы злить Вас, господин, – осторожно подал голос Милен. – Вы проигнорировали гостеприимство графа Пирси! Граф очень опечален столь прене-

брежительной выходкой. Но его великодушие не знает границ, потому я настоятельно рекомендую Вам отправиться с нами в поместье.

– Я уже доложил о себе, – сухо бросил Кейл.

– Вы послали мелкого воришку спустя двое суток пребывания в графстве, – возмутился усатый констебль.

– Я попросил оповестить обо мне мальчика, бедняка, притом щедро заплатил ему. Целью моего прибытия сюда является вовсе не гостеприимство великого графа Пирси. У нас имеются определенные договоренности, и я не считаю, что мне нужно и дальше тратить мое драгоценное время на пустое. В том числе праздности в поместье графа, – оборвал его Блэкуэлл и поднялся с места. Наконец-то слабому пламени свечи удалось осветить лицо гостя. Болезненно бледная кожа обтягивала его заостренные скулы и широкий лоб. Несмотря на явную ненормальную худобу, он был по-своему прекрасен. Возможно, причиной тому были холодные желтые глаза, которые так хорошо и гармонично вписывались в общую белизну лица. – Передайте господину Пирси мои искренние благодарности и то, что я с большим рвением взялся за его маленькую просьбу, об успехе которой я обязательно доложу графу лично и, надеюсь, к этому времени его печаль утихнет. Прошу, передайте ему мой поклон, и боле я в ваших услугах не нуждаюсь.

С этими словами он встал и быстрыми кошачьими движениями протиснулся между мужчинами, скрываясь за две-

рю. В коридоре его уже ждала хозяйка вместе с молоденькой девушкой, стоящей позади. Совсем еще юная девочка, она застенчиво жалась за спиной взрослой женщины. Ее кисти нервно сжимали и разжимали края большого для нее платья. Оно висело на хрупком кукольном теле, словно большая тряпка. Вероятно, ее должны были предложить, если бы гость решил задержаться немного дольше. Однако это не входило в планы Блэкуэлла. Кейл брезгливо и даже немного с сожалением обвел глазами девочку, тем самым заставив ее сжаться еще сильнее, и обратился к хозяйке.

– Шиллинги на столе, мэм, – затем он наклонился ближе к ней и так же громко добавил. – Только советую поторопиться, те мужчины не кажутся мне честными джентльменами. Боюсь, Вы можете не досчитаться чаевых.

– Господин! – Она хотела сказать что-то еще, но Блэкуэлл уже не слушал, спускаясь по круглой лестнице. Он хотел быстрее покинуть это отвратительное место.

Оказавшись на улице, он поморщился, слегка цокнув. С черного, как смоль, неба капал слабый дождь. С каждой секундой капель становилось все больше, и они все яростнее разбивались о землю, сообщая, что вот-вот должен начаться самый настоящий ливень. Дождь еще только начинался, но излишняя влага уже сдобрила грязные улицы, превращая дорогу в жидкую кашу из песка и земли. Мужчина еще раз цокнул. Он не любил дождь, ненавидел его всем своим существом. Слишком уж большое впечатление на него произ-

водила вода. Почему? Никто не знал, да и сам лорд Блэкуэлл не смог бы ответить на этот вопрос. Зато в его силах было описать свое презрение к грязи. С самого рождения его сопровождали громкие разговоры о том, к какому благородному роду он принадлежит. С каждым годом мужчина все больше отождествлял себя от обычных смертных, живущих, словно скот, в грязи и отходах. И так выходило, что больше грязных улочек он ненавидел только мокрые грязные улочки.

– Пойдите, лорд Блэкуэлл! Прошу, пойдите, – из паба выбежал Милен и растерянно уставился на мужчину. – Выслушайте меня! Мне прекрасно известно о том, кем Вы являетесь. Я вынужден просить Вас забыть о столь дурном недоразумении, к которому причастен я вместе с моими подчиненными. К тому же, должен сообщить, что граф Пирси представил меня к Вам в решении его просьбы.

– Кажется, я сказал, что не нуждаюсь в этом, – размеренно проговорил лорд, выглядывая из-под деревянного козырька. – Эти два дня не прошли для меня даром, я о многом успел узнать сам. И мне не потребовалось для этого издеваться над бедным оборванцем.

– Даже об инциденте на ферме мистера и миссис Патерсен?

Блэкуэлл повернулся к стоящему позади мужчине и сделал едва уловимое движение головой, как бы выражая готовность выслушать. Милена это обрадовало, и он тут же за-

тараторил, пытаясь ухватиться за предоставленную возможность.

– В день вашего приезда произошел еще один случай, о которых писал Вам господин Пирси. В этот раз жертвой стала молодая девушка. Они загнали ее в сарай с хозяйственными инструментами и...

– Простите, Милен, как Вы сказали? Ферма мистера и миссис Патерсен?

– Да, сэр, – быстро кивнул усач, желая продолжить свой рассказ.

– Очень хорошо, значит мистер и миссис Патерсен. Что мне мешает сейчас отправиться к ним самому? – он распрямил руку, разрешая бобби продолжить.

– Люди сейчас злые и пугливые. Пусть Вы и лорд, и я уверен, что Вы так или иначе решите этот вопрос, но позвольте избавить Вас от излишних трудностей. Я не только знаю все окрестности, но и сам известен окружающим людям.

– Хорошо, тогда мы отправляемся прямо сейчас, – Блэкуэлл отступил в сторону, пропуская констебля вперед.

– Куда? – непонимающе застыл Милен.

– К мистеру и миссис Патерсен, конечно.

Пока они разговаривали на крыльце паба, дождь значительно усилился. Кейл шагал напрямик за Миленом. Он старался попадать ногой напрямик в след шагавшего впереди мужчины. Когда ему это не удавалось и сапог с жадных хлопьям проваливался в грязную жижу, он громко цокал. По-

зади них неторопливо плелись братья Дин. Они шли безмолвно, внимательно озираясь по сторонам, что нельзя было сказать об усатом констебле. Он не давал ни секунды покоя лорду, на что последний любезно молчал. Продолжалось это настолько долго, что даже Милену это наскучило, и он замолчал. Так они и шли под шум дождя и периодичное цоканье Блэкуэлла.

– Так что случилось с той девушкой? – неожиданно раздался спокойный голос лорда, заставляя Милена остановиться и обернуться.

– Девушкой? – он с удивлением захлопал глазами. Постепенно его физиономия наполнилась озарением и даже стала немного светлее в вечерних сумерках. – Так Вы про дочь семьи Патерсен?

– Если пару дней назад волки задрали именно ее, тогда да, – понимающе кивнул Кейл. – У нашей остановки есть какая-то причина? Полагаю, мы можем идти дальше.

– Ах, да-да. Простите, сэр, – констебль подпрыгнул на месте и быстро засеменял дальше по дороге. – В общем, все было точь-в-точь, как в предыдущих случаях. Вероятно, граф описывал их, верно?

– В последние месяцы зачастили случаи нападения волков на жителей графства. Во всех случаях жертвами становились бедняки, и, более того, все они происходили в ночное время, – проговорил Блэкуэлл, прогоняя в голове письма графа Пирси. – Они начались с появления первой зелени,

и это должен быть восемнадцатый случай.

– Девятнадцатый, – радостно кивнул Милен, довольный тем, что ему удалось исправить лорда.

– Да, девятнадцатый, как я и сказал.

– Но Вы...

– Мистер Дин, какое количество жертв было названо мной? – громко процедил лорд, выделяя каждое слово.

К какому из братьев он обращался, было не понятно. Потому они вытянулись и уставились друг на друга. Никто из них не хотел подавать голос, так как каждый боялся попасть в немилость лорда.

– Ну? – нетерпеливо рыкнул Блэкуэлл.

– Девятнадцать, сэр, – быстро выпалили оба брата.

– Все верно, Вы сказали девятнадцать, лорд Блэкуэлл, – проямлил усач.

– И что же? Охотники не смогли решить этот вопрос? – на этот раз мягко спросил гость.

– Не смогли. Они много раз ходили, даже с собаками, но так никого и не нашли. По этой причине Граф решил написать Вам. Славные охотники из семьи Блэкуэлл известны во всех графствах. От безлюдного севера и до богатого юга. О Вашей семье слагают легенды, сэр.

Конец фразы констебль протянул с каким-то особым акцентом, стараясь зацепиться за каждое из них. Он говорил размеренно и четко, но никакой искренности в его словах не было, даже напротив, в них ощущалась насмешка. Похоже,

поведение лорда сильно задело его.

– Если я не ошибаюсь, Вы говорили о ферме, – озабоченно ответил лорд, уводя разговор в другое русло. – Так почему мы не воспользовались лошадьми?

– Вы ведь сами потребовали идти сейчас же. Понимаете, ферма – это весьма громкое название для того скромного хозяйства, которым владеют Патерсены. Я привык к этому названию и не думал, что Вас это как-то насторожит. Да и нужды особой в лошадях уже нет, мы пришли.

Он остановился у невысокого забора. Блэкуэлл давно приметил маленькую и хлипкую конструкцию, вдоль которой они все это время шли. Забор неожиданно обрывался и практически тут же начинался вновь, образуя узкий проход, в который даже один человек помещался с трудом. О том, что это был проход, говорила лишь вытоптанная тропинка, отделявшаяся от дороги и, словно тонкая нить, входящая в иглу, протискивалась в щель между деревянными столбами, рядом с которыми стоял Милен и улыбался, ожидая от Блэкуэлла хотя бы удивления. Но от мужчины не последовало никакой реакции, и тогда констебль юркнул в проход, приглашая лорда за собой.

Дальше тропинка сужалась еще сильнее и начинала волной петлять между хозяйственными посадками, а затем убежала к небольшому домику. Усатый констебль даже не думал подчиняться правилам зигзагообразной тропы и, вдавливая в землю все то, что так бережно растили хозяева, направил-

ся напрямую к деревянным сарайчикам, расположившимся в значительной дали от дома.

– Здесь нет собак? – изумленно произнес Блэкуэлл, озираясь вокруг в поисках спящего мохнатого силуэта.

– Есть, но она у хозяйского дома. Никаких проблем она нам не принесет.

– Мы не собираемся поставить в известность мистера и миссис Патерсен? – не менее удивленно спросил лорд.

– Зачем? – равнодушно пожал плечами Милен, подходя к самому крайнему сараю. – Если Вас это беспокоит, лорд Блэкуэлл, Мэтти и Лекс сообщат им о нашем присутствии. Услышали?

Последний вопрос предназначался уже братьям Дин. Не имеющие желания стоять под холодным дождем, они со рвением откликнулись и поспешили к дому.

– Только ни в коем случае не ведите их сюда, – прикрикнул на них Милен. – Причитаний миссис Патерсен мне хватило и в прошлый раз. Пожалуйста, избавьте меня от этого, я не смогу вернуть им дочь, – взмолился он.

Его заглушил собачий лай около хозяйского дома. Не успевшие отойти и на пару шагов помощники констебля привлекли внимание животного. Блэкуэлл прислушался, за громким лаем собаки послышался мужской бас, в мгновение успокоивший животное.

– Пройдете? – констебль кивнул на ближайший сарай.

– А если заперто?

– Ни в коем случае, мы были здесь сегодняшним утром. Возможно, Вы потребуете прямого присутствия хозяина или же захотите расспросить его, но, поверьте, это не является необходимым фактом, а уж тем более обязательным. Последнее мы можем сделать сразу после осмотра места.

– Благодарю, – быстро согласился лорд и шагнул к деревянному строению.

Как и сказал Милен, замок отсутствовал. Дверь была немного приоткрыта, и ему не потребовалось практически никаких усилий, чтобы распахнуть ее. В помещении царил полумрак, но света было достаточно, чтобы увидеть разбросанные тут и там палки, ведра и другие инструменты фермеров. Все это казалось лишним для глаз лорда, его внимание было устремлено на огромное темное пятно прямоком у двери. Кровь успела впитаться в старые доски, отчего и так затхлое помещение впитало в себя отголосок металлического запаха крови. Чуть в стороне от двери лежал совсем крохотный кусочек тряпки. Его неестественное положение резко выделялось среди прочего здесь. Он поднял ткань и приблизил к лицу, чтобы разглядеть находку. Наощупь она была нежной, и среди бурых пятен виднелась часть цветочного узора. Сомнений не было, это была часть платья.

– Скажите, жертва была в платье? – задумчиво произнес Кейл, продолжая глядеть на неровные края тряпки.

– Возможно, – констатировал Милен за спиной Блэкуэлла. – Ее здесь и нашли. У бедняжки была разодрана глотка,

очень неприятная картина.

– И? – лорд слегка повернул к нему голову, не сводя глаз с кровавого пятна.

– И, – повторил за ним усач. – Я бы никому не пожелал такой смерти. Бедная... бедная девочка.

– У нее была только разодрана глотка?

– Да, мистер Патерсен нашел ее, когда она испускала дух. Все еще теплая с разодранной глоткой...

– То есть волки загрызли его дочь, но не тронули его? А ей всего лишь перекусили горло? Если бы на нее напала стая волков, ее тело выглядело куда страшнее, – удивленно развел руками Блэкуэлл.

– Думаю, нет. Мистер Патерсен сказал, что услышал собачий лай, а затем женский крик со стороны сарая. Пока он собирался, волки успели сбежать.

– Слышите, как это звучит? – рассмеялся лорд. – Волки испугались собачьего лая и сбежали. Нет, друг мой, это точно не стая волков. Они хоть и осторожные животные, но не глупые. Странно, что они вообще подошли так близко к людям. Если же ими овладел самый настоящий голод, то от тела ничего остаться не должно. А тем более не выжил бы мистер Патерсен. Определенно, он играл с ней, потому так близко подпустил к дому. Давал ложную надежду на спасение.

– Вы хотите сказать, что волк был один? – воскликнул Милен. – Потому, почуяв людей, он испугался.

– О, нет, я не говорил, что это волк, – отрицательно пока-

чал головой Блэкуэлл. – Вы плохо меня слушаете. Я сказал, что хищник был один, а не волк.

– Не волк?

– Не волк, и тем более не стая волков. Вы когда-нибудь видели их жертв?

– Девятнадцатый раз вижу, – иронично хмыкнул констебль.

– Они охотятся, а не убивают. Если бы это были волки, они утащили тело с собой или сожрали на месте.

– Если это не волки, то кто? – Милен вытянул шею, стараясь не пропустить ни единого слова.

– А вот это нам и предстоит узнать, – лорд посмотрел на медные часы, с аккуратным узором. – Мы довольно уже задержались.

– Красивые часы, – подметил Милен, тут же позабыв их прошлую тему разговора. – Только не соответствует Вашему положению.

– Это подарок, – быстро буркнул мужчина.

– Вероятно, подарок от прелестной леди, которая с нетерпением ждет, когда Вы решите дела в графстве Дербишир и вернетесь к ней.

– Не ждет, – также быстро ответил Блэкуэлл, а затем тихо добавил. – Она уже никого не ждет. Ее загрызли волки.

Констебль с удивлением уставился на лорда. На фоне диалоге, он так и не понял, было ли это неудачной шуткой или ужасной правдой. Но гость не дал мужчине опомниться.

– Остальное сделаем завтра. Я буду ждать здесь на рассвете, потому советую не опаздывать. И не забудьте про собак, ваших борзых нам, определенно, будет недостаточно.

С этими словами Блэкуэлл развернулся и, громко цокая, зашагал по мокрой грязи в сторону выхода из фермы.

Утренняя прохлада обдавала мертвенно бледное лицо Блэкуэлла. Он плавно петлял по дороге между огромными мутными лужами, пытаясь не попасться в последствия вчерашнего дождя. Его движения были расслабленными и неторопливыми, но расстояние между ним и мужчинами впереди быстро сокращалось. Их было пятеро: констебль со своими помощниками и два егеря, в ногах одного из них лениво лежала здоровая собака. Они с интересом и нескрываемым недоверием смотрели в сторону лорда.

– Сэр, судя по вашему виду, мы собрались на легкую прогулку, – насмешливо выпалил Милен, когда Блэкуэлл оказался рядом. – Я понимаю, что человеку подобного статуса следует выглядеть соответственно, но повод ли это портить столь дорогой фрак?

– О нет, Вы хорошо заметили, это будет небольшой прогулкой, не более, – протянул Кейл, осматривая ружья егжей. – К тому же, то, как будет выглядеть мой наряд, – это только моя забота.

– Судя по отсутствию у Вас какого-либо оружия, это, действительно, будет всего лишь прогулка. Или господин Блэкуэлл способен справиться со свирепым хищником голыми руками?

Братья прыснули от смеха, а один из егерей недовольно хмыкнул, продолжая смотреть на лорда.

– Почему только двое? – ответил Блэкуэлл, не обратив внимания на слова констебля.

– Люди устали, сэр, – пожал плечами усач.

– Люди могут уставать? – равнодушно поинтересовался лорд.

– Это ведь не первая охота, и в ее успех уже никто не верит. Хвала богам, что хотя бы двое согласились.

– Ходьбой по лесу семью не накормишь, – тут же добавил один из егерей, тот, рядом с которым сидела собака.

– Что ж, тем лучше.

Лорд подошел к лежащей собаке и присел рядом с ней. Пес тут же заскулил и попятился назад, уткнувшись в ногу хозяина. Мускулы под его коричневой шерстью напряглись. Еще чуть-чуть и он рванул бы в сторону, но рука лорда перехватила тело животного и быстро сместилась к загривку.

– Ну что же ты, тише-тише, – еле слышно прошептал Блэкуэлл, слегка поглаживая пса. Дождавшись, когда тот перестанет дрожать от страха, он достал из кармана тряпку с небольшим содержимым и сунул тому под нос.

– Что это? – воскликнул хозяин собаки наклоняясь, чтобы

ближе рассмотреть серую ткань.

– Клок шерсти, – Кейл быстро засунул тряпку обратно, скрывая ее от посторонних глаз.

– Какой подход к делу! Вы всегда носите с собой клок волчьей шерсти? – удивился Милен.

– Нет, не ношу. Да и этот я обнаружил вчера, когда возвращался домой, – он кивнул на забор фермы.

– В темноте? Разглядели? – недоверчиво спросил один из братьев.

– Скорее наткнулся, как вы и сказали, в темноте. Просто мне сильно повезло.

Он встал и недовольно покачал головой, глядя собаку, которая ответила ему тихим испугом. В следующий миг она оказалась на другом краю дороги и, виновато опустив голову, потрусила по полю в сторону леса, время от времени озираясь на людей.

– Стой, стой, – закричал хозяин собаки, и мужчины поспешили за животным.

Лес встретил их неестественной тишиной. Не было никаких посторонних звуков: ни скрипа сухих деревьев, ни шорохов от бегущих прочь мелких зверьков, ни пения птиц. Ничего. Природа как будто застыла, изучая гостей, неспешно бредущих за собакой. Чем дальше они заходили в чащу, тем тяжелее было лучам только поднимающегося солнца пробиваться сквозь толстые стволы деревьев. Становилось темнее, и с каждым новым шагом лорд все громче цокал, мотая го-

ловой. В лесу он чувствовал себя некомфортно. Еще со времен, когда отец водил его на охоту, заставляя учить повадки добычи. Все это шастанье по лесной чаще было чрезмерно утомительным для Кейла, и он совершенно не понимал, почему ему, молодому лорду, нужно было тратить на это время. В отличие от своего отца он никогда не лежал душой к охотничьему делу, эта была лишь необходимость.

Через несколько миль они вышли на небольшую поляну. Мохнатый проводник застыл на месте и посмотрел на людей. В его круглых животных глазах читалась надежда. Надежда, что они развернутся и отправятся домой, где он сможет лечь около хозяйского дома и забыть об этой прогулке.

– Что такое, малыш? – хозяин ласково потрепал животное. – Кажется, он потерял след.

– Вы уверены? – по слогам произнес лорд, осматриваясь вокруг. Из-за редкой растительности здесь было гораздо светлее. Сразу же бросалось в глаза то, что место казалось пустым. Здесь не росло ничего кроме мелкой и колкой травы.

– Это так, господин. Каждый раз мы ходим с собаками в лес, и каждый раз они теряют след. А мы, в свою очередь, только теряем время, – подал голос второй егерь, устало закатывая глаза.

– Вы действительно думаете, что собака потеряла след? – насмешливо спросил Кейл.

– А на что это еще похоже? – ответил хозяин собаки.

– Он боится.

– Боятся? Чего? Каких-то жалких волков? Да я с моим мальчиком всю жизнь ходил за ними.

– Вам известно такое понятие как ликантропия? – погладив свой острый подбородок, вдруг прервал его лорд.

– Чего? – недоуменно уставился на него егеря.

– Вы хотите сказать, мы идем за оборотнем! – вмешался в разговор констебль.

– Оборотень, ха-ха, – рассмеялись оба егеря. – Мы идем по следам каких-то сказок.

– Сказок? – в этот раз недоумевал Кейл.

– Мы пугаем этими рассказями детей, чтобы те не заходили глубоко в чащу. Но сейчас Вы, сэръ, пытаетесь напугать нас. Разве мы похожи на детей? – спросил хозяин собаки своего товарища.

– Что же, – хмыкнул Блэкуэлл, пожимая плечами. – Раз вы так уверены, что это пустая трата времени, пусть будет так. Можете вернуться назад.

Мужчины застыли, открыв рты от удивления. Сильнее всего выделялся Милен. Его усатая физиономия так сильно исказилась, что рассмешила лорда.

– Сэр, но как же Вы? – он пошатнулся от недоумения. – Какое право мы имеем оставить Вас одного, когда в лесу бродит этот монстр? По Вашим словам, конечно.

– Мне не требуется излишнее беспокойство. Вы сказали, что он испугался мистера Питерсена. Советую не забывать, что я – лорд Кейл Блэкуэлл, а не простой фермер, – властный

голос выделил последние слова.

– Так именно поэтому мы... – слова Милена оборвало громкое цоканье. Он ненадолго замолчал. – Хорошо, тогда позвольте мне сопроводить Вас. Леса графства Дербишир очень густые, и в них не составит труда заплутать.

– Вы уверены в этом, Милен? – в интонации лорда послышалась еле уловимая настойчивость.

– Да, сэр, – не задумываясь ответил тот.

Кейл ничего не ответил и начал осматривать поляну. Один из егерьей хмыкнул и подошел к Милену. Некоторое время он шептались, что не сильно заботило Блэкуэлла. Затем егерь развел руками и отдал ружье Милену.

– Что дальше? – воодушевленно спросил усач, подходя к лорду. Его руки с силой сжимали ружье.

– Вы уже готовы? Что же, – тихо сказал Кейл, бросая взгляд на удаляющихся людей. – Идем.

Он быстро оказался на противоположной стороне поляны и нырнул в гущу деревьев. Констебль поспешно последовал за ним.

– У меня складывается впечатление, что Вы хотите избавиться от нашего общества, – задыхаясь крикнул Милен, стараясь поспевать за лордом.

– Разве у Вас нет более подходящей работы, чем скитание по лесу? – быстро отвечал Кейл.

– Конечно, есть. Только это дело очень заинтересовало меня. К тому же, после письма господина Пирси... Предпо-

ложим, что это очень необычно.

Блэкуэлл снова ничего не ответил, только ускорился, петляя между деревьями, расстояние между которыми становилось все меньше. Казалось, еще пара метров, и они образуют сплошную стену.

– Скажите, Милен, у Вас есть семья? – лорд резко остановился, поворачиваясь к своему спутнику.

– Конечно, сэ, – лицо усача расплылось в смущенной улыбке.

– Может быть, дочь? – по увеличившейся улыбке лорд понял, что не ошибся. – Вы ведь видели тело дочери Патерсен?

– Видел, – коротко кивнул Милен.

– А остальных жертв? Вы видели их тела?

Констебль кивнул, сглатывая подступивший комок в горле. Он начал понимать, к чему ведет лорд. Улыбка тотчас исчезла с его лица.

– Лорд Блэкуэлл, если Вы считаете, что мне страшно находиться здесь, то это не так. Если же Вы хотите, чтобы я покинул Вас, оставив здесь одного, то вынужден разочаровать, этого также не случится.

– Милен, я ведь даю Вам еще один шанс, – тихо выдохнул Кейл.

– Зачем? Я был приставлен к Вам графом Пирси, а потому ни один сказочный монстр не помешает моему...

Слова повисли в тишине лесной чащи. Рука в белой перчатке крепко сжимала верхнюю часть шеи Милены. Хруста

сломаных позвонков не было слышно, но лорд чувствовал, как они деформировались под действием его хватки. Он разжал руку, и тело констебля повалилось на землю. Смерть наступила мгновенно, бедняга даже не понял, что произошло. Кейл умел делать это быстро, практически безболезненно. Ему всегда казалось, что его жертвам очень повезло, что именно он лишает их жизни, а не какой-нибудь член его семейки или другой жалкий оборотень. Они пользовались разными способами, и каждый из них приносил их жертвам максимальное количество мучений. Лорду это казалось чересчур жестоким.

Размышления о несчастном констебле тут же ушли на второй план. Он был слишком голоден, чтобы заботиться об этом пустяке. Наклонившись над телом, он тут же вцепился в теплую плоть, с жадностью проглатывая кусок за куском. Как же сильно голод докучал ему с того самого момента, как он покинул их родовое поместье. Человеческую еду он терпеть не мог, хотя на ней можно было функционировать некоторое время. Но постоянный голод все равно сводил его с ума. Заставлял просыпаться по ночам и выть от бессилия и сильной жажды человеческой плоти. Последние дни Кейл практически не спал по этой причине, из последних сил сдерживая превращение. Сейчас он мог наконец-то расслабиться, почувствовав долгожданное насыщение.

Спокойствие лорда было недолгим. Кустарник позади него затрещал, оповещая о том, что он здесь не один. Достав

белоснежный платок, Кейл аккуратным движением вытер с лица не успевшую застыть кровь.

– Слишком долго, Гарри, – не поворачивая головы, насмешливо произнес Блэкуэлл. Он с интересом смотрел на размазанные по платку бордовые пятна. – Очень сомневаюсь, что ты решил не докучать мне, терпеливо наблюдая за трапезой. Нужно было действовать раньше.

Сухие ветки снова затрещали, и лорд затылком ощутил, как позади него остановилось существо. Тут же его обдал отвратительный, тухлый запах смерти.

– Никогда не сомневался в твоём интеллекте, – мужчина плавно и вместе с тем быстро развернулся, делая шаг назад. – Но сейчас ты потерял свой последний шанс, мой буйный старший брат. Ты никогда не мог одержать надо мной верх дома, а что уж говорить сейчас.

Перед ним нависло существо, которое сложно было назвать человеком. Его звериное тело было покрыто свалявшейся шерстью, чередующуюся с островками проплешин. На них виднелась серая кожа, усеянная рубцами от многочисленных ран. Могучие лапы то и дело сокращались. В любой момент оно был готов броситься на лорда и превратить в кашу его улыбающееся лицо. Но существо сдерживало себя, и только водило из стороны в сторону своей вытянутой звериной мордой, издавая звучное рычание.

– Будешь спорить со мной, – с презрением цокнул лорд. – Когда произошло твоё последнее превращение? Месяц на-

зад? Два? Ты прекрасно знаешь, что нам это запрещено. Отец говорил, почему нельзя так долго находиться в этой форме. Посмотри на себя, Гарри. Зачем ты издевался над дочкой фермера? Было интересно загонять беднягу в угол?

Существо снова рыкнуло и угрожающе качнулось вперед, заставляя Блэкуэлла сделать шаг назад.

– Ты уронил свое человеческое достоинство, – злобно закричал Кейл. – Ты должен был стать главой рода, а что получилось в итоге? Скрываешься от собственной семьи в каком-то жалком лесу! Мы были обязаны хранить секрет, который доверил нам отец. Только представь, что случится, если о нас узнают. Или ты забыл о Дерике? Ты забыл о собственном сыне? Боже, отец правильно сделал, что послал меня за тобой. И я верну тебя обратно, даже мертвого верну. Ты зашел слишком далеко!

Ответом снова послужил громкий рык, и существо выгнуло спину, приготовившись к прыжку. Кейл с презрением цокнул, но остался стоять на месте.

– Ты потерял свой последний шанс, Гарри, – сквозь зубы прошептал он, бросая платок на землю.

– Простите, что вынужден принимать Вас здесь, лорд Блэкуэлл, – полный мужчина виновато улыбнулся, делая большой глоток из бокала. Он не мог выпустить его из рук во

время всего их диалога. – Я слышал, что Вы доложите о нашем деле лично, но то, что Вам удастся найти меня здесь...

– Не стоит, господин Пирси, – сдержанно ответил Кейл. – Напротив, это моя вина, что устроил нашу встречу при в таком неудобном для Вас положении.

– Значит в этом есть наша общая вина, – добродушно хохотнул граф.

– Все так. Однако нет никакой разницы, как бы выглядела наша встреча. Главное то, что она состоялась.

– Ох, Вы прямо такой, каким описывал Вас Милен, – он быстро прикусил язык и опустил глаза. – Бедный, бедный Милен.

– Была определенная необходимость нашей скорой встречи, – как бы не слыша его продолжал Блэкуэлл. – Должен сказать, что я не располагаю таким важным ресурсом, как время.

– Понимаю-понимаю, – закивал мужчина. – Все-таки нелегко Вам пришлось. Было бы очень здорово увидеть тело этого монстра.

Хоть тон Пирси и был мечтательным, но лорд отчетливо услышал настойчивый намек.

– Вы помните нашу договоренность, – быстро проговорил Кейл. – В доказательство выполненной работы Вы получили его клык. Вам стоит немного подождать, и Вы сами убедитесь, что чередка смертей от волков прекратилась. Люди снова будут спокойны. В конце концов, мое слово – это не пу-

стой звук.

– Конечно, Вы правы, – обижено ответил граф. – Так значит Вы не задержитесь у нас еще немного? Для меня было бы честью понаблюдать за вашей охотой вживую.

– К сожалению, в другой раз, – оборвал его Блэкуэлл, делая глоток из большого стеклянного бокала, и едва слышно цокнул.

– Все-таки какое же отвратное здесь вино, – подумал он про себя, поставив бокал на место.

Человек из рода человеческого

Арсений всегда знал, что его жизнь ещё не набрала свою полную силу. С детства он был уверен, что с ним непременно произойдёт нечто выдающееся, необычное, что в его жизни появится что-то классное и безумно интересное. В таком ожидании он прожил до двадцати лет; закончил школу, поступил учиться, однако большую часть времени проводил, веселясь со своими друзьями и уделяя внимание самым разным увлечениям. Стараясь захватить вниманием как можно больше сфер жизни, он увлёкся катанием на велосипеде, заезжая в непосещаемые людьми уголки за городом или в самые отдалённые его части. Именно в одной из таких поездок и произошло то, чего он ждал столько времени.

Наткнулся однажды Арсений на коттеджный посёлок, утопающий в цветущей растительности и ярком летнем солнце. Он удивился, насколько в нём было красиво: большие дома, словно сошедшие с картинок, аккуратные улицы, пышущая жизнью зелень на участках и высокие, пушистые сосны, будто окружившие это место в кольцо. А ещё на улочках было очень-очень тихо, словно ни в одном доме не было людей. Не было нигде и машин. Единственными звуками, нарушающими тишину, были шуршание колёс велосипеда, чирканье птиц и едва уловимый шум лёгкого ветра. Проехав по каждой улице и не встретив ни одной живой души, Арсе-

ний направил свой велосипед в сосновый лес, что был похож на высокую стену, возведённую охранять здесь тихие дома. Чем дальше он проезжал, тем более красивым становилось всё вокруг него. Лес выглядел так, словно ни одно человеческое создание ни разу не бывало в нём до сегодняшнего дня. Под колёсами хрустели старые сосновые иголки и шишки, заросли мхом сочного зелёного цвета пни и упавшие ветки, а золотые лучи солнца разбивались об игольчатые кроны сосен и падали яркими нитями на мягкую, пружинившую землю. Всё было настолько завораживающе красивым, что Арсений остановился и прилёг под сосну с большими удобными корнями, дабы насладиться пребыванием в этом сказочном месте. Но в одиночестве он был недолго.

Сзади раздались осторожные шаги, и, обернувшись, Арсений остолбенел. К нему подходила девушка, такая красивая, что у него перехватило дыхание. Её почти белые волосы светились на солнце, а кожа на щеках была чуть розоватой, явно получившей поцелуй светила, что ещё больше выделялось на фоне ярких голубых глаз. С её тела спадала водопадом белая ткань, подвязанная лентами на талии, и при ходьбе задевала хвойные иголки, лежавшие на земле. Арсений торопливо вскочил на ноги, не в силах оторвать восхищённого взгляда от незнакомки.

Девушку звали Алиса. Они говорили несколько часов, и между молодыми людьми появилась симпатия. Алиса жила как раз в тех красивых, тихих домах, мимо которых Арсе-

ний и попал в лес. В этот день они обменялись контактами и стали много переписываться в социальных сетях, а также видеться каждые несколько дней. Симпатия и тёплое общение переросли во влюблённость, Арсений и Алиса стали парой.

Одним осенним днём, когда кроны деревьев уже зажглись оранжевыми всполохами, но ещё не успели поредеть, Арсений приехал к Алисе домой. Решением, как в этот раз провести вместе время, стала идея прогуляться в том самом лесу. Под их ногами трескались тоненькие ветки и шуршали опавшие красочные листья. То и дело раздавался весёлый смех, когда кто-то из них оступался, задев спрятавшуюся в листве корягу или споткнувшись о палку, а второй ловил его, не давая упасть. Когда они уже зашли довольно глубоко, Арсений обратился к девушке:

– Алиса, что-то случилось? Мне кажется, ты о чём-то думаешь всё это время. У тебя всё хорошо?

Девушка слегка вздохнула.

– Верно подметил. Я раздумываю, поделиться ли с тобой своим секретом. Видишь ли, у меня в жизни есть очень важное обстоятельство, но я ни разу пока за всю мою жизнь не доверяла этот секрет людям. Я очень боюсь, что это испугает тебя.

Арсений обнял Алису за плечи и твёрдо посмотрел ей прямо в глаза.

– Ты можешь доверять мне. Мы знакомы с тобой больше четырёх месяцев, и я очень надеюсь, что это продлится и

дальше. Я буду рад, если ты поделишься со мной всем, что есть и будет в твоей жизни. Можешь не волноваться – твоя тайна останется только между нами.

Алиса с надеждой смотрела на него в ответ, поколебалась ещё несколько секунд и наконец заговорила.

– Пожалуйста, выслушай то, что я сейчас расскажу тебе, и постарайся поверить, хоть это и будет непросто. Дело в том, что я рождена среди народа, имеющего большую силу. Мы почти во всём похожи на людей, настолько, что мы легко можем жить среди вас. В давние времена люди называли нас магами, волшебниками, даже иногда феями или шаманами, – усмехнулась девушка. – Но на деле мы гораздо больше, чем то, что подразумевают под собой все эти слова. Практически всю нашу историю мы зовёмся ладомирами, потому что именно наш народ поддерживает жизнь и спокойствие на этой планете.

Потрясённый услышанным, Арсений не произносил ни слова, уставившись на Алису широко раскрытыми глазами. Она помолчала несколько секунд, ожидая его реакцию, затем продолжила:

– Понимаю, поверить в это сложно, особенно нынешним людям. Практически все из вас относятся к подобному не иначе, как к фантазиям и сказкам для детей и мечтателей. Но факт в том, что мы существуем и защищаем этот мир. Вот, смотри.

Алиса сложила ладони перед собой так, словно держала

большую чашу, и в середине получившейся выемки неожиданно появились два нежно-оранжевых потока, похожих на водяные ленты, испускающих мягкий свет. Они быстро удлинялись, переплетаясь и словно оборачиваясь вокруг небольшой невидимой сферы. И без того потрясённый Арсений чуть не выронил глаза, никак не в силах поверить в то, что он действительно это видит. Алиса молчала, ожидая, когда он сможет заговорить. Наконец молодой человек смог немного совладать с собой.

– Если честно, я шокирован. Никак не могу собрать мысли во что-то целое. У меня сразу миллион вопросов, и я не знаю, с какого начать. Но могу сказать одно – если я сейчас не сплю и это происходит на самом деле, то это самое крутое, что я когда-либо видел в жизни!

С облегчением улыбнувшись, девушка заметно расслабилась.

– То, что я тебе показываю, это демонстрация внутренней силы. У каждого ладомира она своего оттенка, а вот формы довольно часто похожи. Это самое простое, первое, чему учат маленьких детей. Всем ведь интересно, как выглядит их сила. Это похоже на то, как люди наблюдают за своими детками – к чему у них склонность, чем они интересуются с самых малых лет. Обычно детей-ладомиров учат показывать свою силу, как только они более-менее научаются говорить и понимать слова родителей.

Завороженно наблюдая за лентами, словно плывущими по

шарообразному течению воды, Арсений протянул к ним руку и осторожно дотронулся. Потоки оказались такими приятно тёплыми, что это ощущение моментально распространилось по всему его телу, согрев каждую клеточку.

– Это невероятно. Абсолютно невероятно. И вместе с тем потрясающе! Милая, не представляешь, насколько я счастлив, что ты такая особенная. Расскажи мне скорее всё о тебе и твоём народе. Ладо...миры, верно?

Народ, которому принадлежит Алиса, живёт чрезвычайно близко к людям, и многие из них ведут жизнь как в своём мире, так и в мире людей. К ладомирам человеку никак не попасть без помощи одного из них; они живут в точно таком же мире, как и люди, где даже время идёт так же, только сохраняют всё, что вырастает на земле, у себя. Люди уничтожают, а ладомиры растят и заботятся. Поэтому их мир, по рассказу Алисы, гораздо более зелёный и чистый, чем мир людей. Но и людям они помогают – места, где живут ладомиры, обычно гораздо зеленее, там пышно растут деревья и трава, светятся жизнью цветы, а фрукты и овощи большие и вкусные, потому что даже своим присутствием ладомиры напитывают окружающий мир. Их княжна, дочь правящей пары, иногда помогает местностям, пострадавшим от наиболее активной деятельности людей, стараясь не допустить разрушения планеты. Ладомиры рождаются с разными способностями и умениями, которыми их наделяет сила.

– Нет ладомира, который родился бы просто так. Даже ес-

ли у кого-то нет выдающихся умений, каждый найдёт себе дело; обычно они помогают тем, кто родился со склонностями к чему-либо. Например, мой отец – воин, служит в армии нашей императорской семьи, а вот моя мама рождена без каких-либо склонностей и работает в ателье у мастерицы, может ткать и помогать шить наряды, даже иногда выполняет заказы от семьи наших правителей! А мне повезло – я родилась мастерицей, очень близкой к природе. Я умею чувствовать и находить самые разные камни и даже работать с ними, делая красивые изделия. Мои родители очень мною гордятся, – светилась от счастья Алиса, рассказывая о своей жизни и отвечая на вопросы своего молодого человека, сыпавшиеся один за другим.

В тот день Арсений ушёл домой в сильном душевном волнении. Он ехал и не замечал дороги, полностью погрузившись в чувство: вот оно, то, чего он ждал всю свою жизнь. Он наконец встретился с чем-то по-настоящему захватывающим, недоступным для других людей, во что посвятили только его. И он не собирался с этим расставаться.

С тех пор он с ещё бóльшим нетерпением ждал встречи с Алисой. В их времяпровождение добавились длинные разговоры о ладомирах. Арсений интересовался всем: расспрашивал о жителях, об истории народа, быте и их занятиях. Девушка, радуясь такому интересу и тому, что Арсений не сбегал после её признания, с удовольствием всё рассказывала. К расспросам скоро присоединились просьбы демонстриро-

вать свою силу. Ладомира показывала простейшие заклинания, десятки раз демонстрировала оранжевые потоки и даже поднимала Арсения в воздух, заставляя его парить над землёй, чем приводила его в бурный восторг. Фокус с поднятием он особенно полюбил, несмотря на то, что, по словам Алисы, поднимать вещи может каждый ладомир, от уровня силы зависит только возможный для перемещения вес предмета.

Однажды они, как обычно, разговаривали о ладомирах, когда Алиса упомянула обстоятельство, полностью захватившее внимание Арсения.

– Ты же помнишь, что сейчас наследница – княжна Александра? Ах, она такая красивая! Как по мне, в империи нет девушки красивее, чем она. И самое прекрасное у неё – это её глаза; они цветом точно, как два больших, чистых изумруда. Я видела её вчера, когда навещала дом – она была со своим женихом и подругой в дворцовом парке. Даже подошла поговорить с ней, и княжна была очень мила со мной. Я так рада, что буду жить под её и господина Елисея правлением – наша княжна обязательно сохранит светлое небо над своим народом, – щёки ладомиры покраснелись от волнения, пока она рассказывала об этой встрече, а руки ярко жестикулировали.

– Елисей – жених княжны? Почему ты назвала его господином? – Арсений обратил внимание на слово, ранее не звучавшее по отношению к ладомирам, а потому царापнувшее слух.

– Да, это её жених, говорю же. Господином и госпожой у нас называют людей, которые являются друзьями кого-либо из императорской семьи или же парой наследника. Подруга княжны – тоже человек, а значит, её так же называют «госпожа».

– Ваша княжна обручена с человеком? – Арсений не поверил своим ушам. – Как такое возможно? Ты говорила, император и императрица должны быть способны даже в одиночку защитить всех подданных вместе взятых от самых глобальных катастроф, а получается, ваш будущий император не будет иметь никакой силы?

– Точно, я тебе ещё не рассказала об этом! – хлопнула себя по лбу девушка. – Всё совсем не так, как ты думаешь. На самом деле человек может стать ладомиром и быть наделённым силой, если он полюбит кого-то из нашего народа. В момент, когда свершится церемония свадьбы, человек будет наделён силой ладомира, может даже стать одарённым каким-либо особенным талантом. Если же этот человек – возлюбленный самой княжны, он получает силу члена императорской семьи. Да, ему предстоит больше работать над собой, чтобы до конца соответствовать этому, но это точно не будет напрасно. Сила никогда не ошибается в выборе, а уж тем более в выборе наследницы.

Из Арсения словно разом выбили дух.

– То есть стать одним из вас настолько просто? – с плохо скрываемой хрипотой в голосе спросил он.

– Где же это просто? – с недоумением и даже чуть оскорблённо заспорила Алиса. – Разве можно полюбить кого угодно только по одному желанию? Наша сила точно знает, с кем надо быть той или иной душе, чтобы их союз был крепким, дела – светлыми и полезными, а их дитя – сильным ладомиром, который в будущем продолжит защищать наш мир.

Арсений задумался.

– А что будет, если ладомир ошибся в своём выборе и его возлюбленный не получит силу? Как это можно узнать?

– Заранее узнать нельзя, того ли ты считаешь своей любовью. До свадебной церемонии нужно постараться точно определить, что этот человек рождён для вашей любви. Если он будет не тем, после завершения церемонии человек останется человеком и ничего не произойдёт. Тогда свадьба считается пустой и не свершившейся, а значит, нужно продолжать искать дальше. Это может случиться даже и между ладомирами – после церемонии оба поймут, что никакого знака о правильности выбора они не получили. Все по-разному описывают это чувство, когда получают знак, но сходятся в одном – пропустить его нельзя. Тогда влюблённые просто расходятся, – пожала плечами Алиса. – Конечно, это тяжело перенести, когда двое уже успели влюбиться друг в друга, а затем вынуждены расстаться, но это лучше, чем потратить свою жизнь не на того человека.

– Верно, ты, конечно, права... – задумчиво проговорил Арсений. Через несколько мгновений он, просияв, снова

взглянул на девушку. – Какой же ваш мир всё-таки интересный!

В голове юноши уже вечером после этого разговора созрел план. С того дня он стал вести себя с Алисой гораздо обходительнее, старался чаще с ней видаться, засыпал подарками и душил чрезмерно нежными разговорами. Девушка поначалу была рада такому, но постепенно начала уставать, чего Арсений, не думающий ни о чём, кроме своей идеи, не замечал. Не замечал он и того, что его появившиеся просьбы показать ему мир ладомиров, стали напрягать Алису. Она явно чувствовала дискомфорт из-за его настойчивости, как только он заводил об этом речь, но у неё не получалось ответить более твёрдо тому, в кого она успела влюбиться, из-за опасения обидеть его. А юноша никак не унимался, начиная терять терпение, особенно из-за нескольких аккуратных отказов со стороны девушки.

Неизвестно, как всё сложилось бы, перегни он палку ещё немного, однако ситуация разрешилась неожиданным подарком со стороны Алисы. В очередную их встречу девушка преподнесла Арсению очень красивое кольцо; тёмно-зелёный металл бархатисто переливался на свету, тонкие линии, переплетаясь, образовывали массивный круг, в центре которого восседал крупный камень, удерживаемый колючими завитками. Драгоценность так заняла внимание юноши, что он с минуту не мог оторвать от него взгляд. Никогда Арсений не видел такого камня: он был фиолетового цвета, глад-

ко обточен в виде полусферы, а внутри него словно двигался фиолетовый туман, становясь то темнее, то светлее. Кольцо надела Алиса на средний палец правой руки Арсения; оно село, как влитое.

– Алиса, дорогая моя, у меня просто нет слов. Спасибо тебе большое! – он схватил ладони девушки и расцеловал их под её радостный смех. – Не представляешь, как оно мне нравится! – он вытянул руку и слегка покрутил ею, рассматривая подарок. – Из чего оно сделано? Я в первый раз вижу что-то подобное.

– Разумеется, в первый раз, – с гордостью ответила девушка. – Это работа двух чудесных мастеров, знакомых моей семьи. Алхимик создал этот металл и камень, а ювелир соединил их вместе, сделав кольцо по моему описанию. У нас часто создаются какие-либо природные блага с помощью силы, чтобы не истощать нашу землю, а потому можно увидеть много самых разных изделий необычных цветов и свойств. Между прочим, твоё кольцо находится под моим колдовством, – заговорщицки улыбнулась девушка и наклонилась чуть ближе. – Оно будет охранять тебя и не даст случиться плохому.

Вечером Арсений, как проводил Алису, поторопился домой к своему лучшему другу. Впервые с того момента, как узнал о ладомирах, юноша рассказал о них кому-то ещё. Его друг Влад внимательно слушал, не перебивая, а когда Арсений закончил, заговорил не сразу.

– Слушай, я обсужу это с тобой только потому, что давно тебя знаю и сейчас очень хочу узнать причину, почему ты мне рассказываешь что-то, похожее на детскую сказку, с таким энтузиазмом и абсолютной уверенностью в своих словах. Если ты не прикалываешься, а реально говоришь это, преподнося как чистую правду, я начинаю задумываться, не вызвать ли мне сейчас сюда дурку, чтобы тебя забрали с диагнозом «бредовое расстройство» или что-то такое.

– Понимаю, звучит максимально странно, тем более от меня, но я очень прошу: постарайся мне поверить, я говорю правду! Смотри, что она мне сегодня подарила! – он протянул другу свой главный козырь, красующийся на руке. Влад, озадаченно нахмурившись, несколько минут рассматривал кольцо, даже взял его в руки и особенно внимательно смотрел за движением внутри камня, несколько раз тряс возле уха, видимо, надеясь услышать бульканье воды.

– Никогда не видел чего-то такого. И цвет у металла странный. Ты не пробовал посмотреть, он и внутри такой же, или это просто краска?

– Только попробуй хоть царапину сделать! – Арсений поспешно выхватил подарок и надел обратно. – Я уверен, он и внутри такой же. Суть не в этом. Ты понимаешь, что скорее всего в обозримом будущем я стану таким же, как она? Я смогу получить такую же силу, как у всех них, и моя жизнь наконец перестанет быть такой бессмысленной и скучной! – от волнения у него дрожали руки и покраснелось лицо, по-

ка он говорил это. Всё ещё озадаченный Влад скептически приподнял бровь.

– С чего ты взял, что станешь таким же? Насколько я понял, ладомир должен полюбить человека, а человек должен так же полюбить его в ответ, чтобы произошла трансформация. Ты же знаешь её не настолько долго, да и не похоже, если честно, что ты любишь эту девушку.

– Между прочим, нас сразу потянуло друг к другу, с первого дня знакомства, хотя я тогда ничего этого о ней не знал. Да и неужели так сложно сказать, что ты любишь кого-то? Если эта энергия как-то проверяет мозг на наличие чувств, можно даже самого себя накрутить как угодно влюблённым.

– Тебе не кажется, что это не так работает?

– Главное, чтобы она была влюблена как можно сильнее. А я уже много над этим поработал, поверь мне. Неужели о её намерениях не говорит даже тот факт, что она подарила именно кольцо, да ещё надела сама и на правую руку? Я уверен, это многое значит, для них ведь, наверное, важен символизм, – отмахнулся Арсений. – В общем, скоро сам всё увидишь. Я обязательно покажусь тебе потом, когда она выйдет за меня. – Самодовольно улыбнулся он.

Влад с сомнением приподнял брови, но ничего на это не ответил.

Через несколько дней Алиса позвонила Арсению с самого утра.

– Доброе утро! Приезжай скорее ко мне, если у тебя сей-

час нет никаких дел. У меня есть одна отличная идея, как провести завтрашний день. Уверена, тебе понравится!

Арсений собрался и приехал в рекордно короткие сроки, подгоняемый волнующим ощущением, что сейчас услышит нечто крайне важное и интересное. Алиса встретила его с широкой радостной улыбкой.

– Привет! Как ты быстро в этот раз, – усмехнулась она, пока он выходил из машины.

– Ты ведь попросила поскорее, – обаятельно улыбнувшись, ответил он. Приветственно поцеловав девушку в щёку, он с нетерпением переступил с ноги на ногу.

– Ну, что ты там придумала? Рассказывай скорее, мне не терпится узнать.

– Да-да, но давай пройдем в дом. Расскажу только там, – она схватила его за правую руку и потащила за собой. По дорожке и весь путь на второй этаж они шли обычным шагом, из-за нетерпения казавшимся Арсению крайне медленным, хотя Алиса за минуту до этого выглядела так, будто готова была бежать. Не проронив ни слова, девушка завела его в комнату и, не оглядываясь, отошла к окну и замерла, всматриваясь в лес. Несколько секунд Арсений в нерешительности переминался у двери.

– Эй, так что ты хотела предложить? Ты забыла, что ли? – он неуверенно окликнул ладомиру. Алиса с отстранённым выражением лица повернулась.

– А?... Ах, да, да... – она чуть тряхнула головой и улыб-

нулась. – Так вот, слушай.

– Всё в порядке?

– Разумеется. У меня отличные новости для тебя. Завтра состоится бал во дворце наших правителей по случаю праздника сумрака. Я тебе рассказывала о нём как-то. Будет очень много гостей, и я хочу, чтобы ты составил мне компанию, чтобы мы вместе сходили туда.

От радости Арсений на пару секунд забыл, как дышать. После небольшой паузы, он, едва не лопаюсь от восторга, подлетел к девушке и схватил Алису за руки.

– Я не сплю? Это правда, ты хочешь пригласить меня в ваш мир? Да ещё и в императорский дворец?

– Ну конечно! – рассмеялась Алиса. – Я потому и позвала тебя с самого утра, чтобы ты успел подготовиться. У тебя же есть какой-нибудь хороший костюм?

– Да, есть, есть. Может, мне что-то другое купить? Как вообще следует одеться? Я помню твои рассказы, мне кажется, обычный человеческий костюм не подойдёт для такого мероприятия, – юноша настолько заволновался, что начал судорожно бормотать что-то несвязное себе под нос.

– Не беспокойся об этом, любой хороший костюм подойдёт, главное, чтобы презентабельно выглядел и сидел на тебе хорошо. Наши мужчины одеваются не с таким уж отличием от ваших. Фасоны, в целом, похожи. В любом случае, хоть по тебе и будет видно, что ты человек, никто не скажет ни тебе, ни твоей одежде плохого слова. Ты же знаешь, что среди нас

это совсем не в ходу – осуждать за наряд. И уж тем более, за то, кто ты такой, – весело фыркнула девушка. – Учитывая, что наш будущий император тоже из мира людей.

Арсений расслабленно улыбнулся, внутренне лучась от счастья. Он чувствовал, что его цель уже настолько близко, что можно почувствовать её тепло. Он уехал, и всё оставшееся время готовился к празднику. По дороге домой он эмоционально рассказал всё по телефону Владу, доказывая, что оказался прав насчёт намерений Алисы. Друг, хоть и не разделял до конца его восторгов, всё же взял обещание после рассказать о мире и о празднике уже не со слов Алисы, а с собственных наблюдений.

В пять часов вечера следующего дня Алиса и Арсений шли по лесу. Под ногами хрустели ветви и листья, схваченные первыми несильными заморозками и с лёгкой пеленой льда, темнота с каждой минутой словно сгущалась сильнее, отчего на фоне неба всё ярче выделялись голые ветви деревьев, переплетающиеся в чёрные кружева.

– Почему нам нужно зайти в лес? – спросил Арсений, потирая чуть замёрзшие руки.

– К нам можно попасть только с помощью кого-то из нас, так как именно мы можем открыть проход в подходящем месте. Конечно, его нельзя открыть просто в воздухе, нужны особые условия. Сейчас вот мы ищем два близко стоящих друг к другу дерева – это одно из самых частых мест, где мы открываем двери, – Алиса бодро шла рядом, словно со-

всем не чувствуя холода, несмотря на то, что одета она была больше празднично, а не тепло. Из-под светлого шерстяного пальто выглядывала пола фиолетового длинного платья, расшитая серебряными тонкими узорами, а на шее, не прикрытой ничем, игриво сверкало какое-то серебряное украшение, уходящее под воротник. Похожее цветом украшение было и на руке, и в волосах – оно держало на затылке передние пряди волос девушки. В его середине переливался большой фиолетовый камень. – Кстати, насчёт дверей – тоже подходящий вариант, но мы стараемся всеми правдами и неправдами не делать этого в домах, где мы живём. Если и открывать проход в двери, нужно найти заброшенное здание. Но зачем, если есть деревья! – с этими словами Алиса неожиданно ускорила и подошла к двум обособленно стоящим сосенкам, между которыми было расстояние в точности на одного человека. Арсений остановился и даже с неким трепетом посмотрел в проход между ними.

– И что ты сейчас будешь делать? – с волнением спросил он. Алиса не ответила, лишь хитро улыбнулась, а затем повернулась к деревьям, положила ладони на каждое из них и что-то непонятно произнесла. Кисти рук девушки выглядели на фоне коры более белыми, чем были на самом деле. Через пару мгновений она повернулась к юноше.

– А теперь пойдём, – сказала ладомира.

Арсений с сомнением снова посмотрел между стволами.

– Ничего ведь не изменилось, – нерешительно и с разоча-

рованием произнёс он.

– Пойдём! – хихикнула девушка и, схватив его за руку, протащила за собой сквозь предполагаемый проход.

Арсений судорожно огляделся вокруг, но быстро поник. Лес выглядел точно так же, вокруг ничего не поменялось. Он повернулся к Алисе.

– Слушай, ты не прикалываешься надо мной? Я не вижу никаких изменений. Это, случаем, не один большой розыгрыш?

– А ты присмотрись получше, – улыbnулась она.

Арсений снова огляделся. Во второй раз, внимательно рассматривая местность, он понял, что деревья выглядят несколько иначе. Как минимум, стволы были толще, что особенно было заметно у тех сосен, возле которых они всё ещё стояли. Довольно хилые ещё минуту назад деревца округлились, подросли и стали ровнее, а их ветки сильнее распушились тёмно-зелёными иголками. Под ногами всё было припорошено лёгким, тонким снегом, даже сам лесной ковёр будто бы был толще. Арсений, теперь уже с восторгом, посмотрел на Алису.

– Во-от, – заулыбалась она. – Теперь видишь? Добро пожаловать в наш мир!

Они снова шли по лесу, который сейчас был гораздо более дремучий, чем тот, в который они входили. Очень скоро впереди между стволами показались огни, становившиеся с каждой минутой всё ярче, пока восхищённому взору

Арсения не предстал большой дворец. Стены его были сложены из молочно-белых камней, большие полукруглые окна обрамлялись снаружи завитыми узорами и колоннами, а на крыше из тёмно-красных черепиц виднелись в некоторых местах маленькие красивые оконца, видимо, из чердачных помещений. Дворец был невысокий, всего три этажа, но очень длинный и явно уходил дальше, вглубь леса, образуя собой большой прямоугольник. Арсению показалось, что строением он в целом похож на те дворцы, что он видел на экскурсиях в Петербурге, что его несколько удивило; ему казалось, что правители ладомиров будут жить в каком-нибудь замке, похожем на те, что стоят в Европе.

Перед главным входом во дворец была вымощенная, большая площадка, по которой прогуливались великолепно одетые люди. Опустившийся сумрак ярко освещали витые уличные фонари, в свете которых наряды ладомиров переливались дорогими и красивыми тканями, а украшения из необычных металлов и камней благородно сверкали в волосах, на красивых пальцах дам и кавалеров, шеях или даже на самих одеждах. Несмотря на всё это, никто не выглядел вычурно – дамские платья были скроены качественно и удобно, не перегружены лишними украшениями, каждая леди выглядела статно и очень роскошно; было видно, что абсолютно все детали тщательно подбирались для сочетания с другими и для украшения своей носительницы. Мужчины выглядели, как принцы с картин – были похожие костюмы,

как у Арсения, костюмы-тройки, мужчины в рубашках и дорого вышитых корсетах, а некоторые, видимо, сыновья высокопоставленных особ, даже надели плащи. Как и в случаях с дамами, за версту у всех была видна дорогая ткань и отличный покррой. Украшениями служили нагрудные платки, подколотые драгоценными брошками, запонки с камнями и большие кольца. Ладомиры оживлённо общались между собой, то тут, то там, раздавался весёлый смех, похожий на звон ручьёв. Больше, чем от роскоши нарядов, Арсений был в восторге только от самих магов. Каждый без исключения увиденный им ладомир или ладомира были восхитительно красивы. Юноша не мог сказать, что это была за красота – ладомиры не были похожи на стайку красавцев с кукольно красивыми, одинаковыми лицами, совсем нет. У любого лица красота была своя собственная, непохожая ни на кого и неповторимая. Необычные черты лица, движения и точёность тел, у каждого свои, мелодичные голоса и яркие, чудесные глаза, лучащиеся жизнью и силой – вот что делало их настолько прекрасными. Арсений замер, широко раскрытыми глазами рассматривая всех вокруг, не в силах отвести взгляда. Он понял, откуда у Алисы была её красота – она заложена внутри целого народа.

Бальный зал, куда его провела мимо блистательной толпы Алиса, снова удивил Арсения. Он ожидал чего-то вроде стен из мрамора, золотых завитков везде, где только можно, тяжёлых бархатных штор и античных колонн. На деле уга-

дал он только насчёт колонн, и то не до конца – они были гладкие, с красивыми тонкими трещинками и обвиты искусно сделанными из камня стеблями роз. Тончайшая работа, от маленьких зазубринок на листьях до каменных бутонов, которые хотелось потрогать, чтобы убедиться – точно ли они живые. Стены и пол так же были из камня, светлого-светлого, чуть сияющего нежным золотым переливом, словно этот блеск был рождён вместе с самим камнем. По виду Арсений мог бы узнать только мрамор, которым был устлан пол; из чего сделано всё остальное убранство, он распознать не мог, как и не смог понять, окрашены ли стебли роз или это камень нужных цветов. Он уже знал, что ладомиры предпочитают зачастую создавать природные ресурсы сами, в чём они очень преуспели и могли делать себе абсолютно новые, не существующие у людей породы руды, камней и прочего.

Сквозь огромные, ничем не занавешенные, окна виднелось бархатное чёрное небо. Если присмотреться, можно было даже увидеть яркие звёзды, несмотря на то, что в зале было очень светло. Здесь также находилось много народу; часто кто-то приходил и уходил, видимо, чтобы все смогли посетить основное место торжества. Как и перед входом во дворец, ладомиры здесь весело о чём-то разговаривали, не чувствовалось чопорности или чего-то похожего – дамы и кавалеры смеялись, эмоционально болтали, собираясь большими кружками, довольно много человек танцевали под звучащие звуки скрипок и пианино, легко кружась в своих красивых

нарядях. Арсений, передвигаясь по залу за Алисой, наблюдал за всем с широко раскрытыми от восторга глазами, боясь упустить хоть что-то, а потому он подпрыгнул от испуга, когда Алиса неожиданно остановилась и восторженно воскликнула:

– Здравствуйте, Ваши Величества!

Арсений почувствовал, как сердце ухнуло куда-то вниз. Император и императрица! Алиса чуть присела, опустив голову вниз, но уже через пару секунд выпрямилась и снова посмотрела на правителей сверкающими, широко раскрытыми глазами. Арсений от неожиданности замешкался, во все глаза смотря на императорскую чету. Императрица излучала всем своим существом статность и благородное происхождение; тёмно-синее платье с золотой вышивкой по всей ткани великолепно сидело на её стройной фигуре, чёрные, как вороново крыло, волосы, собранные в низкую причёску, только сильнее выделялись на фоне очень светлой кожи, а её голубые глаза лучились добротой и лаской, чему Арсений даже удивился. Высокий и статный император был одет в белый костюм с длинным плащом, из точно такой же ткани, как платье его жены, с золотыми наплечниками и украшениями на груди. Его каштановые волосы с неожиданно нежными кудрями удерживались золотой короной со множеством небольших синих камней, в то время как корона Её величества была гораздо более тонкой и сложной, к тому же больше, чем у мужа. Он смотрел светло-зелёными глазами так же

доброжелательно, как и императрица. На приветствие Алисы они с улыбкой кивнули.

– Добрый вечер! – поздоровалась императрица в ответ. Они оба посмотрели на Арсения, замершего перед ними, с ещё большей улыбкой переглянулись, кивнули ему и пошли дальше. Проводив их взглядом, юноша наконец вышел из ступора и страшно запаниковал.

– Алиса, что мне делать? Я не поздоровался, даже не поклонился им! Это же огромное неуважение с моей стороны! – Он заметался из стороны в сторону, насколько это позволяло пространство.

– Успокойся, эй! Всё в порядке! – Алиса изловчилась и крепко вцепилась ему в плечи, останавливая. – Им не привыкать, что перед ними может оробеть человек. Наша княжна очень любит заводить друзей среди людей и приводить их в наш мир, так что такая ситуация, я уверена, далеко не первая. А то, что ты не поклонился – ты и не должен был.

– Это как? – оторопел парень.

– Ты им не подданный. Ты гость в этом мире, а потому не обязан воспринимать их как правителей, только иметь элементарное человеческое уважение и быть вежливым. Людям совсем не обязательно кланяться правителям и Великой княжне. Я тебе больше скажу – подданные обязаны приветствовать небольшим поклоном людей, если это друзья императорской четы или наследницы. А вот они по-прежнему не обязаны никому кланяться, – ободряюще улыбнулась Али-

са. – Так что расслабься. Ты достойно себя вед... Ваше Высочество! – девушка неожиданно перевела взгляд за спину Арсению, прервалась и снова присела, выпалив приветствие.

Юноша обернулся и снова замер, но на этот раз не от испуга. К ним приближалась княжна, держась за руки, видимо, со своим женихом. Остановившись взглядом на лице девушки, Арсений почувствовал, как сердце замерло, а после стало биться с перебоями. Наследница в его глазах была столь прекрасной, что ему показалось, будто от её лица исходит свет. Она была такой же светлокожей, как её мама, с тонкими, чёткими чертами лица, а больше всего на нём выделялись большие, круглые ярко-зелёные глаза, в точности такие, как когда-то описывала Алиса, и эти глаза выглядели ещё ярче из-за длинных каштановых волос, завивающихся на концах прядей в крупные кудри. Александра в точности, как её отец, надела корону просто на распущенные волосы; она была сделана из золота в виде переплетающихся тонких ветвей дерева. Княжна просияла в ответ на приветствие Алисы.

– Добрый ве-ечер! – Арсений почувствовал, как от перелива чудесного голоса княжны у него снова всё оборвалось внутри. – А я помню Вас! Мы как-то встретились в нашем дворцовом парке. Вы ведь дочка воина, мастерица камня, правильно?

– Верно, княжна! Я очень рада, что Вы помните меня! Здравствуйте, господин! – Алиса с улыбкой на секунду склонила голову перед Елисеем. Тот улыбнулся в ответ и так же

поздоровался. У Елисея были очень светлые волосы, завивающиеся в круглые колечки с пружинками и образуя вокруг его головы светлый ореол, что делало его похожим на кого-то вроде херувима, ярко-голубые, как две льдинки, глаза и полностью чёрный костюм-тройка. Чёрными были даже ботинки, и единственной яркой деталью были тёмно-зелёные лацканы пиджака и такого же цвета камень прямо под воротом чёрной рубашки. Он явно надел это, чтобы сочетаться с Александрой – на ней ладно сидело зелёное платье с длинными рукавами и высоким воротником, обхватывающим тонкую шею. Платье было похоже на камень малахита и завораживающе переливалось при её движении. Все мелкие детали, от пуговиц до такого же, как у Елисея, камня под горлом, были чёрного цвета.

Арсений на этот раз смог быстрее взять себя в руки и подал голос.

– Здравствуйте, Ваше Высочество и... господин Елисей, – после небольшой заминки поздоровался он, склонив голову. Александра и Елисей перевели взгляд на него, затем быстро переглянулись и заулыбались.

– Добрый вечер! Вы гость в нашем мире, не так ли? – склонила голову набок княжна.

– Да, правильно. Я впервые здесь. Не могу передать, насколько я восхищён всем тем, что я успел увидеть! Ваш мир – чудесный! – с жаром выпалил он. Княжна снова улыбнулась.

– Что же, надеюсь, это не последний Ваш визит, – она заговорщически посмотрела на Алису. Та как-то напряжённо улыбнулась в ответ, и наследница с возлюбленным пошли дальше по залу. Арсений проводил Александру взглядом, с трудом отвёл глаза, и только хотел спросить Алису, всё ли в порядке, как та весело потащила его танцевать.

Глубокой ночью, когда торжество закончилось, утомлённый Арсений снова шёл вместе с Алисой через лес. Она была странно молчалива, а на осторожные попытки юноши завести разговор отвечала односложно и без энтузиазма. Странное чувство тревоги с каждой минутой всё больше прокрадывалось в мысли Арсения, заставляя живот неприятно скручиваться, словно от чувства опасности. Алиса не выглядела расстроенной или обиженной – её лицо не выражало абсолютно никаких эмоций, мышцы на нём напряжённо замерли, а глаза раскрыты шире, чем обычно, и устремлены в точку прямо перед собой. Уже стихли далёкие голоса и перестали быть видны огни дворца, вокруг была тёмная, холодная ночь, только ветер изредка пробежал по верхушкам деревьев, заставляя шуметь уснувшие ветви. Наконец Арсений не выдержал.

– Что с тобой, дорогая моя? Я тебя обидел чем-то? Почему ты вдруг стала так себя вести? – он остановился, преградив девушке путь, и умоляюще схватил её за руки. Алиса колючим взглядом посмотрела ему прямо в глаза.

– Больше не смей ко мне так фамильярно и ласково обра-

щаться! – она выхватила свои ладони из его рук, после чего неожиданно вцепилась в подаренное ею кольцо и сорвала с его пальца. – Знаешь, что это за кольцо? Это кольцо с камнем-носителем, в который можно вложить небольшое количество своей силы с определённым намерением. Моё намерение, на самом деле, было вовсе не защищать тебя. Этот камень собирал и запоминал каждое сказанное тобою слово!

Недоумение на лице парня держалось ещё несколько мгновений, а затем быстро сменилось осознанием и ужасом. Пронаблюдав эту метаморфозу, Алиса продолжила.

– Подумать только, ты посмел вознамериться меня использовать, словно бездушный инструмент! Но самое ужасное, ты решил сделать это через самое ценное для моего народа чувство – через любовь. Ты, явно никогда по-настоящему не любивший, подумал, что это можно использовать в своих целях, что ты можешь просто отыграть любовь, обмануть меня и нашу силу. Отыграть то, что буквально даёт жизнь и процветание всем ладомирам, один из основных столпов, на которых держится наше благополучие как целого народа! – с каждой фразой она кричала всё громче, всё сильнее всплескивала руками, до сих пор сжимая каменного шпиона в своей ладони.

– Стой, ты совсем не так всё поняла... – залепетал Арсений, чувствуя, как по животу и вниз к ногам бежит холодок.

– Мне не нужно было даже ничего понимать, твои слова и желания кристально прозрачны. Ещё и другу своему растре-

пал всё, о чём я просила молчать, как только подумал, будто твой план скоро сработает. Ну да всё равно ему никто не поверит, когда он примется рассказывать всем подряд.

– Почему ты думаешь, что он станет кому-то говорить об этом? – дрожащим от волнения голосом спросил Арсений.

Алиса не ответила. Она грозно посмотрела на него, после чего вытянула руку, сжатую в кулаке с кольцом, вверх. Короткая яркая вспышка – и из руки ладомиры на землю посыпался чёрный прах. Девушка сделала несколько шагов на юношу. Он, попятившись, упёрся спиной в ствол какого-то дерева. Алиса оперлась рукой на соседнее и остановилась прямо напротив обмершего от страха Арсения.

– К сожалению, я на собственном опыте убедилась, что люди могут быть настолько подлыми. Почему-то среди вас это встречается куда чаще, чем среди ладомиров. В следующий раз я сто раз подумаю, прежде чем связываться так близко с кем-то из людей! А ты... – она, прищурившись, посмотрела ему прямо в глаза. – Ты ответишь за то, что возмнил себя умнее моей силы и моей любви.

С этими словами она с неожиданной силой схватила его за рукав пальто и швырнула вперёд, дальше от себя. Арсений еле удержал равновесие, а когда он испуганно снова обернулся, Алисы возле деревьев не было. Вокруг было нескончаемое множество стволов, тишина и ночная темень. Парень совсем не узнавал местность, не слышал ничего, кроме тишины и редкого ветра. Ему ничего не оставалось, кроме как

пойти куда придётся, надеясь выйти на знакомый коттеджный посёлок.

Всю оставшуюся ночь до зари он бродил по лесу. Телефон, который был с практически полной батареей в начале бала, не включался, ссылаясь на нулевой заряд. Несколько раз он начинал кричать, выдыхался, снова шёл, непонятно куда, проваливался в некрепкую дрёму возле больших деревьев, просыпался и шёл дальше. Когда начало светать, он обратил внимание на деревья. Такие, какими он привык их видеть. Значит, Алиса когда-то успела повести его сквозь проход, только вот куда она его вывела?

Неожиданно впереди лес стал стремительно редеть. Между деревьями показались яркие стены высоких домов. Не веря своему счастью, Арсений ринулся вперёд, и действительно – он выбежал из небольшой лесополосы к комплексу жилых домов. Доведённый до истерики, а затем и до изнеможения долгими скитаниями, он едва не закричал во всё горло от радости, но через пару минут он стал присматриваться к окружающей местности, и вдвое неприятный спрут паники стал быстро скручивать ему внутренности. Дорога во дворе, в котором он оказался, была через чур ровной. Ровно и аккуратно была подстрижена трава на обочине, сочно переливаясь ярким зелёным светом в золотом утреннем солнце.

Неожиданное осознание буквально подкосило Арсению ноги. Зелёная трава! Когда он уходил с Алисой, был конец ноября, и никакой зелени сейчас просто быть не может. Что

произошло? Вместе с этим осознанием парень почувствовал, как ему на самом деле сейчас жарко. Непослушными руками он кое-как снял пальто и в полной потерянности пошёл мимо домов. Судорожно оглядываясь, он видел, что машины выглядят странно и непривычно, что дома вокруг редкого нежно-персикового и светло-зелёного цветов с большими, необычного вида окнами. Видел это и очень боялся осмыслить.

На доселе тихой и пустой улице появился человек с небольшой сумкой на плече. Арсений бросился к мужчине.

– Здравствуйте! Помогите, пожалуйста, скажите, куда я попал? Где мы находимся? – он так резко перекрыл прохожему дорогу, что тот даже слегка испугался.

– Эм... Молодой человек, у Вас что-то случилось? – осторожно спросил он.

– Случилось, да, я не знаю, как в двух словах объяснить. Сначала скажите, где мы сейчас? Это далеко от коттеджного посёлка Ярового? Он находится на востоке города, если вы знаете, конечно...

– Яровой? Яровой, Яровой... Знакомое название. Но для начала – Вы очень далеко от этого места. Мы в пригороде находимся, на северо-западе. Как Вы попали сюда?

– Я не знаю, правда, как Вам рассказать... Я вышел вот из этого леса, целую ночь...

– О, точно! – перебив Арсения, воскликнул мужчина. – Я вспомнил, где слышал это название! Ох, давно это было.

Этот посёлок тогда довольно новый был, тихий, потому мне и запомнился тот случай, так как это был первый раз, когда там что-то случилось. Парень молодой в тех местах пропал, весь лес прочесали, но так ничего и не нашли. Помню, его друг говорил, будто его похитил кто-то, или он сам пошёл к каким-то сектантам или что-то такое. Не поверили ему особо, он странные глупости вроде как говорил, сам чуть под наблюдение у психиатров не загремел.

Арсений почувствовал, как у него немеют ноги и сердце.

– Как давно это случилось? – осипшим голосом еле-еле выдавил он.

– Прилично времени прошло. Могу соврать, но, если не ошибаюсь, было это двадцать семь лет назад. А почему Вы спрашиваете?

Воздух

– Смотри, что у меня есть! Мне их босс сегодня подарил за хорошую работу. Какие они красивые...

Стоящая за кассой девушка громко ахнула и потрясла небольшой красочной упаковкой, выполненной из ярко-красной бумаги в горошек. В ней имелась прозрачная вставка, которая помогала разглядеть свое содержимое. Комочки разноцветных фигурок шумно бренчали внутри. Она радостно, даже немного по-детски, засмеялась и поставила коробочку на стол рядом с собой.

– Ого! Я такие впервые вижу, отдай их мне. Тебе-то они зачем? Кстати, я тут неожиданно вспомнил о том, как подменял тебя последние два дня. Если ты вдруг решишь отдать их мне, я забуду о своих постоянных переработках за тебя.

– Э-э, Стэнли, нет! Ты ведь сам соглашался мне помочь, а теперь... Не отдам я тебе их. Тем более раз ты так хорошо работаешь, тебе совсем скоро достанутся точно такие же!

Она показала язык парню, уныло стоявшему у стойки выдачи заказов, и поправила немного задравшийся желтый жилет, натянутый на полосатую рубашку. То ли дешевая ткань от времени так сильно растянулась, то ли сама одежда была на размер больше, но рубашка мешком свисала с хрупкого тельца кассирши, поддерживаемая лишь плотным жилетом. Сама девушка, как будто испытывая сильный диском-

форт от такой просторной одежды, сжималась, отчего выглядела очень миниатюрно.

Интерес к их диалогу иссяк так же стремительно, как и появился. Не обращая никакого внимания на открывшего рот парня, я повернулся обратно к столику и устался на раскрытую коробочку с картофелем-фри. Масло уже пропитало тонкий картон и проступило на нем жирными пятнами. Зрелище совсем не аппетитное, но когда твои внутренности сводит от голода, смешанного с предвкушением еды во рту, то на подобные мелочи не обращаешь внимания. Я не испытывал ничего подобного, но машинально потянулся за промасленной соломинкой картошки. Как только холодная и мягкая субстанция оказалась во рту, мое лицо сморщилось, а челюсти заработали интенсивнее, дабы скорее протолкнуть жирный ком внутрь. Отвратительно. Хуже только разводимые порошки и сублиматы, давно заменившие привычную еду. Насквозь напичканные витаминами, они все как один имеют одинаковый приторно-сладкий вкус.

Морщась от появившегося на языке знакомого отвратного ощущения, я посмотрел на Клэр. Она только-только вышла из симуляции и с виноватым видом провинившегося щенка смотрела в стол. Гораздо большее открывалось в ее глазах. В них не было ни капли сожаления о том, что она заставила меня ждать, пока ее время в симуляции подойдет к концу. Тем более, заметив, что Марк все еще увлечен процессором, она показательно хмыкнула.

– Он все еще в сети? Совершенно не думает об окружающих людях. Каждый раз! Каждый раз заставляет ждать нас, пока «Его Величество» не соизволит уделить внимание своим друзьям.

Не успела она договорить последнее слово, как зашевелился объект ее недовольства. Раскинувшийся на жестком диванчике Марк приподнялся и с громким уханьем, возможным только у филинов-переростков, переместил свое тело вперед, наклоняясь к столу. В отличие от Клэр его физиономия морщилась от боли в затекших мышцах. Такое бывает, если проводишь в симуляции больше отведенного тебе времени.

– Джим, я погляжу, ты уже все сожрал, ха-ха. Надеюсь, я провалялся здесь не до утра, как было в прошлый раз.

Я недовольно закатил глаза и отвернул голову к Клэр. Девушка внимательно смотрела на Марка. В ее глазах пылали едва заметные искорки. Марк же повысил голос, наклоняясь ближе ко мне.

– Да ладно тебе! Это же всего лишь шутка. Я хочу, чтобы ты наконец покончил со своей ленью и начал ходить на тренировки. Сколько ты еще будешь их пропускать? Клэр, ну скажи ему!

Она даже не удосужила меня взглядом, продолжая стрелять невидимыми рядами в мужчину. Я наклонил голову, делая мысленные ставки, какой из десятка уже практически выученных мной наизусть фраз ответит девушка.

– В отличие от тебя, Джим никогда не уходит на несколько часов в вирт-чаты, забывая о своем окружении. Мы и так сократили наши общие встречи до двух в месяц, а ты даже сейчас умудряешься потратить это время на общение с какими-то неизвестными тебе бабами!

Ну что же, начало довольно банальное. Что же мы будем ожидать от Марка? Станет ли он включать дурака или ограничится красивым парированием? А может, использует свой излюбленный прием перевода стрелок с последующей сменной темы?

– В отличие от тебя, Джим не тратит время на бесполезные симуляции с этими лохматыми тварями.

Третий вариант! Хороший выбор, Марк. Это сбивает Клэр с толку, а тебе дает шанс быстро замять ее нудятину. Я потянулся за остатками картошки, наблюдая за ходом уже предрешенной баталии. Вкус промасленного картона снова заполнил рот.

– Это не твари, Марк, а грациозные хищники. Тебе самому стоит хоть раз познакомиться с ними поближе. Могу составить тебе авторскую симуляцию с личным путеводителем. Кстати, он будет говорить моим голосом, так что сможешь услышать меня, когда снова уйдешь из реальности.

Я одобрительно повел бровью. Подобные ответы девушки не были особой редкостью, но сейчас он очень хорошо вписался против стратегии мужчины.

– О, нет, только не это. Слушать твои наставления еще и в

симуляции, мой мозг точно не выдержит. Лучше... Погоди, хищники говоришь? А может быть ты их смотришь, потому что сама в душе еще та хищница?

– Да пошел ты, Марк...

Он многозначительно подмигнул, отчего девушка залилась яркой краской и начала бездумно теревить лямку своего вечернего платья. Вообще, на фоне ее платья и расстегнутой нараспашку пестрой рубашки Марка, сидящей под скрипящей кожаной курткой, мой синий джемпер вместе с офисными штанами смотрелись довольно бедно. Возможно, со стороны это выглядело, как будто к ним подсел какой-то попрошайка. Но, к большому удивлению окружающих, это было совсем не так. Мое состояние в разы превосходило сбережения, хранящиеся на счетах этих двоих. Прежде всего это было потому, что я умел тратить деньги. К слову, у меня был простой рациональный подход к затратам, а не использование совета из глупого бизнес-тренинга "Лучший способ заработать деньги – не тратить деньги". А ведь я обычный офисный рабочий.

Считается ли это для кого-то странностью? Раньше, думаю, да, но только не сейчас. В нашем нынешнем мире давным-давно стало этих странностей настолько много, что все к ним привыкли. Например, по глупому стечению обстоятельств, хотя, скорее, какой-то злой шутке, сеть заведений быстрого питания, пользовавшихся огромным спросом около шестидесяти лет назад, сейчас является элитным ресто-

раном и памятником культуры. Более того, цены на продукцию здесь настолько велики, что эта парочка, сидящая напротив меня, вряд ли бы позволила себе частые походы сюда, несмотря на то, что они были известными. Актер среднего уровня и помощница какой-то заурядной шишки из правительства. Раньше они бы даже не взглянули на это место.

В отличие от меня, конечно. Это дешевое, но дорогое по нынешним меркам, заведение притягивало меня, словно оно было огромным магнитом, а я полностью состоял из чистого железа. Понятия не имею, что меня так цепляло. Еда, атмосфера, люди, к которым относились и мои собеседники, – все это вставало тяжелым комом посреди гортани. Гораздо приятнее было бы вжаться в мягкие кресла в каком-нибудь ресторанчике в Бриллиант Хаусе и любоваться видом на вечерний город, попивая вино и пробуя блюда итальянской кухни. А может быть и французской, это не имело особого значения. Вкусом они отличаться не будут. Сублиматы вообще не отличаются вкусом, только красивой оберткой. Да это было бы в разы дешевле и комфортнее, чем сдерживать здесь рвотные позывы, задыхаясь от запаха горелого масла.

Но что-то тянуло меня сюда. Каждый раз я точно знал, какими отвратительными будут следующие несколько часов здесь, но все равно с большим рвением соглашался на это сомнительное времяпрепровождение. Неведомая сила заставляла меня явиться сюда, а затем с таким же рвением гнала прочь. Может быть, здесь я сильнее ощущал тот абсурд, в ко-

торый постепенно превращалась наша жизнь. С самого появления интегрируемых процессоров этот снежный ком бреда становился все больше, подминая под себя прежние привычные правила и устои. И хоть я питал отвращение ко всему новому, что изменяло человечество, но с большим удовольствием поддавался на очередное устройство, упрощающее мне жизнь. Да и не только упрощающее. Я не просто так знаю, каким посредственным было это кафе раньше, ведь мне шел уже семнадцатый десяток. К слову, я был гораздо моложе Марка и Клэр. Когда мое тело находилось в своем полном расцвете, эти двое уже искали места себе на кладбище, всасывая своими беззубыми ртами кашу по утрам. Как же повезло этим двоим, что изобретение имплантов выпало именно на их век. Пластическая хирургия шагнула далеко вперед, позволяя заменить абсолютно любую часть тела, кроме, разве что, мозга. Но с появлением процессоров, которое случилось уже через пару лет, была разрушена и эта непреступная стена. Люди изменились так же быстро, как и изменились их жизни. Возможно, именно поэтому запах этого масла и вкус бумажного картофеля не давали мне сорваться, показывая четкую грань между прошлым и будущим.

Как только все было съедено, мы сразу же начали собираться на улицу. Никто из этих двоих не любил задерживаться здесь слишком долго, только если это не касалось проведенного времени в сети, тогда они могли и засидеться здесь часок-другой. Но, так как они уже успели понежиться в сво-

их мирках цифрового пространства, оставаться не хотелось ни Марку, ни Клэр. Потому они первые выскочили вперед, хлопнув массивной полупрозрачной дверью. Я же остановился перед самым выходом, делая глубокий вдох. Снова масло и тошнотворный комок в горле, ничего более.

– Эх, потратил все доступные часы, теперь смогу залогиниться только ночью. Я слышал, что скоро лишнее время можно будет занять у других, кому оно не так нужно.

В его интонации послышался определенный намек. Судя по недовольному лицу девушки, я был не одинок в придании услышанному определенного смысла. Очень наивно с его стороны думать, что я так просто отдал бы кому-то свое время.

– А тебе не жирно будет? На время малыша Джима позарился? Он хотя бы тратит его только по работе, и куча неиспользованных часов у него появляется не просто так. Может быть, он копит на что-то. Брал бы пример с него, он никогда не уходит от нас в сеть... Ах, если бы он поделился со мной лишним часиком...

– А? Сама не прочь чужим временем воспользоваться! Кстати, Джим, хотя бы в этот раз согласишься поехать со мной? Как говорится, прокачу с ветерком! Только смотри, чтоб одежда не слетела.

Я сдержанно улыбнулся. Раньше эти слова определенно потрепали бы мне нервы. Если не своей курьезностью, то точно глупостью. Но только не сейчас. Мною давно был раз-

гадан истинный смысл данных выражений, пусть и оставался он все еще таким же глупым.

– Извини, но у меня тоже есть транспорт, который неплохо было бы доставить к дому.

– А что мешает? Пустишь его на автопилоте, и он окажется там в одно мгновение. Без людей они гоняют, словно в них вселился какой-нибудь демон.

– Не забывай, что у меня гибрид. Тем более, сегодня я хотел сам подержаться за руль. Вспомнить, какого это.

– Но ты ведь не любишь рулить, Джим...

– Сегодня особый день, Марк.

– Ну, как знаешь. Тогда, может быть, ты, Клэр? Прока-тишься со мной? Ты как раз на своих двоих сюда добралась. Только тебе я про одежду говорить не буду.

Девушка звонко захихикала и уже через мгновение оказалась возле байка Марка. А еще через одно она с лицом, полным блаженства, устраивалась позади него. Марк с тупой ухмылкой наклонился к ней, делая громкий вдох.

– Ах, этот аромат женщин. Он слаще любого из мне известных. За этот запах пойдешь на любые геройства, в том числе и убийственные, ха-ха!

Затем он пытался всунуть ей в руки свой защитный шлем, но они крепко, как две небольшие змеи, обвиняли его талию. Мне лишь оставалось скептически закатить глаза и потянуться за пачкой сигарет. В конце концов, парень бросил все попытки надеть шлем на свою пассажирку и натянул его

на себя, перед этим смачно сплюнув на землю.

– Я думал, ты бросил, Джим. В прошлый раз хвалился нам о том, что не куришь уже полгода. А ты, оказывается, снова за старое. Я знал, что с них соскочить трудно, но всегда был уверен, что наш малыш Джим гораздо сильнее. Сигареты тебя погубят, дружище. Не сможешь даже с девочками развлекаться, и тело тебе новое в этом тоже не поможет.

Он подмигнул мне и закрыл зеркальное забрало, сделанное из высокопрочного сплава. У меня не было никакого желания отвечать ему. Кивнув из вежливости, я проводил взглядом удаляющийся байк и крепче сжал пустую пачку сигарет. Марк был прав, сигареты убивали людей. Столько времени прошло, люди умудряются заменять части тела, устанавливая небольшие, но мощные процессоры у себя в голове, дающие невероятные возможности. Развитие роботов, искусственного интеллекта, вот-вот, и уже по улицам города будут летать машины, а сигареты по-прежнему продолжают убивать людишек. Марк был прав дважды. Все же я был гораздо сильнее зависимости, и таскал с собой эту пачку больше как напоминание. От мыслей, что я бросил это гиблое дело, легче дышалось.

Засунув ее обратно в карман, я подошел к водительской двери и щелкнул кнопкой сигнализации на пульте управление гибридом. Получается, Марк был прав трижды. Я не собирался вести этот кусок железа до дома, тем более, когда в нем был установлен автопилот с новейшей прошивкой. Во-

ждение всегда утомляло меня. Почему же я тогда не взял обычный автомобиль на автопилоте? Сам не знаю. Я не был одним из тех, кто презирал их, называя бесплатным такси, возившем людей от дома до работы и от работы до дома. Точно нет. Возможно, я взял его из-за некоего статуса, коим обладали владельцы гибридов. Даже среди одинаковых по полномочиям директоров привлекательнее будет тот, кто способен управлять своим автомобилем. А если его машина будет еще и прямиком из прошлого века, то в глазах общественности он вырастает уже до запредельных высот. Интересные вещи делает с людьми пусть и раритетный, но все еще кусок старого железа! Раздувает их это прямо пропорционально количеству ржавчины под капотом. К подобному я также не питал никакой симпатии. Может, взяв гибрид, я просто хотел хоть как-то оправдать те права на вождения, что были получены мною практически два века назад. Как лихо у меня получается округлять время.

Упав на сидение, я быстро переключил машину в беззвучный режим. От бездушного голоса автоматического помощника знатно тошнило. Затем моя рука пробежала по панели управления, переводя машину в автоматический режим. Переключатели приятно шелкали, загораюсь зеленой подсветкой. Когда с ними было покончено, я ткнул на первую строчку с координатами дома в панели, где находились точки конечного маршрута, и плавно надавил на руль, чувствуя, как он начинает все дальше уходить от меня. Тихо гудящий при-

вод плавно убрал его, складывая устройство управления куда-то вбок, за задвигающийся щиток. Место стало гораздо больше, и мое тело тут же воспользовалось этим. Развалившись в сидении, я протянул ноги, оказываясь в полулежачем положении. Оставалось отклонить кресло немного назад, и мне с комфортом удастся вздремнуть, пока автомобиль едет к назначенному месту.

Проанализировав все данные, машина тронулась, немного качнув меня в сидении. Освещение также плавно сменилось на синевато-голубое. Теперь оно больше походило на цвет чистого-чистого неба, но в то же время стало более блеклым и тусклым. Под ним всегда было приятно спать. В паре с хорошим джазом или чем-нибудь из классики оно действовало лучше всякого снотворного, заставляя мои уставшие глаза закрываться, а мозг уходить в мир несуществующих грез. После них всегда чувствуется усталость. Возможно, то были только ощущения, ведь многие говорили об обратном. Спокойствие и чистота разума. Придурки. Как можно чувствовать себя спокойно, когда эти сны созданы даже не твоим сознанием, а маленьким компьютером, вшитым в твою черепушку.

За окном проносились бетонные здания, уходящие ввысь до небес. В неоновом-желтом свете казалось, будто машина едет по сплошному туннелю, конца которому не было видно. И кроме гладких стен да этих фонарей ничего не было. Даже днем солнце не пробивалось сюда, что в совокупности с от-

сутствием хоть какого-то малейшего пятнышка по пути, за который мог бы зацепиться глаз, вводило в тоску и быстро утомляло. Так выходило, что каждая поездка являлась для меня своего рода пыткой. Спать я старался не ложиться чисто из принципа, исключением были те моменты, когда сон приходил сам, застигнув меня врасплох. Делать было абсолютно нечего, даже не зависнуть, глядя в окно. А ведь когда принимали закон о рекламе, я сильно обрадовался. Думал, что если вечно жующие, танцующие и кричащие картинки людей останутся лишь при подключении процессоров, то улицы станут живописнее и свободнее. Кто же знал, что со временем любая пестрая клякса будет формально считаться отвлекающей рекламой, и от нее безжалостно избавятся. Города превратились в одинаковые тусклые лабиринты, больше походившие на колонии муравьев, чем на людские мегаполисы. Однако и люди, если честно, от муравьев сейчас мало чем отличались. Им теперь много не надо, они готовы выполнять любую работу, чтобы затем чудотворный миникомпьютер выполнил любой их каприз в вечерней симуляции. В нашей жизни теперь нет ничего прекрасного, лишь уродливые миры с вирт-чатами и симуляциями про кошечек.

Так я и добрался до дома, будучи с головой погруженный в мысли. Лишь мигание индикатора автопилота вернуло меня обратно в реальность, и я, отстегнув ремень безопасности, вывалился на улицу. Не выключи я тогда голосового помощника, сейчас бы он пожелал мне своим скрипучим голосом

приятных снов и отправил бы машину на стоянку. С первым я справился и сам, находясь в сладкой тишине ночного города. Хотя трудно назвать полной тишиной постоянно свистящие и звенящие звуки, раздающиеся из открытых окон.

Пара шагов отделяла меня от светящегося зева проема коридора, ведущего к общим лифтам. Перед тем, как войти в здание, мне хотелось постоять еще немного, дабы подышать ночной прохладой. Но после глубокого вдоха мои легкие наполнились крупными песчинками пыли, ставшей главным наполнителем городского воздуха. Пересохшая глотка тут же дала о себе знать. Ощущение было такое, будто я провел лишний десяток часов под палящим солнцем в бескрайней пустыне, мысли о которой только усиливали кашель. Придя в себя, я зашел внутрь и быстро прошагал к лифту, миновав огромную вывеску "ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ФИТНЕС-ЗАЛ ДОМА №7", за которой как раз и располагался вход в упомянутое место. Послушав гудение механических приводов, гоняющих вверх-вниз стальные коробки с людьми, я все же решил вернуться и зайти в фитнес-зал. В лицо тут же ударил теплый воздух, пропитанный потом посетителей зала. Главным условием использования процессора было ежедневное занятие спортом. Каким именно – все равно, главное, чтобы тренировки приносили пользу, а тело потребителя оставалось в своей весовой и физической норме. Потому в каждом доме было оборудовано свое помещение, где тщательно следили, чтобы его посещал каждый про-

живающий в доме человек. Тратить несколько часов в день на бессмысленную деятельность не было никакого желания, но проблем с этим у меня никогда не возникало.

– Сегодня ты поздно, Джим. Впрочем, как и всегда! Мы хоть и работаем круглосуточно, но стараемся не допускать любителей ночных тренировок.

Джесс сидела за огромной стойкой чуть поодаль входа, в котором застыл я. Ее зеленые глаза еле-еле выглядывали из-под высокой столешницы, но все равно отлично выделялись на фоне тусклого помещения. Мне не было видно нижней половины ее лица, но я готов был поставить что угодно на то, что сейчас она довольно улыбалась.

– Я не могу вечно заполнять твои пропуски, Джим. Поговаривают, что нас скоро проверят. Не мог бы ты появляться здесь хоть немного?

– А я думал, что ты сделаешь так, что этих пропусков даже и не возникнет.

После этого я набрал в себя столько воздуха, сколько смог, и с шумом выдохнул, потупившись в пол. Реакции девушки долго ждать не пришлось, и она, также громко выдохнув, посмотрела в коридор, ведущий к тренажерам. Убедившись в отсутствии людей, Джесс поправила прядь своих черных, как смоль, волос ласково заговорила.

– Конечно, милый, но ты ведь слышал, что я сказала? У нас будет проверка. Они ведь сразу догадаются, что я тебе закрываю дни. Меня вышвырнут отсюда и поставят бан! Мне

не нужны эти ограничения!

– Тише-тише, я понял. С завтрашнего дня ты будешь видеть меня здесь каждый день.

Со спокойствием выдохнув, она потянулась рукой к вновь выпавшей прядке. Зажав между пальцами волосы, она посмотрела как бы сквозь меня, о чем-то задумавшись. А уже через мгновение она глядела на меня с таким выражением, будто хотела что-то сказать, но не решалась.

– Я бы хотела чаще видеть тебя, Джим. Даже если это будут лишние несколько минут в день. Ты... ты прочитал книгу, которую я тебе давала?

Я всегда поражался тому, с какой скоростью она могла переключаться между темами во время разговора, не давая собеседнику как следует сосредоточиться ни на одной из них. Однако для меня это уже вошло в привычку, а вот как чувствовали себя новые клиенты, только приходящие сюда, было известно одной лишь Джесс.

– Книга? Хм. Это та, которая бумажная? Фаэтон, кажется... Там, где еще люди владеют какими-то дурацкими геройскими способностями, а главный герой тряпка, связавшийся с девушкой, больше похожей на предмет мебели нежели на нормального персонажа?

– Не совсем так, но... Да-да, это она.

– Еще нет. Кстати, не могла бы ты сегодня переночевать у себя? Я бы хотел немного поработать, заодно дочитаю твою хваленую книгу.

Я не стал ждать ее ответа и быстро вышел обратно к лифтам. Наблюдать за ее угасающей улыбкой было бы очень неприятно. Поднявшись на восемнадцатый этаж, я добрел до массивной стальной двери и приложил руку к стеклянной панели рядом с ней. На панели поочередно загорелись зеленые лампочки, сообщая об успешном распознавании биометрии, норме пульса и еще каких-то элементов в моем организме. Щелкнул замок, и дверь с небольшим треском съехала влево, впуская меня домой. Когда она вернулась в исходное положение, я уже стоял в темном коридоре.

– Вы вернулись, хозяин.

Тут же раздался механический голос домашнего интерфейса, включившего свет во всей квартире. Он отвечал за все, что происходило в моем доме. Готовка, уборка, стирка – он делал абсолютно все. Многие люди боготворили эту систему, желая заполучить ее. Мне же она не казалась чем-то особенным, наоборот, я испытывал пренебрежение к этому вечно пристающему неживому голосу. Но должен сказать, что спустя столько времени использования без этой личной няньки я не смогу прожить и пары месяцев.

– В Ваше отсутствие Вам поступило пятнадцать личных сообщений. Три из них были спамом. Я успешно очистил их. Десять – из Вашего офиса. Два – голосовые сообщения от Вашей матери и мистера Гилти. Желаете прослушать?

– Нет, не сейчас. Сделай мне бокальчик светлого. А сообщения из офиса переведи на рабочую почту. Завтра разбе-

реть с этим.

– Я проанализировал пищевой блок. Его запасы практически иссякли. Я заказал новый, воспользовавшись картой владельца системы. На Вашем счете осталось восемьсот тридцать три тысячи пятьсот сорок семь валютных единиц. Пищевой блок будет доставлен и установлен завтра в промежутке между десятью и двенадцатью часами.

– Я останусь без завтрака?

– Оставшихся ресурсов в пищевом блоке хватит на функционирование взрослого мужчины с вашими данными в течение восьми дней. Вы не останетесь без завтрака, хозяин.

Хмыкнув, я скинул с себя ботинки, разминая затекшие ступни. Быстро окатив лицо холодной водой, я прошел в спальню и опустился на кровать. Даже не стал снимать с себя пропахшую маслом и потом одежду. Было бы глупо тратить время на бесполезную деятельность. Приведу себя в порядок утром, а сейчас у меня есть дела поважнее.

– Поставь три будильника, как обычно.

– Будильники установлены. Вы желаете спать? Согласно анализу последних ночей, фазы быстрого сна являются слишком длительными по сравнению с нормой. Ваш процессор показывает большую активность в данные промежутки времени. Желаете, чтобы я записал Вас ко врачу или сообщил об этом техподдержке? Также советую провести ряд мер по охране здоровья пользователя, написанных в руководстве.

Еще чего! Не хватало, чтобы моим планам помешала эта чертова машина. Скрипнув зубами, я злобно оборвал выходящий из динамиков голос.

– Нет! Ничего из этого не делать. Со мной все в порядке.

– Это может принести вред здоровью хозяина, позвольте связаться с техподдержкой.

– Пользователь три-пять-восемь-девять-ноль-ноль-ноль-один. Пароль девять-эл-семь-три-ди-ка-ви-три. Отключить систему до следующего принудительного включения.

Помощник в тот же миг послушно выключился. В комнате воцарилась тишина, сквозь которую было слышно негромкое гудение ламп. Полежав пару минут в тишине, я сладко зевнул. Раз система отключена, то ее будильники так же не сработают. Придется завести тот, что стоит на прикроватной тумбочке. С этим то мне помощь точно не нужна. От этой мысли я почувствовал напряжения в скулах, а затем разразился в громком звонком смехе.

Успокоившись, я поворочался на кровати и, раскинув в сторону руки и ноги, вошел в симуляцию. В следующую секунду моего тела коснулось что-то колючее, но в то же время щекочущее и мягкое. Открыв глаза, я поднялся и заморожено затаил дыхание. Передо мной раскинулось огромное зеленое поле. Куда бы я не смотрел, ему не было ни конца, ни края. Оно тянулось к горизонту, переливаясь красками цветов, играющих в свете чистых лучей солнца. Оно было живым и свежим, без этих вечно серых тонов пыльного го-

рода. Я снова засмеялся, еле сдерживая себя от желания побежать вперед, сплетаясь в потоке с ветром, задевающим зеленые травинки.

С первого взгляда я полюбил это место, нисколько не жалея, что отдал большую часть накопленных средств тому хакеру. Я ненавидел симуляции, но за эту готов был отдать собственную жизнь. Жаль, что заходить я мог в нее только ночью, но это того стоило. Нигде в мире я бы не нашел подобного места. Люди превратили планету в бетонный лабиринт, лишившись права хоть раз увидеть такую красоту. А я такое право имел. Этот мир был моим. Только моим. Никто без моего желания не мог сюда попасть. Потому мое сердце чуть не ушло в пятки, когда меня сзади коснулась чья-то рука.

Обернувшись, я обомлел. Передо мной стояла Джесс. На ней было белое кружевное платье, казавшееся легким и воздушным. Кружевная ткань слегка просвечивала, отрывая моим глазам идеальную фигуру девушки. Она всегда следила за своим телом. Одной рукой она все еще держала меня за плечо, а другой прижимала к груди свежий букет собранных здесь цветов. Она улыбнулась и дотронулась до моей щеки.

Это точно была не Джесс. Точнее, это была она, ее аватар, но я не помню, чтобы загружал его в симуляцию. Да, собственно, мне это было неинтересно. Не хочу, чтобы какие-то разбирательства портили мой долгожданный визит сюда.

Выдернув первый попавшийся цветок из ее букета, я закрепил его у нее в волосах. Не знаю, что это был за цветок, но

его алый окрас прекрасно подходил ее черным волосам, что я поспешно заметил. Лицо девушки расцвело еще сильнее и она кинулась ко мне, обнимая за шею. Ее движение оказалось сильнее, чем я предполагал, и мы оба оказались на траве. Запах цветов еще сильнее ударил в нос, и я сделал глубокий вдох, впуская нежный и свежий аромат в свои легкие.

– Лейтенант? Все хорошо?

Голос Адама вернул меня в реальность. Не знаю, сколько длился провал, но машина уже стояла на месте. Повернув к напарнику голову, я едва улыбнулся и утвердительно кивнул.

– Все в порядке. Мы уже на месте?

– Так точно! Мы довольно быстро добрались, обычно в это время на трассе не пропихнуться. Вот такую бы дорогу мне на субботнюю поездку, эх... Кстати, лейтенант, люди Эванса уже там. И зачем нас только дернули сюда?

– Проветриться. Это гораздо полезнее, чем сидеть в плешивом участке, в который раз разбирая архивы. Да и тебе хоть какой-то опыт получить не мешало бы. Ты от зеленого стажера ничем не отличаешься, малыш Адам.

– Я лучше почитаю нормальные дела, чем потрачу время на очередного зависимого. Если бы я хотел заниматься трупами, то пошел бы судмедэкспертом.

– А как же проветриться?

Буркнув что-то нечленораздельное, он вышел из машины. Я последовал его примеру. Как только мое тело приняло вертикальное положение, голова разорвалась на тысячи маленьких кусочков. От резкой боли меня повело в сторону, отчего пришлось схватиться за открытую автомобильную дверцу. Приступ отошел так же стремительно, как и появился, потому напарник не успел ничего заметить. Когда он снова обратился ко мне, я уже догнал его и пристроился чуть позади.

– Все же меня беспокоит Ваше состояние в последнее время, лейтенант. Что сказал врач?

Я криво ухмыльнулся и попытался сделать голос более ироничным.

– Еще повоюем. Через пару месяцев нужно лечь на полное обследование.

– Что Вы, конечно же, делать не будете. Что ж, это только Ваше дело, вернемся к работе. Если они забрали тело, то нам там точно ловить нечего. Остается ждать отчета специалистов.

– Боюсь тебя расстраивать, но тела здесь точно нет. Разве ты видел карету у здания?

– Тогда нам здесь точно нечего делать!

– Да что ты так прицепился к этой поездке? Есть версия, что погибший был клиентом группировки "Пламя".

– А разве мы все еще ведем дело этих хакеров? Я думал, что нас с него сняли после того случая.

– О нет, оно все еще наше, Адам. Ну что, заинтересовало?

Или ты все еще хочешь вернуться к работе с архивом?

– Не хочу! Но все равно мы здесь ничего не найдем. Нам нужен его процессор и вся информация о манипуляциях с ним.

Настроение Адама значительно поднялось, когда я сообщил ему о "Пламени". Все-таки парень еще молод и хочет геройствовать. В его годы и я грезил раскрытием крупных дел. Думал, что обязательно буду лучшим в отделе, попаду в эфир к Бэтти, но все оно так и осталось в далеких грезах. Жизнь далеко не такая простая штука, она никогда не дает ничего даром. А если и дает, то затем показывает свою жирную задницу. Поэтому мне было даже немного жаль этого паренька с его подростковыми идеалами. Однако, что бы я там себе не думал, глаза Адама горели. Он уже не бухтел себе под нос, а ежесекундно отчетливо обращался ко мне, строя все новые и новые догадки.

В квартире нас встретила молодая девушка в синей форме, идентичной нашей. Она приветливо кивнула нам и вежливо предложила помощь со сбором информации об убийстве. Остолбневший, вероятно, от возбуждения, Адам выдал глупое «Да», а затем покраснел и отвернулся в сторону, уступив место в диалоге мне.

– Впервые вижу, чтобы в подчинении у мистера Эванса была настолько красивая специалистка. Давно Вы у него?

– Всего пару месяцев.

– А не хотели бы Вы перейти к нам? У нас наблюдается

нехватка хороших специалистов. Если согласитесь, представлю к Вам нашего лучшего сотрудника – Адама Вуд.

– Ох, я... Я ведь только пришла на службу...

Она засмеялась, смутившись даже больше моего напарника. Я довольно улыбнулся и осторожно перебил ее.

– Ну тогда мы учтиво дадим Вам время на раздумья и перейдем к делу.

– Да, простите. Погибшего звали Джим Рид. Никаких правонарушений за последние пять лет в архивах не обнаружено. Я детально изучила его дело, он был полностью чистым. Никакой противозаконной деятельности, совсем. Медики сказали, что тело пролежало от трех до пяти дней. Причина смерти – разрушение большей части клеток головного мозга из-за длительного воздействия процессора.

– Тогда зачем вызвали нас?

– Согласно новому законодательству любая смерть, связанная с процессором считается убийством, пока не доказано обратное. А еще, есть вероятность, что это...

– Взломанная симуляция?

– Да, верно. Однако пока точно неизвестно, нужно дождаться отчета из лаборатории. Но предполагают, что да.

– Кто обнаружил тело?

– Жительница дома. Она была близка с погибшим и решила его поведать.

Пока она говорила, я внимательно осмотрел коридор. На стене была установлена панель системы «Дом будущего». Он

не мог пролежать здесь так долго. Система должна была оповестить ближайшую больницу при любом подозрении на возникновение угрозы для жизни пользователя. Что-то здесь было не так.

– Сколько, ты говоришь, он пролежал? Три дня? Не поверю, что никто не пришел проведать его, кроме его девушки. Что насчет работы? Ведь бедным он не был, судя по этому.

Я кивнул на панель, располагающуюся за ее спиной. Девушка шагнула в сторону и несколько секунд смотрела на нее, как будто не понимала, о чем я говорил. Потом она повернулась и продолжила докладывать.

– На работе ему было разрешено брать короткий отпуск в любое время. Ни у кого не возникло подозрений, что с ним что-то случилось. За это время из всех посетителей была лишь команда по обслуживанию пищевых блоков. Но блоки загружаются в общую систему, а затем уже приходят в нужную квартиру, так что им не пришлось заходить внутрь.

– А что же с домашним интерфейсом?

– Он его отключил.

От удивления я раскрыл рот. Чтобы кто-то отключал систему «Дома будущего» – о таком я слышал впервые. К тому же, удивительной случайностью была его дальнейшая смерть. Адам, видимо, подумал точно так же. Не принимающий участия после своего смущения, он накинута на бедную девушку с вопросами, чуть ли не хватая ее за руки и плечи.

– Это самоубийство? Взлом? Если не самоубийство, то кто-то должен был выключить систему. А откуда они узнали данные авторизации? Заставили! Вы задержали его девушку?

– Не похоже, что это было самоубийство. И следов взлома также не было обнаружено. Вероятно, произошел какой-то баг в симуляции, и она сожгла его мозг.

– Не может быть! Точно что-то здесь есть, нам нужно найти!

Казалось, что Адам не хотел ее слушать, продолжая сидеть с вопросами. Будь я на его месте, делал бы тоже самое, ведь такой случай выпадает один раз на сотню. Слишком много случайностей было в этой смерти, но и придавать им особое значение было пока рано. Мне нужен был его процессор.

Оставив Адама для повторного осмотра квартиры, я спустился к машине. Хоть новые подробности и показались мне интересными, но мне уже начало становиться не по себе в душных коридорах дома, потому я решил скорее выбраться наружу. На улице тем временем начался небольшой дождь. Возможно, это был и не дождь вовсе, а капли кондиционеров, убегающих лесенкой вверх по зданию. Мне было все равно. Все мое внимание было приковано к зажатой между пальцами сигарете. Поднеся ее ко рту, я ощутил, как горький дым заполняет мои болезненные легкие. Он пробирался по трахее, впитывался в стенки легких, разносясь по все-

му организму, наполняя его своими токсинами. И сразу же стало легче дышать, а в голове появилось приятное чувство удовлетворения, за которое я готов был отдать остаток своей жалкой жизни.

Шаг обратно

Первое, что я тогда почувствовал, ещё не открыв глаза, – ноющую боль в пояснице и спине, словно я сидел на одном месте, не двигаясь, несколько часов. Моё тело действительно восседало на чём-то, чуть откинувшись назад, и как только я предпринял осторожную попытку двинуться, сразу же сообщило мне, насколько затекла вся нижняя его часть. Поморщившись от боли, я открыл глаза.

Не знаю, сколько времени после этого я просидел, бестолково переводя взор с одной точки на другую. В первое же мгновение мой взгляд упёрся в узкий, отделанный деревом потолок, скругляющийся к стенам, на которых располагались большие квадратные окна без занавесей. Впереди и сбоку через небольшой проход находились длинные деревянные скамьи, обитые зелёным бархатом; на фоне почти красного дерева цвет выглядел ещё более насыщенным. По какой-то причине осознание того, что я нахожусь в вагоне поезда, заняло у меня куда больше времени, чем могло бы. Как только эта мысль окончательно сформировалась в моём сознании, я поспешно вскочил на ноги и снова поморщился, почувствовав резкую боль в мышцах. Я понятия не имею, как я здесь оказался. В голове полный бардак, среди которого невозможно найти ни одной ясной мысли.

Мутно-белые плафоны под потолком испускали очень

тусклый свет. В вагоне, где я находился, не было ни единой живой души, вдобавок к чему я сразу обнаружил первое тревожное обстоятельство: стояла мёртвая тишина. Я старался практически не дышать в попытках услышать хоть что-то, но единственным и самым громким звуком вокруг был ускоренный стук моего сердца. Поняв, что ничего не услышу, я приблизился к ближайшему окну, задев второпях край сидения и снова причинив себе неприятную боль в ноге. Всё, что я увидел – часть строения, определённо являющегося ничем иным, как вокзалом, до которого было буквально рукой подать; видимо, поезд, в котором я находился, был на самых ближайших рельсах. Чуть исчербленный временем кирпич, брамантовые окна с замысловатой лепниной, серые и мутные, сквозь которые не удавалось разглядеть что-либо внутри здания. Как в вагоне и, очевидно, во всём поезде, снаружи не было видно ни одного человека. Всё происходящее начало сильно меня беспокоить, потому я решил выйти на улицу.

Встретивший меня окружающий мир заставил моё нутро скрутиться в тошнотворный тревожный жгут. Вместо неба было серо-зелёное полотно равномерного цвета, освещающееся непонятно чем, так как ничего, похожего на Солнце или иное светило, я не увидел. Строго говоря, освещением это можно было назвать только образно: небо было померкшим, гнетущим, но окружающий мир был различим достаточно хорошо. Соответственно, всё на земле вокруг меня

имело точно такой же мертвенный оттенок. Я действительно стоял на самой ближней к вокзалу платформе, возле поезда великолепного образца, определённо самой новой модели, блестящего свежей чёрной краской на поверхности ведущего вагона и высокой трубе над окном машиниста. С неба абсолютно беззвучно, не встречая какого-либо сопротивления в виде хотя бы лёгкого ветра, падало что-то, очень напоминавшее мелкий снег, только серого цвета. Ладонью я поймал немного странных хлопьев. После нескольких минут пристального разглядывания я так и не смог понять, что же это такое; эти хлопья очень напоминали пепел, только не разрушались так же легко и быстро, как он, и на ощупь напоминали маленькие комочки пыли, с едва различимым шелестом рассыпающиеся в пальцах.

Помимо поезда, из которого я вышел, на соседних путях то тут, то там стояли вагоны и целые составы. Здание вокзала внутри оказалось очень сумрачным местом, практически полностью лишённым света, настолько, что на своём пути я едва ли мог что-то разглядеть дальше, чем на пять шагов. Я понял, что не найду никого, пребывая возле путей и пустых поездов; могильная тишина, такая же, как внутри вагона, ясно давала это понять, так что я пересёк здание и, толкнув тяжёлые деревянные двери, вышел на улицу.

Передо мной предстал совершенно незнакомый мне город. Он был вполне обычный, если не брать во внимание всё то же гнетущее серо-зелёное окружение. От вокзала змея-

ми расходились в разные стороны несколько улиц, выложенных грязными камнями, вдоль которых тянулись нескончаемые стены из зданий двух-трёх этажей; где-то я замечал даже постройки и выше. Я с удивлением подметил, что домов из камня здесь даже больше, чем в моём городе. Друг от друга они почти не отличались по цвету, представляя собой мрачную палитру из оттенков серого, а окна были точно такими же, как и окна вокзала – тёмными и пустыми. И снова ни одного человека вокруг, а в ушах звенела та же глухая тишина, наполняющая собой каждую улицу, каждый угол.

Я пошёл по первой попавшейся улице, так как ничего другого мне не оставалось. Однако в одиночестве брёл я недолго: из какого-то переулка неожиданно появился человек. Он выглядел совершенно обычно: это был мужчина, одетый в суконный сюртук, по-видимому, коричневого цвета, с шестью рядами пуговиц, обычные тёмные брюки и обувь. Мужчина размеренно шёл, не оглядываясь по сторонам, смотря прямо перед собой. Его походка и движения наталкивали на мысль, будто бы он идёт просто, чтобы идти, не имея никакого конечного пункта. Наконец увидев в этом месте человека, я, не раздумывая, бросился к нему.

– Прошу прощения, сэръ! Остановитесь, пожалуйста!

Мужчина тут же остановился и медленно повернулся ко мне всем телом. Я застыл на месте, не дойдя до него шагов пяти. У него было самое обычное, ничем не примечательное лицо, однако на нём отсутствовало какое-либо выраже-

ние. Все его мышцы были расслаблены, из-за чего появилось ощущение, будто бы я смотрел на покойника, и даже прямой, направленный на меня, взгляд не улучшал впечатления: его глаза казались стеклянными и смотрели прямо на меня, не фокусируясь на чём-то одном и почти не моргая, словно бы он смотрел в одну точку сквозь моё тело.

Мы молча стояли около минуты друг напротив друга: я ошеломлённо смотрел на его, забыв о приличиях, а он просто молчал. Наконец я немного отошёл от замешательства и снова заговорил:

– Извините, что я вот так остановил Вас, сэр. Прошу, помогите мне. Я совершенно не знаю, где я нахожусь сейчас и как здесь оказался. Вы не могли хотя бы сказать, что это за место?

Мой голос повис в воздухе. Мужчина продолжал смотреть на меня, не торопясь отвечать на мой вопрос. Мне начинало становиться очень неудобно от его взгляда, но деться было некуда, к тому же мне необходимо было хоть кого-то расспросить. Те десятки секунд, что он молчал, мне показались нескончаемо длинными и с каждой из них всё более тревожными, однако наконец он заговорил. Его низкий, гудящий голос словно слился с окружающим миром, своим звуком пробрал меня до костей и произнёс всего одно слово.

– Человек?..

Этот вопрос вкупе с голосом незнакомца пригвоздил меня к месту и заставил пробежать по спине рой ледяных му-

рашек. Что это значит? Разве он сам не такой же, как и я, человек? Собравшись духом, я осторожно ответил:

– Я Вас не понимаю... Что Вы имели в виду? Мне, правда, нужна помощь.

Мужчина молчал несколько секунд, а затем снова заговорил.

– Выбирайся отсюда. Выберись любым способом, во что бы то ни стало. Иначе это место сожрёт тебя.

От ужаса моё нутро тут же сжалось в тугой комок, а сам я настолько испугался, что не смог вымолвить ему ни слова в ответ. Незнакомец ещё мгновение смотрел на меня, а затем так же всем телом отвернулся и пошёл далее по улице. В эту же секунду мне в спину ударил поток холодного воздуха. Вздвогнув, я быстро развернулся в его сторону – и застыл, поражённый. Улица позади меня была заполнена людьми; это были мужчины и женщины, совсем молодые и старики, одетые по-простому и в более богатые наряды. Они все двигались одинаково, точно так же, как мужчина, которого я только что видел, имели одинаковое на всех, такое же пустое выражение лица, и что самое жуткое – никто из них, ни один человек не разговаривал друг с другом. Они шли в полной тишине, не считая едва слышного шороха дамских платьев и стука каблуков туфель и ботинок, проходя мимо друг друга, как мимо пустого места.

– О Господи! – выдохнул я, когда смог отойти от первого шока. Как только этот звук вырвался из моей груди, лю-

ди вокруг одновременно повернули ко мне головы. Они проходили мимо, не сводя с меня пустых взглядов, продолжая поворачивать шею в мою сторону. Это выглядело настолько жутко, что я не выдержал и кинулся бежать дальше по улице, туда, куда несколько минут назад ушёл первый увиденный мною человек.

Я бежал, не оглядываясь и не смотря по сторонам. На абсолютно пустых улицах за одно мгновение появилось множество людей, никто из них не произносил ни слова, и это не менялось по мере того, как я преодолевал метр за метром. Все смотрели мне вслед, и эти мёртвые взгляды я чувствовал буквально всем телом, они только подстёгивали делать более длинные шаги. Как испуганный зверь, я бежал, словно от этого зависела моя жизнь, поворачивал в улочки и проулки, пока наконец не выбился из сил. Я находился где-то между двумя домами, прислонившись спиной к холодной каменной стене, и тяжело дышал. Лёгкие и горло опалил пожар. Обессиленно соскользнув по стене вниз, я сел на землю, восстанавливая дыхание и успокаиваясь. В голове, словно взволненные птицы, метались вопросы, так и остававшиеся без ответа. Где я нахожусь? Что же произошло, почему совершенно ничего не помню? Мои попытки пробиться сквозь вязкую завесу собственной памяти не привели ни к чему вразумительному – дальше, чем момент пробуждения в поезде, заглянуть у меня так и не получилось. Моё сознание словно заволок туман. Единственное, что сверкнуло в нём –

воспоминание о собственном имени; меня зовут Клайд. Эта мысль принесла мне небольшую частицу определённости и спокойствия. Осознав хотя бы это, я смог более-менее взять себя в руки, однако по-прежнему не мог многого вспомнить, например, откуда я родом, где я живу сейчас, есть ли у меня семья.

Шли минуты, вокруг совершенно ничего не менялось, а из окружающих звуков были разве что отдалённое гудение редких порывов ветра да моё шумное дыхание. Когда я почувствовал себя способным делать хоть что-то дальше, я поднял голову и собирался было встать на ноги, но не тут-то было. На расстоянии нескольких ладоней от меня неподвижно стоял человек, не произнося ни слова. Я успел заметить только ноги в туфлях и отутюженных брюках. От неожиданности я вмиг вскочил и испуганно уставился на незнакомца. Не было ни единого звука шагов, пока я сидел на земле, даже шороха рядом не проскальзывало, однако он стоял сейчас прямо рядом со мной, и догадки, как он умудрился незаметно приблизиться, я решил оставить на потом.

Передо мной стоял молодой юноша, на вид не больше двадцати двух лет, одетый в похожий костюм, как и на большинстве мужчин, что я видел здесь, разве что немного более франтоватый. Его лицо в обрамлении чуть растрёпанных кудрей было таким же пустым, как и у первого встреченного мною человека, однако что-то теплилось в самой глубине его прямого, неподвижного взгляда прямо на меня. Словно

в нём жизни было на самую малость больше, чем в окружающих.

Он безо всякого выражения смотрел, как я подскакиваю и отхожу на шаг назад, испугавшись его. С минуту он молчал, глядя мне прямо в глаза (я не торопился начинать диалог первым), а затем заговорил.

– Как твоё имя? – произнёс он. Его голос был далеко не такой пугающий, как у того человека, но тоже настораживал. Главным образом тем, что он словно едва заметно двоился, создавая впечатление, словно абсолютно синхронно говорят два человека. Я почему-то не чувствовал от него никакой опасности, а потому мой испуг довольно быстро прошёл, и я даже смог немного успокоиться.

– Меня зовут Клайд. Скажите, Вы можете мне помочь? Мне нужно хотя бы знать, где я нахожусь, – выпалил с мольбой я и вопросительно посмотрел на незнакомца. Тот несколько секунд помолчал.

– Ты действительно человек. И твоя душа при тебе. Видимо, ты не житель этого места.

Я ошеломлённо смотрел прямо на него. Уже дважды я услышал про то, что я человек. Значит ли это, что остальные вокруг и этот юноша – нет?

– Извините, я не понимаю... Объясните, что Вы имели в виду? И где же я всё-таки нахожусь?

– Тебе нужно постараться убраться отсюда как можно скорее. Иначе это место заберёт и твою душу, и ты останешься

тут навеки, в месте, где не садится солнце и не идут года, где всё, что от тебя остаётся – оболочка и твоё имя. А некоторые и имени своего не помнят, – голос незнакомца отскакивал от стоящих вплотную к нам стен, и в совокупности с тем, что он говорил, звучал донельзя жутко. Я почувствовал, как бегут мурашки, и не мог ничего сказать в ответ, язык и горло словно парализовало.

– Ты находишься нигде. Здесь пустые дома, пустые тела и нет ничего живого. Не запомнить ни одного лица. Ты просто однажды понимаешь, что ты здесь, в совершенно незнакомом месте, идёшь с неизвестной целью по одной из этих сотен одинаковых улиц, а внутри у тебя ничего нет. Ничего, кроме имени, которое не содержит в себе ни толики смысла, кроме того, что оно твоё. И ты остаёшься здесь, слоняясь по улицам и бессмысленно существуя, становясь с течением времени всё больше и больше пустым.

Молчание повисло в воздухе. Молодой человек всё так же смотрел на меня, я так же не мог ни отвести взгляда, ни вымолвить хотя бы слово. От его монолога веяло такой безысходностью, что у меня сжалось в приступе ужаса горло.

– Но ты особенный, – продолжил он. – Твои чувства при тебе, ты совсем не похож ни на кого из здешних. Как ты здесь очутился?

– Право, я этого не знаю, – после слов незнакомца я начал ощущать подкатывающую панику. – Я очнулся на вокзале в одном из поездов, не имея ни малейшего понятия, как

я там очутился и что происходило ранее. Как Вы и сказали, я не помню ничего о своей жизни, только моё имя. Неужели я останусь здесь навсегда? – мой вопрос больше был похож на мольбу о помощи, настолько отчаянно он прозвучал.

Незнакомец немного помолчал, всё так же не меняясь в лице. Я терпеливо ждал его ответа.

– То, что твоя душа осталась при тебе, говорит о том, что ты попал сюда не так, как все остальные. Появился не среди улиц, а на вокзале, испытываешь эмоции. Ты был приведён не по своей воле, кто-то утянул тебя сюда с собой. Скажи, ты помнишь кого-то, кто точно должен был быть с тобой, прежде чем ты очнулся?

Слова о том, что я не просто так здесь оказался, словно обухом изнутри ударили по голове. А вопрос незнакомца заставил белену беспамятства треснуть и выпустить яркое воспоминание: я действительно был не один. Перед глазами у меня встало очень знакомое мне лицо моего близкого и хорошего друга. Он всегда лучится своей мягкой улыбкой, никогда не приводит в порядок крупные, непослушные девичьи кудри и дружит со мной с самого нашего отрочества.

– Таддеус! – потрясённо выдохнул я.

Молодой человек моргнул и едва заметно наклонил голову набок. Мне даже показалось, что в его пустом взгляде на миг появился отблеск интереса. А может, мне лишь хотелось бы это видеть.

– Таддеус, мой друг! – вскричал я. – Да, я действительно

помню, что мы были вместе, а потом... Потом я уже проснулся здесь. Вы думаете, он тоже находится... Тут? – от этой мысли у меня появилось двойное чувство: с одной стороны, по спине пробежал холодок страха за друга, а с другой – радость от того, что я здесь, возможно, буду не один среди чужаков.

Прежде, чем ответить, незнакомец снова выдержал паузу. Мне показалось, словно он ждёт от меня чего-то.

– Не думаю, что тебе пристало бы радоваться, если ты найдёшь его. Как я и сказал, то, что ты остался человеком, значит лишь что тебя привели в этот город насильно. И скорее всего это был именно твой друг.

– Но... Я и представить не могу, чтобы он так поступил со мной. Да и зачем ему это делать? И откуда он мог знать про это место? – его слова огорошили меня, всколыхнув в душе огромное несогласие. Нет, такого просто не может быть. Только не Таддеус. Всё, что сейчас происходит, очень странно и не подлежит никакой логике, и последний человек, кого я стал бы во всём винить, был мой друг.

– Думаю, если ты найдёшь ответы, тебе многое станет понятным, – произнёс незнакомец. В его голосе мне послышались какие-то странные ноты, но мою голову занимали совершенно иные мысли, чтобы думать об этом. – Тебе нужно постараться выбраться отсюда, иначе ты будешь запертым здесь навечно, и я практически уверен, что при таком раскладе ты очень скоро сойдёшь с ума. Это место само по се-

бе, вокруг нет ничего и никаких путей из него тоже не идёт. Если ты решишь выйти за край домов и улиц, ты попадёшь в туман, обволакивающий город и становящийся всё более густым с каждым твоим шагом. Войдя в него, ты уже больше никогда не вернёшься даже в этот город и сгинешь в его белёсых облаках. А что будет с тобой происходить там... – он замолчал, но этого было достаточно, чтобы у меня похолодело от страха в груди.

– Но я должен найти Таддеуса. Если Вы говорите, что его присутствие в моих воспоминаниях означает, что он тоже попал сюда, я обязан его найти и выбраться вместе с ним. Пожалуйста, сэр, помогите мне с его поисками. Вы первый, кто по-настоящему заговорил со мной здесь, – я с мольбой подался к нему. Он смотрел на меня несколько мгновений, а затем кивнул.

– Спасибо Вам большое! – с его согласием у меня появилось столько сил и радости, словно мне сообщили, какой дорожкой можно выбраться отсюда. Я быстрым шагом направился к выходу из того закутка, где мы находились, и когда уже практически был на улице, мне показалось, что незнакомец за моей спиной сказал что-то совсем тихо. Впрочем, окрылённый надеждой, я тут же об этом забыл.

Окружающие люди всё так же, проходя мимо нас, впива-

лись взглядом в моё лицо. Я заметил, что они даже начинают делать это задолго до приближения ко мне, сразу, как только я появляюсь в их поле зрения. Это ужасно нервировало, но поделать я ничего не мог.

– Скажите, Вы помните своё имя? – заняв себя этой мыслью, я хотел отвлечься от некомфортной обстановки вокруг. К тому же поведение незнакомца действительно вызывало вопросы. Мой спутник казался таким же, как местные жители, но что-то незаметно его отличало от остальных, как минимум то обстоятельство, что он явно был разговорчивее.

– Моё имя Джек. Как я и говорил, время в этом месте словно вовсе не двигается, день не сменяет ночь, потому я не знаю, сколько я уже здесь. Но мне кажется, что не слишком долго. И с момента осознания, что я нахожусь в этом городе, у меня всё реже появляются какие-либо мысли, всё явственнее ощущение, будто изнутри я становлюсь каменным, но вот своё имя помню хорошо.

Он продолжал идти, не ускоряя и не замедляя шаг, двигаясь настолько однообразно и ровно, что был похож на заводную куклу. Я ничего ему не ответил, погружившись в обеспокоенные мысли. А что, если мне так и не удастся найти Таддеуса? Что если я не смогу выбраться отсюда и останусь здесь навсегда, что тогда станет со мной? Я здесь состарюсь и умру? У меня появлялся один вопрос за другим, присоединяясь к той веренице, которая уже роилась в моей голове и рисковала остаться без ответов. Ясно мне было одно:

я нахожусь в месте, о котором я совершенно ничего не знаю, где всё идёт не так, как я привык, где всё настолько чужое мне, что от осознания этого грудь сдавливают паника и отчаяние. И никакого простого выхода отсюда нет.

Эти тревожные мысли поглотили всё моё внимание, так что я не сразу заметил, как окружение начало меняться. Камни и пыль на дороге, по которой мы шли, становились чернее, а сама дорога уже, кладка стен тоже мрачнела, словно кирпичи на этих зданиях порастали тёмно-зелёным многогодовым мхом, и даже странного цвета небо чем дальше, тем сильнее заволакивалось грязно-серой дымкой, становившейся всё более густой и тёмной. Здания словно хотели сильнее сгрудиться друг к другу, давили на нас стенами. И без того тревожные краски этого места превращались в нечто угнетающее, и это начало сильно меня пугать.

– Куда мы идём? Почему здесь так... Жутко? – обратился я к Джеку, оглядывая местность вокруг.

– Мы находимся на окраине города. Если пройти её до конца, ты выйдешь за его пределы и попадёшь в туман, однако это не то, что тебе нужно делать. Лучше держаться от него подальше. Ни я, и вряд ли кто-либо из жителей знают, что там в нём, но однажды я ходил возле тех домов, которые стоят самыми последними. У всех них на стенах чёрная, очень вязкая на вид масса, именно там, где камни соприкасаются с туманом. Не знаю, что это, но совсем не добавляет желания заходить в его объятия. К тому же в тумане ведь так

легко заблудиться.

– Зачем же мы сюда пришли? – его слова заставили моё нутро в который раз сжаться от страха. Я терял всякую надежду, что из этого места есть выход.

– Обычно новые люди появляются где-то на улицах в основной части города. Как и я, они помнят только своё имя, и так же со временем становятся всё более пустыми изнутри. Они только и делают, что ходят там, иногда заходят в пустые дома, где мало что есть, кроме старой пыльной мебели, изредка переговариваются друг с другом, но в основном молчат. Молчат и существуют сами в себе. Здесь тоже появляются люди, но гораздо реже, и они не похожи на остальных. А также никогда не выходят отсюда.

– Что значит «не похожи на остальных»? – неужели может быть ещё что-то более странное, чем то, какие есть местные жители? Или он имеет в виду, что здешние обитатели такие, как я? Так же редко появляются, и...

Джек молча кивнул головой куда-то за моё правое плечо. Я обернулся. Увиденное вызвало у меня желание закричать от ужаса, которое я еле-еле подавил, опасаясь, что крик привлечёт внимание этой фигуры, чего я всем сердцем не желал. Я отшатнулся к Джеку и даже краем сознания поймал себя на желании спрятаться за его спиной.

Между домами медленно, гораздо медленнее, чем все встречавшиеся мне люди, двигалось нечто, что по костюму можно было определить как мужчину. Его тело с каждым

шагом неестественно и ломанно дёргалось с ног до головы. Из него словно было высосано всё, кроме мышц, так, что бело-зелёная кожа налипла на его мясо и выступающие кости. По черепу грязными прядями спадали волосы, прилипая к вискам и лбу, а их кончики маячили над глубокими серыми провалами глаз. Глазные яблоки были так глубоко, что казалось невозможным, как они вообще могут находиться в таком положении, и почему-то я, почти перестав дышать от ужаса, не мог никак отвести от них свой взгляд.

– Все до единого здесь вот такого вида, – неожиданно начавший говорить Джек заставил меня подпрыгнуть от испуга, что, впрочем, вынудило меня наконец перестать смотреть на это создание.

– Бывают даже такие, которые выглядят ещё более странно. Думаю, ты счёл их отталкивающими. Они появляются в этой части города и обитают только здесь.

– Я-я ещё больше не понимаю, за...чем мы сюда пришли... – парализовавший меня страх вперемежку с отвращением с трудом давал говорить. Я неотрывно смотрел на этого человека, надеясь, что ему не придёт в голову пойти сюда.

– Здесь, в этих местах появляются не только эти люди. Ещё более редко, чем они, в город попадают те, кто сам искал путь сюда.

Это настолько меня удивило, что я забыл о пугающем существе и повернулся к Джеку, смотря на него во все глаза.

– Что значит «сам искал путь сюда»? Неужели кто-то из

людей знает об этом городе? Где тогда он находится?

– Нигде. Я ведь говорил это. Никто из местных, в том числе и я, не знают и не хотят знать, где мы. Ни отсюда, ни сюда нет никаких дорог в привычном понимании. И, что-то мне подсказывает, ни на одной точке карты вашего мира этого города нет.

Меня снова захлестнуло отчаяние. Практически полное непонимание того, что происходит, в сочетании с теми жуткими вещами, что я успел встретить, заставили меня осознать, насколько же далеко от меня моя привычная жизнь, которую я хоть и не помню, но в глубине души точно знаю, что она была до моего попадания сюда. И я не только не имею ни малейшего понятия, как мне отсюда выбраться, но и с каждой минутой всё больше теряю на это надежду.

– Почему-то люди склонны искать нечто необъяснимое в своём мире. И не только искать, но и стараться приблизиться к этому. Полагаю, никто извне не знает об этом месте, но их поиски приводят именно сюда. И тогда они очень об этом жалеют, но поделать уже нечего, – продолжал Джек. – Почему они появляются именно здесь, так же, как и подобные нелюбезные создания, я не знаю. Так же не знаю, почему те, кого они обманом привели с собой, появляются именно на вокзале. Видимо, это место не любит гостей, но щадит тех, кто не должен был оказаться здесь, однако всё же с чьей-то подачи оказался. Потому я и привёл тебя сюда, ведь это так похоже на то, что с тобой случилось, верно? –

Он пристально посмотрел мне в глаза.

– Я так давно знал Таддеуса... Просто не могу поверить, что он мог поступить подобным образом. Получается, мы здесь, чтобы попробовать его найти? Но разве он не мог выйти в основную часть города?

– А как ты думаешь, почему здешние люди никогда не покидают эти окраины? Они не могут этого сделать. Не знаю, что тому причиной, но такова реальность. Вот и незадачливые гости точно так же не могут найти отсюда выход. И, что-то мне подсказывает, осознание себя в таком месте с полной потерей памяти не скажется хорошо на их состоянии.

После этих слов Джека я почувствовал, как у меня холодеет спина. Проснись я сам здесь и увидь этих людей, как бы я отреагировал? А если он помутился рассудком, когда не смог никуда выйти отсюда? А если и вовсе в страхе побежал в туман? Последнее предположение было хуже всего. Хотя я и понимал, что поиски его здесь, по сути, будут беспорядочным блужданием между домов в надежде наткнуться на него, я знал, что должен что-то делать.

Честно говоря, я был на грани того, чтобы рухнуть у ближайшей стены и просто хоть немного поспать, когда мы наконец нашли Таддеуса. У меня уже не оставалось ни физических, ни моральных сил продолжать поиски, но прямо пе-

ред тем, как я готов был выказать желание сдаться, он вышел на нас из какой-то щели между домами, где мы проходили, едва не сбив с ног Джека.

– Таддеус?! Таддеус! – Я, поначалу не поверив глазам, бросился к другу, непрочно стоявшему на ногах. Джек, впервые проявив удивительную подвижность, успел поймать его прямо перед тем, как он бы упал на землю.

– Эй, ты в порядке, друг? Что с тобой? – Таддеус словно едва мог совладать со своими движениями. Я подхватил его под руки, дабы помочь подняться, но тут случилось нечто, пригвоздившее меня к месту.

Как только я коснулся Таддеуса, в мою голову огромной лавиной хлынули мысли, словно кто-то отпер замок дверей, сдерживающих моё сознание. Я вспомнил всё – моих родителей с сестрой и младшим братом, мой большой и уютный дом, мой город и многое-многое... Очень быстро воспоминания, которые рассказывали мне же о моей жизни, отошли на второй план, уступив самым последним событиям перед тем, как я очнулся в том городе. Тогда Таддеус сказал мне, что нашёл в нашей городской старой библиотеке в одной из книг странную запись, которая обещала способ, как попасть на много лет назад в прошлое, если выполнить определённые действия. Я не был так заинтересован в этом, как мой друг, поскольку уж слишком настораживающими были описанные там манипуляции, но не смог устоять перед энтузиазмом Таддеуса, который с самого детства всегда придумы-

вал нам интересные занятия.

Ночью мы пошли на самый дальний перекрёсток нашего города и стояли там некоторое время в полном молчании. Как и было сказано в той записи, к нам поначалу подъехал очень богатый экипаж, и голос из кареты предложил довезти нас, порядочно выглядящих молодых людей, до дома, если мы заблудились в столь поздний час. Следуя указаниям, не поднимая глаз на окна кареты, Таддеус молча поднял руку ладонью вверх, отказываясь. Ещё через несколько минут к нам подъехал кэб, предлагая свои услуги. Мы знали, что кэбмен будет скрывать своё лицо в тени полей цилиндра, и вглядываться в него вовсе не следует. От его предложения мы, выполняя указания, так же отказались. Последним шагом в ритуале шёл самый невероятный пункт: вдали должен был появиться поезд, идущий по дороге, где не было ни намётка на рельсы, и остановиться возле нас, предлагая стать его пассажирами. Несмотря на в точности повторивший записи приезд экипажа и кэба, я до последней минуты не верил в появление поезда, а потому был до глубины души потрясён, когда услышал его гудок, а затем и посторонился, давая железной машине остановиться. Поезд действительно совершенно немислимым образом передвигался по земле, не испытывая никакой надобности в рельсах. И мы взошли по ступенькам внутрь нового, богато сделанного, но совсем пустого вагона. Когда мы присели на бархатные зелёные сиденья, за нашими спинами появился учтивый кондуктор, который, не

спрашивая адреса нашего путешествия, задал вопрос, зачем мы держим путь именно *туда*. Таддеус очень серьёзно ответил: «Нам нужен Хранитель всех дверей. Он укажет верный путь». Кондуктор принял ответ, что означало правильность наших действий, и так же незаметно пропал, как и появился. Через некоторое время после этого нас начало клонить в сон. Мы поначалу боролись с этим желанием, но с каждой минутой оно становилось всё сильнее, и вот уже невозможно было даже открыть глаза после того, как моргнёшь. Последнее, что я помню – как проваливался в чёрную пустоту сна. А затем открыл глаза уже в вагоне поезда, стоящего на вокзале неизвестного мрачного города.

Пока я стоял, застыв от навалившихся воспоминаний, Джек смог помочь подняться Таддеусу на ноги, забрав у меня его руки. Тот словно не мог до конца совладать с собой и стоял, покачиваясь, а затем неожиданно схватился рукой за стену и его вырвало на землю. Это вывело меня из оцепенения, и я снова бросился к нему.

– Эй, эй, друг, держись. Что же тут с тобой случилось?

– Могу сказать, что ему повезло и крайне не повезло одновременно, – заговорил наблюдающий за приступом Таддеуса Джек.

– О чём Вы? – через плечо обернулся я на него.

– Посмотри, чем его тошнит.

Я взглянул на землю и отшатнулся. Там расплывалась лоснящаяся чёрная масса, медленно тянувшись каплями по

неровностям грязи. По моей спине снова пробежали холодные мурашки.

– Что... Что это? – даже не знаю, от чего именно тогда дрогнул мой голос – от отвращения или от страха.

– Видимо, твой друг всё же вышел за пределы города и попал в туман. Ему повезло, что он смог найти дорогу обратно, похоже, зашёл совсем недалеко. Однако это везение только сделало ему хуже. Судя по всему, он находился там достаточно долго, чтобы отравиться изнутри. Насколько ты помнишь, я говорил, что эта масса вызвана туманом и оседает на камнях. Она разъедает их, медленно, потому что это всё-таки камни. Зато тело Таддеуса – живое. Скорее всего, ему уже очень недолго осталось.

– Нет! – вскричал я, однако всё же понимая, что Джек прав. Я смотрел на тело друга и теперь буквально физически ощущал, насколько мало в нём осталось жизни. Я опустился рядом с ним на колени, прижав к себе.

Неожиданно Таддеус поднял голову и посмотрел прямо на меня. Я взглянул на него в ответ, и внутри у меня всё сжалось – его глаза, обычно лучистые, стали грязно-серыми и пустыми. Несколько секунд он, не отрываясь, смотрел на меня, а затем произнёс всего одну фразу:

– Прости меня, – после чего уронил голову и безжизненно обмяк в моих руках. Я осторожно положил его на землю, чувствуя, как моё горло сжалось от сдерживаемых слёз, и поднялся, глядя на Джека. Тот стоял по-прежнему с ров-

ным лицом и безжизненным взглядом, но почему-то я почувствовал, что он тоже сожалеет вместе со мной.

– Что мне теперь делать? – спросил я у него. Джек пристально смотрел мне прямо в глаза, ничего не отвечая. Так мы стояли около минуты.

– Джек?.. – осторожно обратился я к нему.

– Ты должен уходить отсюда, – неожиданно твёрдо и даже пугающе сказал он. Под его взглядом я сделал движение назад.

– Вы ведь знаете, я бы только с радостью, но как...

– Уходи, – он сделал шаг на меня. Я испуганно отступил. Что за перемена в настроении? Он буквально только что, да и ни разу за всё время, таким не был.

– Джек, Вы...

– Уходи, – снова шаг на меня. Снова отступаю, продвигаясь по узкому проходу между домами.

– Уходи, – и тут он сильно толкает меня двумя руками в грудь. Я отлетаю от него, словно совсем ничего не вешу, и теряю равновесие. В попытке удержаться на ногах поворачиваюсь на месте и неожиданно оказываюсь на небольшой площади.

Я вывалился из узкой расщелины, а оказался на одной из тех улиц, которые отходят от вокзала. Не веря своим глазам, стоял некоторое время и оглядывался, а затем обернулся назад. Там не было никого. Ни Джека, ни Таддеуса, ни вообще кого-либо из местных. Только мёртвая тишина, та же, что

и в первую минуту моего появления здесь. Ничего не понимая, я направился к вокзалу, и только тогда заметил изменения вокруг. Его здание, выглядевшее вполне добротным в моё прибытие, сейчас было похоже на пережившее многие десятилетия и будто бы стихийное бедствие. От самой земли вверх шли глубокие трещины, камни были беспощадно изъедены временем, а окна почти все разбиты, что, впрочем, никак не повлияло на пустующую черноту за ними.

Дверь просто чудом не развалилась от моего прикосновения. Внутри всё выглядело ещё более старым, чем снаружи, к тому же практически везде и на всём лежал толстый слой грязи. Не было даже моих следов, оставленных здесь, когда я выходил в город. Я пересёк здание и подошёл к той двери, которая вела на платформу с тем самым вагоном. Через чудом уцелевшее стекло небольших оконцев в двери я выглянул наружу. Рельсы были практически полностью проржавевшими, не говоря уже о деревянных шпалах, истлевших и затерявшихся среди бурно поросшей зелёной травы. Те вагоны, что я тогда видел, в том числе и мой, так же приобрели яркий красно-оранжевый цвет; казалось, тронь их – и железо с шумом рассыплется в труху. Я рассматривал всё это некоторое время, а затем в голове вспыхнуло озарение: цвета окружающего мира я вижу так, как видел всю мою жизнь до этого. Грязно-зелёный свет исчез. Не веря своим глазам, я прильнул ближе к стеклу. Всё верно, изумрудная трава, ржавчина и нежно-голубое небо имели совершенно

нормальный оттенок.

Моё сердце заколотилось как бешеное. Я толкнул дверь, не боясь, что она обвалится на меня, и сделал шаг. Мне в глаза тут же ударил яркий и тёплый солнечный свет. И хотя я ещё не успел как следует к нему привыкнуть и оглядеться, я точно знал – чужой мир выпустил меня обратно домой.

Сон

За дверью раздались еле уловимые шорохи. Будь я здесь впервые, то и не придал бы им особого значения. Но в данный момент мне было точно известно, что вот-вот массивная деревянная дверь, усыпанная большим количеством расписных узоров, распахнется, запустив меня в свою обитель. Тут же, как я и предполагал, послышались щелчки открывающихся замков, заглушенных скрежетом металлической цепи.

– Это Вы, мистер Флетчер? – из-за двери выглянула маленькая голова Лорен. – Мисс Блэр уже заждалась Вас.

– Прошу меня простить, Лорен, эта ситуация возникла по вине сил, неподвластных моему влиянию. Из-за некоторых непредвиденных обстоятельств мне пришлось немного задержаться на ипподроме, – я виновато улыбнулся и шагнул внутрь.

– Вам следует говорить это совсем не мне, – вежливо улыбнулась служанка в ответ и поставила передо мной украшенные мехом тапочки. – Позвольте?

– Конечно, – кивнул я, снимая туфли.

Пока служанка плавно опускала мою ступню в мягкий тапок, из гостиной прогремел низкий бас хозяина дома, заставляя меня застыть на месте.

– Кто это, Лорен? – он всегда говорил короткими фраза-

ми, пропуская их сквозь зубы, словно то был рык дикого зверя.

– К нам пожаловал господин Флетчер, – громко, почти переходя на крик ответила ему девушка.

– Опять этот пастух пришел! И снова к моей милой Амелии, – его голос стал тише, и оставшуюся часть фразы мне уже не было слышно.

Я недоуменно уставился на Лорен, которая аккуратно убирала мои туфли в шкафчик для обуви. Кажется, что ее совсем не волновали слова хозяина дома. В отличие от нее я никогда не мог привыкнуть к его грозному тону. Каждый раз мне становилось не по себе от его резких слов, появлялось чувство, словно я маленький ребенок, которого отец отчитывает за очередную провинность.

– Вы так и будете здесь стоять? – поджав пухлые губы, спросила Лорен, выводя меня из ступора.

– О, нет, – я сделал рефлекторный шаг по коридору. – Вы не могли бы сообщить обо мне госпоже Блэр?

– Нет, – тут же хмыкнула она. – Госпожа у себя.

– Но как же... – растерянно протянул я, бросая взгляд на гостиную.

– Все хорошо, мне было велено сразу же сопроводить Вас туда, – успокоила меня девушка, плавно толкая вперед.

Перед глазами сразу же возникли возможные последствия подобной выходки. Мне совсем не хотелось становиться очевидцем всех тех историй, где господин Блэр выходил из себя.

О его пылком характере знал весь город, и пока не нашлось ни одного смельчака, способного сказать ему хоть что-то наперекор. Однако я понимал, что им в любом случае будет выказано недовольство, потому не было никакого смысла идти в гостиную, тем более если это был наказ Амилии.

Около лестницы, ведущей на второй этаж, руки служанки пропали с моей спины, и сама она в одночасье испарилась. Видимо, на этом ее обязанности касательно меня закончились, и она приступила к своей обычной работе. По телу побежали мурашки от осознания, что мой единственный возможный союзник покинул меня. Затаив дыхание, я быстро заскочил на первые ступени. Укрытая бархатным ковром лестница ответила мне предательским скрипом, заставляя ускориться. И чем быстрее становились мои движения, тем больше ненужных звуков издавала проклятая древесина. В конце концов, когда мои ноги ступили на спасительный второй этаж, я смог со спокойствием выдохнуть и немного отдышаться.

В ушах методично стучало возбужденное сердце, мешая сосредоточиться. Поначалу я даже смутился и не знал, куда идти в знакомом коридоре. Дверные проемы казались одинаковыми, и я на мгновение потерял ориентацию в пространстве. Мне даже привиделось, что одна из дверей вот-вот распахнется, и на меня выйдет грозный мужчина с красным от злости лицом, которого я решил обделить своим посещением в гостиной. Однако наваждение пропало так же быстро,

как и появилось, и я вытер со лба проступившую испарину, проследовав к нужной двери.

Не успели мои костяшки коснуться шероховатой поверхности дерева, как за ним раздался звонкий девичий голос, приглашающий меня внутрь. Как только я распахнул дверь, меня ударило свежестью цветов. Это было не первое мое посещение ее комнаты, но абсолютно каждый раз я заходил в нее с замиранием сердца.

Сама по себе комната была небольшой и практически все пространство занимала та или иная мебель. На бежево-золотистом шелковом ковре недвижимо стояла резная кровать из красного дерева, недалеко от нее застенчиво забился в угол платяной шкаф. С противоположной стороны кровати стоял небольшой столик с зеркалом. Еще один стол был завален книгами и какими-то мелкими предметами. Рядом с ним стояла Амилия, держась рукой за спинку стула. Увидев девушку, я застыл, забыв даже сделать приветственный поклон. Она была повернута ко мне боком, а все ее внимание было приковано к окну, потому у меня было время, чтобы рассмотреть ее перед тем, как я неминуемо попаду в плен голубых глаз.

Она уже была собрана и стояла в выходном светло-сиреневом платье. По жаккардовой ткани аккуратными змейками расплзались серебряные узоры, переливающиеся в солнечном свете, что струился из большого окна. Шея и ключица выделялись в аккуратном квадратном вырезе. Платье

плотно обвивало талию, стянутую корсетом, а на рукавах, начиная с локтя, оно переходило в несколько слоев тонкого кружева, из которого выглядывала маленькая бледная кисть. Вниз от талии плотная ткань расходилась крупными складками. Она выглядела очень пышной из-за внутреннего каркаса, вероятно, из китового уса и огромного количества накрахмаленных белых юбок.

– Я думала, что окажусь обманутой, – с каким-то неестественным упреком произнесла Амилия, поворачиваясь ко мне. – Однако Господь не обделил меня терпением.

Плененный красотой девушки, я не сразу понял, что она обращалась именно ко мне, и беспомощно открыл рот, не зная, что ответить. Затем в голову ударила мысль о забытом поклоне, который я тут же принялся выполнять, краснея от смущения и стыда. Девушка рассмеялась, хлопнув в ладоши.

– Очаровательно, это просто очаровательно! – продолжила смеяться она и тут же серьезно добавила. – Папочка сказал мне о том, что было вчера, поэтому я и не ждала тебя вовремя. Надеюсь, что ничего плохого не произошло.

От ее веселого смеха я смутился еще больше и быстро отвел взгляд, пытаясь найти место, где мог бы спрятаться, дабы перестать позориться перед Амилией.

– Я должен был успеть к Вам...

Только я начал говорить, как лицо девушки моментально стало строгим, а две веселые голубые искорки превратились в бездонную ледяную пропасть. От такой быстрой смены на-

строения по моей спине снова пробежали мурашки, а тело в ужасе отшатнулось.

– Опять, – ее голос стал тихим, но его раскаты оглушили меня сильнее самого сильного грома. – Опять, Стиви, ты опять за старое! Почему ты из раза в раз начинаешь это снова? Почему ты обращаешься ко мне на Вы? Мы настолько чужие друг для друга...

– Я просто выказываю уважение, – в отличие от нее мой тихий тон был совсем не слышен.

– Выказываешь уважение, – монотонно повторила она. – Точно так же, как перед этими напыщенными индюками, на приемы к которым меня заставляют ходить. Ты думаешь, что мое уважение к тебе заключается лишь в одном обращении на «Вы»?

– Нет, – ни секунды не раздумывая, ответил я.

Амилия ничего не ответила, только продолжала стоять и сверлить меня взглядом. Мне стало некомфортно, так как я совсем не ожидал подобную бурю, наступившую сразу после моего прихода. Конечно, для меня было далеко не секретом сходство ее характера с отцом, но привыкнуть к подобному мне никак не удавалось. К счастью, это было лишь частичное сходство, а не полная идентичность. По большей части она все же представляла из себя прелестный цветок, нежность которого могла завладеть сердцем любого, как она это сделала с моим.

– Ты как всегда прекрасна, Амилия, – осторожно начал я,

разорвав повисшую в комнате тишину.

– Нравится? – примирительно кивнула она.

После этого девушка улыбнулась, сделав шаг на встречу мне. Ее взгляд снова стал теплым, и она сделала несколько оборотов на месте. Подол ее платья стал еще более воздушным, а я заворуженно покачал головой.

– Мне его папочка привез. Правда, его познания в подобного рода делах оставляют желать лучшего, но спасибо моей дорогой Лорен, что не подвела, – хихикнула она.

– Должен сказать, что она несколько не прогадала.

Девушка снова наградила меня теплой улыбкой и, кружась в мою сторону, протянула свою тоненькую ручку. Я взял ее за кончики пальцев и, встретившись глазами с Амелией, смущенно отвернулся в сторону столика с зеркалом. Гораздо проще было смотреть на мужчину в черном костюме, из-под которого выглядывала белоснежная сорочка. Тем более, что и смотрелся он весьма потешно. На его гладко выбритом лице светилась чуть глуповатая улыбка, а кожа от смущения покрылась легким румянцем.

– В планах у нас сегодня было сходить на Ярмарку, – рядом со мной раздался голос девушки. Когда я повернул голову, то снова встретился с ее глазами, однако в этот раз во мне нашлись силы не уводить взгляд. Я все еще держал кончики ее пальцев, а она не собиралась убирать свою руку.

– Верно, открытие стальной дороги мы, наверное, уже пропустили. Но я бы очень хотел посмотреть на эти... М-м.

Я закатил глаза, в попытке вспомнить название монстров, способных тащить за собой телеги невероятных размеров. Никакая связка лошадей не сравнится с этой силой.

– Кажется, папочка говорил паровоз! – тихонько помогла мне Амилия.

Я не успел произнести слова благодарности, так как из-за двери раздался звонкий голос Лорен.

– Господин Блэр желает обедать вместе с Вами. Он ожидает в саду.

– Лорен, милая, скажи моему дорогому отцу, что мы не сможем обедать вместе с ним, потому что нас нет дома.

Мой живот предательски издал нечеловеческие звуки, и я вспомнил, что нормально не ел со вчерашнего дня. В то же время в голову пришла и другая мысль. Где-то в подкорках сознания вырисовывалась белая беседка, в которой в полном одиночестве сидел разъяренный мужчина и сквозь зубы проклинал меня из-за столь неуважительной выходки. Уже второй за этот день.

– Мы не будем обедать? – обеспокоено поинтересовался я.

– У тебя было достаточно времени для обеда! – равнодушно пожала плечами девушка.

– Я сообщу господину, что мистер Флетчер забрал Вас на прогулку на лошадях.

От ее слов меня снова бросило в холодный пот, и мое тело даже немного задеревенело, качнувшись в сторону.

– Прекрасная идея, – засмеялась Амилия, хлопая в ладо-

ши.

Вопреки намеченной цели нашей прогулки первым делом мы отправились в парк. На этом настояла Амилия, не давая мне никак возразить. Ни одного моего слова против она и слышать не хотела, обрывая каждую мою фразу топотом своих ножек. В конце концов я сдался и мы повернули в противоположную сторону от городской площади.

Сам парк представлял из себя покрытый зелеными зарослями клочок земли, который насквозь прорезала широкая аллея. На выложенной аккуратным прямоугольным камнем дороге время от времени встречались небольшие скамейки, а еще реже попадались едва заметные ответвления. Обычно мы медленно шли вдоль растительности, и девушка частенько останавливалась, хватая меня за рукав пиджака. Амилия очень любила растения и много о них знала. О своих зеленых друзьях она могла говорить часами, перечисляя их полезные свойства или просто описывая красоту того или иного цветка. Меня она тоже пыталась научить если не любить, то хотя бы разбирать в них, но мне это казалось непосильным трудом. Я питал равнодушие к этим зеленым созданиям и каждый раз, когда девушка спрашивала название очередной травинки или кустика, быстро придумывал первое, что попало на ум. Ее никогда не расстраивали мои ответы, напротив, Амилия начинала весело смеяться от выдуманных мной слов, а затем поправляла и добавляла короткий интересный факт. И хоть я не был любителем растений, ее рассказы до-

ставляли мне искреннее удовольствие. Если бы меня попросили, я бы никогда не смог передать ту интонацию, те чувства, которые она вкладывала в свои слова. Внутри меня все радостно замирало, внимая каждому сказанному ею слову.

В этот раз мы шли, не останавливаясь ни на секунду. Поначалу я даже не обратил на это внимание, так как девушка говорила со мной обо всем, отвлекая от этой странности. Когда мы свернули с дороги на узкую тропинку, голос Амилии изменился. Она продолжала жизнерадостно ворковать, но мне отчетливо слышалась скрытая нота горести, которую я не в силах был понять. Первой мыслью было то, что она все же была недовольна моим опозданием, и я попытался это узнать. В ответ она только рассмеялась и заверила меня, что в этом не было никакой проблемы. До самого озера я копался в собственных мыслях в попытке разобраться в происходящем, отзываясь на редкие вопросы моей спутницы.

То, что мы считали озером, таковым трудно было назвать. Скорее это была слишком большая лужа, поросшая осокой и превратившаяся в вязкое болотце. Рядом с ним на берегу стояла одинокая скамейка, спрятавшаяся в тени многолетнего дуба. Это место нравилось нам двоим. Амилии из-за своей тишины и растительности кругом, а мне... Не могу назвать точную причину, но я полюбил его в тот самый миг, когда девушка впервые привела меня сюда. Здесь мы могли находиться часами, не замечая, как яркое обеденное солнце начинало скрываться за горизонтом. Погруженные с головой в

разговор друг с другом, мы пропускали мимо себя монотонную городскую жизнь, наслаждаясь каждым мгновением на скамье перед заросшим прудом.

– Подождем здесь? Совсем немного, – спросила меня Амилия и, не дожидаясь моего ответа, опустила на скамью, поправляя под собой платье.

– Хорошо, – я осторожно опустился рядом.

Некоторое время мы сидели молча и смотрели перед собой. Я снова был погружен в собственные мысли. Девушка же нервно мяла свои руки, набираясь сил, чтобы что-то сказать.

– Я видела тревожный сон, – ее голос был глухим и практически не слышим. – Мне не вспомнить большую его часть. События слишком быстро проносились мимо меня, но перед глазами до сих пор стоит твое лицо. Бледное и испуганное, оно было практически мертвым. Ты смотрел на меня с такой мольбой...

Она прервалась и замолчала. Что-то подсказывало мне, что сейчас нужно взять ее руку и постараться успокоить, но девушка тут же подняла на меня голову. Я с изумлением смотрел на ее мокрые глаза, не в силах пошевелиться.

– С мольбой, Стиви, ты просил меня помочь. Твой рот беззвучно открывался и закрывался, а я не знала, что сделать. Мой дорогой Стиви, я проснулась в слезах.

Амилия продолжала говорить, а слезы крупными каплями спускались по ее нежной коже вниз и капали на светлую

ткань. Она сама схватила мою кисть и при каждом новом слове с силой сжимала ее, как будто пыталась передать все переживания, что чувствовала сейчас. Это еще больше вводило меня в ступор. Единственное, что я сумел сделать, – придвинуться чуть ближе, и ее голова тут же оказалась на моем плече. Она продолжала рыдать, крепко сжимая мои пальцы.

– Это был всего лишь сон, Амилия. Тише-тише, всего лишь сон, – я успокаивал ее, пока не затихли девичьи всхлипы.

– Сегодня утром отец рассказал, что у тебя произошло вчера на ипподроме, – более уверенно ответила она.

Перед глазами появились картинки вчерашней заварушки. Трое человек ворвались ко мне в кабинет, громко крича и круша попадающиеся под руку предметы. Они хотели забрать мой ипподром, угрожали смертью моих работников, но дальше угроз дело не зашло. Один из бандитов заметил конверт с родовым гербом семейства Блэр, отчего они тут же убрались восвояси. Страх перед отцом Амилии делает с людьми просто безумные вещи.

– Подобное не в новинку для меня. Каждый год находится безумец, который хочет забрать его себе, и абсолютно каждый раз обламывает об меня свои гнилые зубы.

– Но они побили Малыша Монти, а если бы тебе досталось? Попробовали они тебя хоть пальцем тронуть, мой отец показал бы им! – хмурясь, она погрозила кулачком озеру.

Делая этот жест, она была настолько милой в своем порыве защитить меня, что заставила смущенно улыбнуться. Милая Амилия, хотел бы я сказать тебе, что остался невредимым только потому, что в моей жизни есть ты, но, боюсь, что это только увеличит твои страхи.

– Может, ты бросишь его? – неожиданно резкий тон девушки вывел меня из умиленного состояния.

– Что ты имеешь в виду? – уже догадываясь о дальнейших словах, осторожно спросил я.

– Ты можешь бросить ипподром. Я больше не буду волноваться за тебя, и у нас появится больше времени, чтобы проводить его вместе. Разве это не прекрасно? Мы сможем ходить сюда гораздо больше, чтобы оставаться только вдвоем. Стиви, ты этого не хочешь?

Слово в слово, как я и предполагал. Это был не первый раз, когда она предлагала подобное. Сладкие речи о нашем будущем в такие минуты заставляли меня сомневаться в правильности решений, и тогда приходил он. Даже при смерти мой отец выглядел сурово и решительно. Взяв мою руку, он твердо попросил меня заняться этим ипподромом, ведь это было делом всей его жизни. И только когда я выдавил из себя утвердительный кивок, его, заплывшие от бессонных и полных боли ночей, глаза наконец закрылись. Но я такого себе позволить не мог. Не мог позволить забыть его просьбу.

– Ты знаешь, что я не могу этого сделать, – воспоминания спустились к горлу, застряв в нем непроглатываемым комом.

– Мой отец сможет взять тебя к себе секретарем, и мы ни в чем не будем нуждаться, – настойчиво продолжала Амилия.

– Он говорит, что от меня пахнет навозом, – с грустью усмехнулся я и тут же продолжил, не давая девушке возразить мне. – Дело совсем не в средствах. Я не могу оставить то, что издавна принадлежит моей семье. Я обещал это отцу!

– Обещал отцу, – ее голос снова задрожал. – Мне ты тоже обещал, что с тобой ничего не случится. Этот сон был совсем не просто так... Думаешь, он хотел бы, чтобы тебя убили, как и его первого сына?

– Вы бы прислушались к леди, мистер. Она говорит весьма разумные вещи, – грубый басистый голос ворвался в наш диалог.

Я и не заметил, как к нам подошел мужчина, остановившись сбоку от скамьи. Все это время мой взор был сосредоточен на Амилии, и потому его появление стало неожиданностью.

– Прошу меня простить за столь некрасивое вмешательство. Вы не позволите мне присесть рядом? – мужчина в потертом фраке виновато поклонился, снимая с себя большой бордовый цилиндр, который никак не подходил к его грязно-серому одеянию.

Я перевел взгляд обратно на девушку. Видимо, появление незнакомца оказало на нее такой же эффект, как и на меня. По-прежнему сжимая мою руку, она с растерянностью и страхом смотрела на мужчину, немного прячась за моим

плечом. Тут же я ощутил, как во мне медленно закипала злость. Я, впрочем, как и сама Амилия, не любил посторонних людей. Даже своим ничтожным существованием, они могли потратить слишком много нашего времени, а это было непозволительно. Идти с ним на конфликт не имело никакого смысла, тем более такая выходка могла напугать девушку или заставить лишний раз переживать.

– Вы можете отдохнуть столько, сколько Вам будет угодно, – сквозь зубы ответил я, поднимаясь с места и увлекая девушку за собой. Не дожидаясь, пока басистый голос снова нам что-то ответит, мы пошли по тропе обратно, к каменной аллее, оставляя его позади.

Мы единогласно решили идти напрямиком на главную площадь. Ведь посещение ярмарки было основной целью нашей прогулки. Да и это было для нас весьма полезно. Амилии нужно было отойти от неожиданно вклинившегося собеседника, ну а для меня выходил небольшой перерыв от нашего вечного спора.

Помнится, будучи мелким мальчишкой, я не упускал ни единого случая, когда на площади проходили праздничные гуляния. Иностранные купцы, пестрые лавочки и толпы веселых людей, гуляющих вокруг, – все это так захватывало меня, заставляя сердце биться от счастья и гудеть вместе с остальными. Я испытывал настоящее удовольствие, тягая отца или старшего брата за руку, в попытке полностью обойти этот живой лабиринт. Но со временем все постепенно меня-

лось, я терял эту детскую задорность и предпочитал время на ипподроме глупому и бесцельному хождению.

Наверное, Амилия чувствовала то же самое, хотя я осмелился бы сказать, что она всегда была такой. Замкнутой к окружающим. В этом я смог убедиться в нашу первую встречу. Эти прелестные мгновения я помню до сих пор, словно это было только вчера. В тот день я был приглашен на прием к графу Куинси. Видимо, из-за моих завышенных ожиданий, а может, виной тому были определенные черты моего характера, но я умудрился не только опоздать, но и заплутать, попав на территорию поместья через сад. Я так спешил, что поначалу не заметил девушку, сидящую на одной из скамеек и пристально глядевшую в чернеющее небо. Она же меня заметила сразу. Не знаю, какие силы овладели мной в тот момент, но тело застыло, как будто мои ноги оплели корни молодого деревца, не давая сдвинуться с места. Язык мой также двигался сам собой, отпуская нелепые шутки, тем самым заставив краснеть не только меня, но и саму девушку. Должен сказать, что на прием в тот вечер я так и не попал, оставшись в плену цветка невиданной красоты.

Не знаю, почему я пригласил ее именно сюда, ведь излишнее общество мы не любили. Паровоз я мог бы увидеть и потом, после его торжественного открытия. Но мои мысли кардинально изменились, когда я оказался перед ним воочию. Эта стальная громадина вызывала во мне ликование того самого мальчишки. Я еле сдерживал себя, чтобы не побежать к

нему со всех ног и кинуться разглядывать каждую его часть. Безумцем был тот, кто создал подобное творение, но мне это нравилось. Теперь я точно нисколько не жалел, что пришел сюда.

Если от совсем глупых затей мне удержаться удалось, то от соблазна прокатиться на последнем рейсе этого чудовища меня спасти было некому. Даже Амилия согласилась составить мне компанию, хотя если бы она отказала, то и мне пришлось бы остаться с ней. Паровоз ей тоже понравился, но, узнав, что мы поедем на нем, девушка начала смотреть на него больше с опаской, чем с интересом. Но отступить было некуда, я уже взял билеты и теперь в нетерпении мялся в очереди, которая аккуратной змейкой вела ко входу в вагон. Люди шумели и восхищенно ахали, показывая то на вагон, то на сам паровоз. Казалось, что я проник этим всеобщим волнением, и уже готов был сам охать, тыкая в него пальцем. Удерживало меня лишь испуганное лицо Амилии.

Когда подошла наша очередь, мужчина в бордовом жилете взял наши билеты и пригласил в вагон. Он просил нас поторопиться, так как паровоз должен был отправиться с минуты на минуту, а мы как раз были последними счастливицами, купившими билет. Я пропустил девушку вперед, и уже хотел было сделать шаг на ступень следом за ней, как заметил, что сверху кто-то подает ей руку. Сам факт этого действия не возмущал меня, ведь пустить ее вперед было моим промахом, и потому нужно было поблагодарить чест-

ного джентльмена за помощь. Но мне не нужно было много времени, чтобы узнать эту истерзанную шрамами руку. Это был один из тех бандитов, что приходили ко мне вчера. Чуть ли не заваливаясь на спину, я попятился назад, стаскивая со ступеней Амилию. Оказавшись внизу я рефлекторно потянулся к поясу, забыв, что оставил револьвер в кабинете. В то же время паровоз тронулся, медленно потащив вагоны за собой, мужчина в бордовом что-то закричал нам и запрыгнул на ступени, вталкивая руку со шрамом обратно в вагон.

Амилия возмущенно повернулась ко мне и хотела что-то сказать, но увидев мое растерянное лицо, обняла, прижимаясь всем телом. Не знаю, поняла ли она истинную причину этой выходки, но мне было уже достаточно готовности девушки поддержать меня. Внутри стало гораздо спокойнее. Ее волосы пахли нежной летней свежестью. Ее тепло согревало не только тело, но и мысли, уводя все плохое вслед за паровозом, упорно тянущим за собой вагоны с людьми. Он выбрасывал в небо черные клубы дыма, уходя все дальше, а я был счастлив. Счастлив, что мы остались невредимыми здесь.

Потеряв паровоз из виду, люди постепенно расходились, оставляя нас вдвоем. Хотя они уже давно перестали для нас существовать. Мне было так хорошо, что на секунду показалось, что происходящее вокруг – всего лишь прелестный сон.

И каждому сну следует рано или поздно закончиться.

Звук взведенного курка обдал холодом мое тело. За спиной девушки, куда падал мой взгляд, выросла черная тень мужчины в высоком цилиндре. Я в ужасе уставился на лицо Амилии. Следующие мгновения были настолько медленными, что я отчетливо видел каждое движение мускул на лице девушки. Ее рот беззвучно открывался, словно она пыталась закричать, но я ничего уже не слышал. Только чувствовал какое-то неприятное жжение в районе затылка. И прежде чем все оборвалось, я закрыл глаза, представляя, что это всего лишь сон...

Вне времени

Не существует ни начала, ни конца. У меня есть весь мир и моя душа, растворяющаяся в нём каждый день, чтобы затем наслаждаться всем, что увидела, ночью. Не существует начала, но у меня есть смутное знание о том, что когда-то было иначе. Когда-то я была привязана к земле, а огромная масса людей была моим домом и моими цепями. Я не помню ничего из того времени, словно его никогда и не было. Я просто до сих пор чувствую восторг от ощущения свежей, как ветер, абсолютной свободы, пронизывающей каждую мою часть, и знаю, что наслаждаюсь этим, потому что когда-то видела, как может быть по-другому.

Внизу шумят, проезжая, запоздалые машины, изредка проходят люди – маленькие куколочки, как мне видится отсюда. Сейчас ночь, моё самое любимое время за целые сутки – многоэтажные дома зажигаются окнами, разными, как и жизни, что за ними проходят, магазины привлекают к себе уютным светом свечей, пойманных в маленькие капли стекла, а улицы освещаются старыми, жёлтыми фонарями. Когда я отталкиваюсь в прыжке от очередной многоэтажки, проводя в полёте до следующей крыши почти десять секунд, я будто немного приближаюсь к глубокому, тёмному небу с яркими звёздами. Городские огни почти затмевают их, если

смотреть с земли, а здесь, на высоте, они видны ярко-ярко. Хорошо, что сегодня совсем безоблачная ночь.

Каждый день с наступлением темноты некоторое время я неистово перепрыгиваю с одной крыши на другую без цели и направления, выписывая в полёте кувырки и громко для себя и беззвучно для мира ликуя. Наконец-то свобода! Прямой взгляд меня не увидит. Люди могут только краем глаза заметить промелькнувший силуэт, такой неясный, что тут же обо мне забудут. Мой голос – это тихий шёпот, который слышат, проваливаясь в сон, и уже не знают – наяву это или нет, далёкие слова, которые звучат во снах и забываются после пробуждения. Мои прикосновения ощущаются как пробежавший ветер, а силы вот так прыгать между крышами никогда не заканчиваются. О нас никто не знает, и мы почти никогда не видели друг друга. Мы – сосредоточение человеческой свободы, мыслей и внутреннего света, души, получившие дар вечно наслаждаться этим миром и быть его частью. Эта мысль о себе, появившаяся в раздумьях во время одного из дневных странствий, мне вполне нравится и откликается внутри, где-то возле сердца.

То, что я вижу каждый день и ночь, запоминается так хорошо, будто записывается несмываемыми чернилами в мою память. Каждый раз я наблюдаю за миром так, будто впервые по-настоящему открыла глаза, даже если смотрю на что-то,

что уже видела. Моя стихия, несомненно, город, хоть я и выбираюсь время от времени за его пределы и от души наслаждаюсь пребыванием на природе. Всюду, куда ни посмотри, дома́, дома́ и ещё раз дома. Город белеет на солнце днём и утопает в огнях вечером, пестрит самыми разнообразными крышами и, почти не прекращая, шумит машинами и многоголосьем людей. Самые чудесные – летние вечера; когда воздух тёплый, как дыхание спящего, и пахнет разнеженной, согретой солнцем зеленью. Тёплый ветер ласкает всё встречающееся ему на пути и далеко разносит разговоры идущих по своим делам людей; летом я чаще, чем в другие времена года, слышу их весёлый, звонкий смех. По вечерам, когда закаты разливаются солнечным мёдом по небу, а воздух становится немного прохладнее, можно увидеть, как люди сидят рядом на своих балконах, накрывшись общим пледом, и разговаривают. Мне нравится слушать их беседы. Они говорят об их жизнях, их любви и о мире. Я могу часами сидеть возле таких пар и смотреть, как они растворяются в этом общении душ, ненадолго выпадают из постоянно бурного течения жизни. Словно остаются совсем одни на целой планете. Когда люди такие, я чувствую, как они становятся больше похожими на нас, а ещё почему-то чаще меня замечают. Интересно, с чем это связано.

Кажется, лето начинает уходить. Только думает об этом, ещё не забрало своего тепла днём и яркого солнца, но уже

пускает прохладный ветер по вечерам и чуть более холодные ночи. Наверное, сейчас начало сентября. Ещё одна моя черта – я чувствую всё, что происходит вокруг, будь то ветер, холод, тепло или прикосновение к воде или горячей крыше. Чувствую, но не могу замёрзнуть или обжечься. Словно моё тело даёт только ощущать, но не позволяет причинить боль. Зато любое изменение в мире, каждое его едва уловимое дыхание я ощущаю очень тонко, вижу малейшие перемены. Больше всего мне нравится мир осенью и весной – когда медленно впадает в долгий сон и так же медленно просыпается. Скоро он заснёт, пушистый снег приглушит все голоса города, а в лесах и вовсе воцарится тишина, нарушаемая лишь осторожными звуками, которые создают животные, и далёким-далёким шумом неба.

Но это будет не завтра. Пока что улицы сильно прогреваются днём, наперебой щебечут птицы и смеются гуляющие дети. А сейчас, ночью, всё немного стихло. Я сижу на самом краю высокой многоэтажки, которая сильно возвышается среди всех стоящих рядом, и потому могу смотреть ещё дальше, чем обычно. Здесь немного ветрено, и мои волосы время от времени развеваются за спиной от порывов прохладного воздуха. Внизу – целое море огней, а над моей головой бескрайнее, огромное небо, усеянное яркими звёздами. Если долго смотреть на них, можно почувствовать, как ты растворяешься в этом бесконечном пространстве.

Я уже успела потеряться там и только что резко вернула себя обратно на крышу. Каждый раз как в первый; это ощущение, к которому, на мой взгляд, невозможно привыкнуть. Ты выпускаешь свои мысли, и они поднимаются в небо, растворяются в нём и перемешиваются с ним, а затем ты резко зовёшь их обратно в свою голову. После этого короткого странствия в ней прохладно и чисто, а мысли словно приносят на себе частицы звёздной пыли. Я поднялась на ноги и спрыгнула вниз.

Приземлившись на кромке соседнего дома, я подняла голову. Высокая многоэтажка красовалась новыми, белыми кирпичами и широкой крышей с большой паутиной проводов. Она выглядела модницей среди её домов-соседей, под крышами которых люди живут уже, наверное, около пятидесяти лет. Если честно, именно эти дома вызывают во мне больше симпатии, чем такие же молодые многоэтажки. Что-то отзывается в глубине меня, когда я смотрю на дома из больших квадратных панелей, у которых стены стали серыми со временем и покрылись кое-где тонкой сетью трещин. Даже свет из их окон мне почему-то нравится больше, кажется более уютным и тёплым.

Неожиданно я поймала себя на том, что моим снова разбредшимся мыслям что-то мешает. Я сфокусировалась, и оказалось, что мой взгляд остановился на одном из окон старого дома, стоящего чуть поодаль новенькой многоэтажки.

Попыталась найти причину, что же меня отвлекло, но так и не поняла. Окно как окно. Высоко, на восьмом этаже. Свет, исходящий из него, сильно приглушённый, словно в комнате горела одна свеча, а ведь стёкла даже не занавешены; сквозь них виделись кусочек потолка и угол комнаты. Ещё немного постояв на месте, я решила приблизиться к странному окну, тянувшему меня к себе, как за верёвку. Два прыжка – и я опустилась на подоконник.

В комнате, которая была за окном, действительно горел один-единственный источник света: старая лампа на столе с пожелтевшим от времени абажуром и невысокой ножкой. Однако испускаемый ею свет был такой мягкий и тёплый, что я замороженно замерла, разглядывая, как он лежит на убранстве комнаты. Тени от мебели и предметов становились полупрозрачными, а сами они расплывались границами, почти сливаясь со светлыми стенами и друг с другом. Я так засмотрелась, проникаясь царившей здесь атмосферой, что не сразу заметила человека.

За столом, где стояла лампа, чуть сторбившись из-за высокого роста, находился юноша. Он обратил моё внимание на себя тем, что неожиданно выпрямился и сладко потянулся; до этого он сидел неподвижно, склонившись над чем-то. Первое, что я увидела – россыпь чёрных, задевавших плечи, крупных кудрей на его голове. Даже со спины он излучал собой жизненную силу, бегущую по его телу, здоровье

и юность. Я залюбовалась его волосами, а он тем временем откинулся на спинку своего стула, посидел с минуту и встал из-за стола, положив ручку на потрёпанную тетрадь, в которой он что-то писал перед тем, как я пришла. Когда он повернулся в комнату, и я смогла увидеть его лицо, я почувствовала, как моё тело, до этого всегда лёгкое, каменеет.

Ещё никогда я не видела человека прекраснее, чем тот, на кого я сейчас смотрела. У него светлая кожа, мягкие, плавные черты лица и выражение необыкновенной чистоты, сияющее над ним. Но чудеснее всего были его глаза. Тёмно-карие, обрамлённые чёрными ресницами, чуть опущенными вниз, что делало его взгляд трогательным, как у ангела. Эта схожесть подкреплялась рассыпчатыми кудрями, которые осторожно касались его щёк и шеи. Не в силах двинуться, я наблюдала, как он убрал в стол свою тетрадь, выключил лампу и, в чём был, рухнул на небрежно застеленную красным пледом одноместную кровать. Комната вместо свечения лампы заполнилась ночной синевой, а через окно внутрь расстелилось полотно лунного света. Вытащив из-под себя одеяло, юноша завернулся в него и затих. А я наконец смогла двигаться.

Осторожно, несмотря на то, что он и не смог бы меня услышать, я прошла сквозь приоткрытое окно и опустилась на пол. И, так же стараясь быть тихой, приблизилась к юноше. Стремление двигаться осторожно было вызвано не

столько опасением создать шум, сколько моим состоянием крайнего восхищения, если не сказать благоговения. Я просто не могла вести себя иначе.

Разумеется, он ещё не заснул. Я приблизилась к кровати и опустилась на корточки совсем рядом с его лицом, настолько, что чувствовала прикосновение дыхания к своей коже. Завороженно я разглядывала каждую его черту, каждую ямку. Он необыкновенно красив. Никогда не ощущала подобного рядом с людьми. Я положила руки на кровать, а на них легла щекой, оказавшись ещё ближе к нему. Его ресницы, чёрные-чёрные, чуть подрагивали; протянув руку, осторожно, самым кончиком пальца, я дотронулась до его лица возле уголка глаза. А затем осмелела и погладила всей ладонью по щеке. Какой же он приятный и тёплый. Его кудряшки, упавшие на висок, оказались на ощупь гладкими, как молодая трава, и такими же мягкими. Пока я разглядывала и касалась его, дыхание юноши стало более тихим, глубоким и ровным. Он уснул.

Я просидела возле него всю ночь, наблюдая, как он спит. Не знаю, зачем он заворачивался в одеяло, если вскоре почти отбросил его в сторону, видимо, из-за того, что стало жарко. Золотое рассветное солнце легло на завитки его кудряшек и отразилось от них яркими бликами; оказалось, что волосы юноши не чёрные, как я подумала сначала, а тёмно-тёмно каштановые, настолько насыщенные, что их настоящий цвет

видно только под солнечными лучами. Когда солнце немного поднялось над горизонтом, я почувствовала, как сон юноши стал лёгким, полупрозрачным; казалось, его можно было развеять дуновением ветра. Это было ещё одним новым ощущением для меня, ведь прежде я никогда не наблюдала за спящими людьми, но я почувствовала эту перемену, как чувствую весь остальной мир, и интуитивно поняла, что скоро он проснётся. Я поднялась на ноги и взошла на подоконник; ещё раз посмотрела на юношу и шагнула вниз, за окно.

С того дня я стала возвращаться к нему каждый вечер. Днём я ходила по городу, погружённая сама в себя, и с нетерпением ждала позднего вечера, чтобы прийти тогда, когда он уже будет засыпать. Мне не хотелось находиться постоянно рядом, потому что любой душе нужно хоть некоторое время каждый день побыть одной, а моё присутствие он мог почувствовать, то, что я за ним наблюдаю. Кому это понравится? Зато, когда он спит, я могу не беспокоиться, что помешаю или встревожу.

Иногда, нечасто, я всё же приходила вечером или даже днём. В эти моменты я видела его не только наедине с самим собой, но и с его семьёй и друзьями. У него очень необычное имя; я никогда не встречала, чтобы так называли человека. Его зовут Май. И это имя будто бы полностью предопределило, каким он будет. У него милая, тёплая улыбка и такой же смех. Его словно окружает свет, мягкий и чистый,

как будто ему не хватает места в душе и он вырывается наружу; это видно во всём, что он делает: как говорит со своими родителями, как общается с друзьями, как он читает и особенно как пишет. Оказывается, в той тетради он пишет рассказы. Я заглядывала ему через плечо, когда он писал и перечитывал готовые, и не могла оторваться; мне нравится каждый из них, каждая строка. Читая его рассказы, я теряла всякую связь с реальностью и полностью погружалась в написанное, так, что после прочтения чувствовала себя упавшей с высоты, резко возвращённой с небес на землю.

Каждый вечер я приходила к нему. Наблюдала за тем, как он учится, пишет или же отдыхает, а после всего ложится спать. С этого момента наставало моё самое любимое время. Я садилась рядом и гладила его по волосам, напевала колыбельные, невесть откуда всплывавшие в моей памяти, рассказывала о том, что я видела, пока путешествовала днём или что видела до встречи с ним. Разумеется, он меня не слышал. Не мог слышать. Я садилась к нему на кровать, там, где лежала подушка, чтобы его голова будто бы лежала у меня на коленях, и гладила по ней, по его щекам, губам и лбу. Играла с его кудрями; никак не могла перестать восхищаться тем, какие они мягкие, но вместе с тем упрямые – они тут же возвращали свой прежний вид, когда я пыталась их распрямить.

Засыпай. Я буду здесь, охранять твой сон. Я буду гладить

тебя по волосам хоть всю ночь и смотреть, как ты спишь. Спокойно, тихо. Глаз не отвести. Обещаю, пока я здесь, тебя не потревожит ни один кошмар.

Нет никакого смысла вести счёт времени. Оно не обозначает для меня ничего. Я никак не меняюсь, а мир никогда не остаётся одним и тем же. Каждый день он делает едва заметное движение вперёд, настолько крохотное, что для того, чтобы заметно измениться, ему потребуются тысячи восходов солнца. Единственные, кто быстро меняются – люди.

Твоя ангельская юность слишком быстро сменилась расцветшей молодостью, хоть мы и встретились, когда ты уже был на её пороге. Твой взгляд стал ещё спокойнее и добрее, движения – увереннее, а осанка – прямой, как у молодого ясеня. Ты всё так же светло улыбаешься и неизменно часто поправляешь свои тёмные кудри, щекочущие тебе щёки, пряча их за уши. От первого же твоего движения головой или дуновения ветра они падают обратно, и через некоторое время ты снова безуспешно заводишь их назад. Я столько времени нахожусь рядом с тобой, что, казалось бы, должна была видеть в тебе всё. Знаю каждое твоё движение, каждое выражение лица, малейшие чёрточки твоей мимики. Видела тебя и неимоверно счастливым, и радостным, и печальным, изредка гневающимся или расстроенным. Но чаще ты спо-

коен, как летний ветер в саду. Я столько видела у тебя, но каждый день всё равно вижу что-то новое, узнаю твои новые мысли или наблюдаю, как появляется и расцветает какая-нибудь новая черта твоей души. Ты – огромный, бескрайний мир, который никогда не обойдёшь до конца. Я могу заглянуть в него, если посмотрю в твои глаза. Ты видел, как в них вспыхивает янтарь, если на радужку тебе падает солнечный свет? Это ещё одна вещь, которую я могла бы разглядывать вечно.

Если бы ты знал, как я счастлива просто знать, что ты существуешь. Видеть тебя, быть рядом, смотреть, как ты живёшь свою жизнь. В моём существе не помещается столько нежности, сколько её у меня есть. И я каждые вечер с ночью отдаю её тебе, пусть я могу делать совсем немного. Окружаю тебя всем теплом, что у меня есть. К рассказам о путешествиях я теперь добавляю долгие рассуждения, что рождаются в моей голове во время странствий по городу. Ты никогда не перебиваешь. Просто идеальный слушатель, правда? На самом деле ты просто меня не слышишь. Даже не знаешь, что я существую и разговариваю с тобой. Не знаешь, что я рассказываю тебе, как горит и переливается моя душа от того, насколько сильно я тебя люблю, и никогда этого не узнаешь. Но это ничего, правда. Никак иначе быть не может, и я это понимаю. Самое главное – то, что ты живёшь счастливо.

Ты уже закончил учёбу и переехал в другое место. Как я вижу, ты не слишком волнуешься о том, чем тебе заниматься

– твои истории и рассказы стали появляться в твоей комнате ещё в доме твоих родителей, в красивых мягких и твёрдых обложках, напечатанные ровными буквами на белой бумаге. И время от времени продолжают появляться новые. Их читают много людей, а я горжусь тем, что вижу все твои истории самая первая, одновременно с тобой. Я по-прежнему читаю всё, что ты пишешь, и по-прежнему восхищаюсь. Казалось, что уже нельзя лучше обращаться со словами, но ты каждый раз изумляешь меня всё больше.

Твой дом теперь за городом. Он совсем небольшой, всего с двумя маленькими комнатами и кухней. В нём много света и длинные белые занавески, развевающиеся на сквозняке, который проникает через большие деревянные окна с белыми рамами. Красные кирпичики стен видели не один десяток зим, и по ним на одном углу бегут вверх, к солнцу, светло-зелёные ростки плюща. На небольшом участке, окружающем дом, растут розовые кусты, вишнёвые и яблоневые деревья, а у самого входа – раскидистые кусты сирени. Правда, они ещё не зацвели, слишком рано. Сейчас весь участок припорошен белыми с розовым румянцем лепестками вишни, а сами они похожи на огромные облака с бордовыми прожилками веточек. Весна только начала набирать силу.

Сегодня по-настоящему весенний день. Солнце кажется таким же румяным, как вишнёвое дерево, его лучи очень ласковые, тёплые и мягкие. Изредка пробегает ветерок и срывает несколько лепестков, роняя часть на землю, а остав-

шиеся унося с собой. Если выйти из ворот участка, окажешься на тихой улице, вдоль которой стоит ряд похожих домиков, а если пройдись ещё дальше, то, выйдя уже за общие ворота, увидишь дорогу, за которой начинается лес. Он тянется далеко-далеко, настолько, что, наверное, люди могут заблудиться в нём, если не будут достаточно осторожными. Я каждый день наслаждаюсь прогулками по верхушкам пушистых сосен; особенно весело в ветреную погоду, ведь тогда высокие деревья сильно раскачиваются, скрипят и щёлкают от недовольства, что их тревожат. Цепляясь за самые высокие ветки, я качаюсь и кричу от восторга, ведь сверху это кажется ещё страшнее и захватывающе, чем выглядит снизу. Ещё мне нравится поводить время у длинной реки, к которой можно попасть, если подольше пройти направо от леса. Сначала редуют сосны, всё чаще появляются другие деревья, а затем остаются только круглые кустарники и ивы, бурно разросшиеся по берегу. Я не умею спать, как Май, но я могу часами лежать в прохладной от близости воды траве, одновременно греясь под солнцем, слушая шум воды и кипящую вокруг реки жизнь. Вечером я, как всегда, возвращаюсь к Маю, чтобы рассказать ему засыпающему обо всём, что видела.

Ночью тонкие ветви деревьев сплетаются в чёрное кружево, особенно хорошо видное на фоне освещённого луной неба; оно либо лежит неподвижно, либо плавно, размеренно колыхается на ветру. Воздух становится будто бы более

чистым, хотя на самом деле это лишь кажется из-за его прохлады, а мир полностью затихает, даже дыхания неба почти не слышно. Только ночные птицы и насекомые нарушают тишину, да иногда раздаются перекликания летучих мышей. Я несколько раз гонялась за ними, забавляясь, как смешно они пугаются моего присутствия и поспешно улетают. Очаровательные создания. Вдалеке на тёмном полотне земли можно увидеть маленькие огоньки – это горят окна тех, кто любит засыпать далеко за полночь. Май делает так очень редко, только если рукопись совсем не может отпустить, или же интересная книга. Иногда, исследуя окрестности, я с улыбкой думаю, как легко я забыла про город, который раньше считала своей стихией. Оказалось, я могу жить где угодно. Особенно, если в этом месте будет жить и Май.

Здесь ещё меньше замечается движение мира. Видимо, из-за того, что его здесь больше, чем людей. Так странно видеть, как всё вокруг остаётся практически неизменным, а Май взрослеет будто бы с каждым вздохом. Не торопись, пожалуйста. Я так мало была рядом с тобой. Живи долго, напиши ещё много-много книг, увидь весь окружающий мир, каким его вижу я. Я хочу смотреть, как ты, задумавшись над рукописью, останавливаешь взгляд на танцующей прямо за окном яблоне, стучащей в сильный ветер ветвями по стеклу. Хочу, притаившись в верхушке сирени, наблюдать, как ты пьёшь в её тени свой утренний чай. Видеть, как ты радуешься, когда навещаешь родителей или когда к тебе приезжает

твой самый близкий друг, оставшийся рядом с тобой ещё с юности. Всё так же гладить тебя по голове всю ночь и петь нежные песни, охраняя твой сон, как я делаю это все года. Замедлись хоть немного. Я так хочу, чтобы ты чувствовал всё то, что означается словом «жизнь».

Твои волосы уже немного короче, чем были, и из тёмно-каштановых постепенно становятся тёмно-серыми с яркими серебряными нитями. Однако всё так же вьются, даже стали ещё непослушнее, чем раньше – завитки из более жёстких волос ещё хуже поддаются распрямлению. Ты посвятил свою жизнь книгам и созерцанию этого мира, и я очень надеюсь, что ты видел его так же ясно, как и я. А лучше было бы, чтобы ты видел больше меня. Я стараюсь не задумываться о том, что твой закат когда-нибудь закончится ночью, и это порождает мою сильнейшую надежду на то, что твоя жизнь была такой, какой ты хотел её видеть, что ты в полной мере насладился тем временем, которое было у тебя. Не хочу думать о том, что скоро оно закончится, не позволив тебе увидеть ещё что-нибудь прекрасное.

Май уже несколько дней, почти не разгибаясь, трудится над новой книгой. Он купил красивый большой блокнот в красно-коричневой кожаной обложке и что-то увлечённо пишет в нём, с переменным успехом вспоминая о том, что нужно питаться. Ни разу не видела его настолько усердного. Даже стал часто задерживаться до середины ночи, не отрываясь от записи, страницы только успевали заполняться словами и

перелистываться. Это вызвало во мне огромный интерес, и я изнывала от нетерпения в ожидании, когда же Май закончит свою работу. Судя по его поведению, то, что он пишет, должно выйти самым лучшим из всего, что он писал до этого. Впервые дни потянулись куда медленнее, словно издеваясь надо мной, а потому я даже вскричала от радости, когда увидела, что он наконец отложил ручку и довольно выдохнул, откинувшись на спинку стула. До конца блокнота оставалось полстраницы.

Май вышел из-за стола с записями в руках и пересел в кресло, включив над ним высокую лампу. Я моментально оказалась за его спиной, вцепившись в плюшевую спинку и приготовившись к чтению. Наконец блокнот открылся на самой первой странице.

«Мне кажется, никто ещё не проживал жизнь настолько необычную, насколько прожил я. И дело даже не в том, как именно она прошла, хоть я и понимаю, что для довольно большой массы людей я останусь чудаком-одиночкой, живущим поодаль ото всех. Моя жизнь была необычной из-за чего-то, что я никогда не видел и не мог контролировать, что я никогда не создавал, но оно, появившись из ниоткуда, стало неотделимой моей частью.

Самое первое, что я вспоминаю – это ощущение всепоглощающего тепла. Я хорошо запомнил ту ночь, когда впервые почувствовал его во сне, а утром после пробуждения долго лежал, не в состоянии отойти от того, насколько оно было

реальным и как сильно не хотелось его отпускать. Впрочем, я бы в любом случае никак не мог его удержать. Оно всегда появлялось и уходило, когда ему захочется, но всегда было рядом тогда, когда я в нём нуждался. А вскоре после его первого появления нужда стала постоянной, и я уже не представлял свои сны без него. Сначала они просто заполнялись тем теплом, я чувствовал себя невероятно спокойно и уютно, но время шло, и всё стало меняться.

Я стал видеть во сне её. Мне никогда не удавалось разглядеть её как следует, уж тем более – заглянуть в лицо, но за столько лет мне запомнились несколько деталей: белые одежды, слегка развевающиеся, будто на ветру, светлые волосы и тонкие, белые руки. Но самое яркое – её улыбка и голос. Не могу сказать, что я чётко запомнил эту улыбку, скорее я чувствовал её; она всегда была похожа на солнечный, тёплый луч. Зато очень хорошо в моей памяти остался голос. Звонящий, чистый, всегда далёкий и от того неясный. Я никогда не мог разобрать, что она говорит, но от её слов становилось тепло, а во сне – будто бы ярче, словно выходило солнце. Я видел чудесные видения, возникающие под перелив её голоса, видел наш мир с огромной высоты и близко-близко, из самого его сердца.»

Не в силах двинуться, как когда-то давным-давно, в нашу первую встречу, я читала строчку за строчкой и не могла поверить тому, что вижу. Как это произошло? Разве это возможно?

«Во снах я чувствовал, будто нахожусь рядом с самым дорогим мне человеком. Всё моё существо становилось этим неопишуемым чувством нежности, счастья и правильности. Я чувствовал себя на своём месте, словно меня по-настоящему вернуло домой. И я даже не задумывался о том, откуда мы знаем друг друга, как её зовут. Кажется, если бы во сне мне задал кто-то эти вопросы, я бы просто не понял их. Я словно знал её всю жизнь и сотню жизней до этого, а имена нам просто были не нужны.»

«Любовь, что я каждой частью души чувствовал во снах и испытывал в ответ, постепенно осталась со мной и за их пределами. Какой бы ни был день – радостный, спокойный, грустный или плохой – я всегда чувствовал, что её нежность незримо рядом со мной, оберегает меня от невзгод. Это заполнило мою жизнь, и я даже не задумался о том, чтобы с кем-то сблизиться, настолько мне хватало этой любви. Светлая девушка из моих снов заняла всю мою душу, сделала меня способным быть с самим собой, давала столько тепла, что я мог жить в одиночестве, не чувствуя его.»

На страницах были все эти года, когда я была рядом. Я пребывала в глубоком шоке. Ни при каком раскладе я бы не предположила, что он хотя бы краем глаза заметит меня, а тут оказалось, что он знает и видел гораздо больше, чем я думала. Он дочитал свою книгу, а я всё ещё не могла отойти от потрясения. Всё это время он чувствовал меня. Я была уверена, что моё присутствие останется секретом одной ду-

ши, но всё оказалось совсем иначе. Ещё некоторое время я приходила в себя, а затем стала осмысливать и остальное написанное. И меня погребло под волной восторженной нежности. Слова, что он писал обо мне, о своих чувствах и о том, чем он жил и о чём размышлял, заставили меня испытать ещё одно новое ощущение – мне показалось, что ещё немного, и я попросту расту, растворюсь в воздухе. Ещё много раз с того дня я украдкой ночами перечитывала написанное под голубым светом луны, едва не распадаясь на большой всполох счастливых искорок. Май никогда не убирал книгу в шкаф, оставляя её лежать на краю стола.

С того дня сменилось четыре лета, пришло пятое. В воздухе пахло ягодами и наливающимися сладостью плодами, стояла тёплая, безветренная погода, а земля не успевала остыть ночью от дневных стараний солнца. Я почти весь день провела посередине огромного поля высокой травы и полевых цветов, наблюдая за неторопливыми, пушистыми облаками и путешествуя по далёким закоулкам своих мыслей. Май стал выглядеть уставшим, больше сидит, чем гуляет, а его волосы до конца окрасились пеплом. Однако буквально несколько дней назад он закончил ещё одну книгу, большую часть времени по-прежнему проводит в саду, если хорошая погода, а его кудри всё так же вьются крупными завитками. Сейчас они стали длиннее, так как Май реже их подстригает; ему то ли больше так нравится, то ли уже всё равно. Пока я неторопливо, совсем как облака надо мной, раздумывала, мир

начал сменять солнечный день на румяный вечер. Небольшое движение, заметное только мне. Я поднялась на ноги и направилась домой.

К моему удивлению, Май в такой тёплый вечер находился не в саду, а дома. Он сидел в комнате-писательской, как я её называла, развернув кресло к окну, и задумчиво смотрел в сад. Я вошла через открытые ставни вместе с лёгким, едва ощутимым дуновением ветра, всколыхнувшим белую тюль. Чудесный ангел. У него прошло столько времени, а его глаза, взгляд, свет где-то в самой его глубине ничуть не изменились. Я приблизилась к нему и мягко обвила одной рукой плечи, положив голову ему на плечо, накрыв свободной ладонью его руку, лежавшую на подлокотнике кресла. Не увидев его лица, я почувствовала, как он улыбнулся и как будто облегчённо вздохнул. Что это он? Май ведь даже не спит, вряд ли он смог почувствовать моё прикосновение. Мы вместе смотрели за окно, наблюдая, как постепенно загорается небо, как плавится солнце и окрашивает облака в ярко-оранжевый и розовые цвета, мешающиеся с вечерней синевой.

В комнату проникли золотые лучи, окрасив собой белые занавески и руки Мая. Я подняла голову и посмотрела ему в лицо. Его глаза, всё такие же яркие, как и много лет назад, сейчас светились янтарём вперемешку с растаявшим шоколадом. Пушистые, трогательно опущенные ресницы отбрасывали на веки длинную тень. Как так вышло, что его глаза ни капли не повзрослели, оставшись такими же, какими

были у юноши Мая? Вряд ли я узнаю ответ на свой вопрос. Я, едва ли не тая от собственной нежности к нему, обняла крепче и прильнула ещё ближе, как можно ласковее целуя Мая в щёку, а затем вернулась взглядом за окно. Май слегка наклонил голову в мою сторону.

Прошло ещё немного времени. Золотой свет стал немного слабее, так как солнце стало медленно клониться к горизонту. Я мысленно унеслась далеко-далеко, наслаждаясь умиротворением от нахождения рядом с Маем, когда в дальнем углу моего сознания что-то изо всех сил затрепетало, возвращая меня обратно. Я лихорадочно прислушалась к своим ощущениям, стараясь понять, что не так. Вроде бы всё в порядке. Мир готовился облачиться в бархатное ночное одеяние и погрузиться в тишину.

Точно. Тишина. Вот что меня отвлекло. Вокруг воцарилось ощущение звенящей тишины, какая бывает после прогремевшего резкого, громкого звука, напугавшего собой всех, кто был рядом. Но мир за окном продолжал жить, я слышала его дыхание, слышала тихий шелест листвы деревьев и шум неба. Вдруг в мыслях выскочила догадка, заставившая всё моё существо сжаться в маленький твёрдый комок где-то возле сердца, а саму меня вскочить и посмотреть на Мая.

Он всё так же сидел на кресле, только его голова совершенно бессильно покоилась на спинке, опустившись набок, к плечу. Да и всё его тело было безжизненным, таким, что

я его даже не узнавала. Я только что, совсем мало времени назад, видела его ясный взгляд, а сейчас смотрю на кого-то, кто выглядит, как Май, но в ком нет ни следа его души. Я рухнула на пол перед ним, словно к моим ногам привязали камни, не в силах отвести взгляда от его лица. Нет, прошу тебя. Не уходи. Твоя жизнь была слишком короткой. Ты мог бы прожить дольше, мог бы создать ещё прекрасные книги или картины, которыми ты увлёкся несколько вёсен назад. Я могла бы дальше отдавать тебе свою любовь. Просто не могу осознать то, что твоя жизнь закончилась уже сейчас.

Мои слёзы не могли бы скатываться одна за другой на землю, так как я не умею плакать. Но я знаю, что то, в чём я повела последующее время, у людей было бы безудержными рыданиями. Горе рвало меня изнутри, я кричала, почти не переставая, громко для себя и беззвучно для мира, изо всех сил обнимая любимого человека. За окном успело расцвести, проснулись утренние птицы и зазвенела в траве роса, когда я без сил замолчала, сжавшись на коленях у Мая и продолжая его обнимать. Новый день мир начал уже без него.

Город почти не изменился. Появилось больше новых, сверкающих стеклом домов, сильнее склонились к земле старые. Ничуть не изменился городской шум, воздух и людские

голоса среди кирпичных стен. Жизнь продолжала идти, как и шла, совсем не заметив потерю одного из своих созданий. Я готова была обидеться на мир за это, но понимала, что моя обида будет совсем бессмысленна.

Я не смогла вынести мысль о том, чтобы смотреть, как Мая предадут земле. А потому, когда его обеспокоенный близкий друг появился в доме и бросился к креслу, где находился Май, я вскочила на ноги и побежала прочь. Почти сразу. Только задержалась, мучительно разглядывая в последний раз его лицо. А затем исчезла из его дома, зная, что просто не смогу туда когда-либо вернуться.

Не знаю, сколько раз с того утра солнце обошло небо. Сейчас время стало значить для меня ещё меньше, чем когда-либо до этого. Погружённая в себя, я совсем не вижу, как оно проходит. Я вернулась в город, к дому, где впервые увидела Мая. Его комната выглядит по-другому, стала светлее и будто бы просторнее, наверное, из-за белой мебели; на маленькой кровати, стоящей там, где когда-то находился стол со старой лампой, по ночам спит маленькая девочка, похожая на лисёнка её светлыми карими глазами и пышной волной рыжих волос. Она ярко, как лучик, улыбается и счастливо смеётся. Я тоже грустно улыбаюсь, когда смотрю на неё; у этого маленького человека жизнь началась совсем недавно, и она вряд ли когда-нибудь узнает, кто жил здесь до неё. К моему удивлению, внимательная малышка однажды, замерев с открытым ртом, посмотрела через окно прямо на ме-

ня. Поспешно я постаралась ретироваться из её поля зрения; я совсем забыла, что чувствительными к моему присутствию часто могут быть дети. С тех пор к окну я почти не спускалась, не только чтобы не попасться на глаза девочке, но и чтобы лишний раз не испытывать грусть, горько разливающуюся глубоко в груди. Практически всё, что я делала, это лежала на крыше или сидела на её краю, позволяя голове продуваться порывами ветра и почти ни о чём не думая. Только ночью иногда я отправлялась бродить по городу. Без цели я шла, куда придётся, не думая о дороге, погружаясь в воспоминания о том времени, когда я могла находиться рядом с Маем, а к утру возвращалась на знакомую крышу.

Меня отвлёк явственно холодный ветер, пробежавший сквозь тело и загремевший железными карнизами у балконов. Кажется, осень становится всё строже, уже не позволяя теплу от нечастого появления солнца греть землю и воздух. На улице заметно меньше людей, а без зелени мир окрасился в серо-коричневые краски. Скоро пушистый снег укроет весь город, а в лесах надолго воцарится молчание. От мысли об этом я чувствовала странный отклик где-то внутри себя. Наверное, это перекликалось с моей душой, словно так же умолкнувшей на зимнюю спячку. Тихий грохот от излома металлической отделки крыши, раздавшийся совсем близко, снова вывел меня из раздумий. Я повернулась в сторону источника звука.

Мягкие, плавные черты лица, россыпь чёрных, задевав-

ших плечи, крупных кудрей на голове и тёплые, тёмно-карие глаза, смотрящие сейчас прямо в мои. Он улыбался мне светлой улыбкой Мая, и выглядел точно так, каким был тогда, много лет назад, когда я впервые пришла к его окну в этом доме. Но самое главное, то, что окружало всё его существо – он стал таким же свободным. Таким же, как я.

Не существует конца. Время – то, что больше не властно ни над кем из нас, то, чему мы стали лишь наблюдателями. Каждый день мы растворяемся в этом мире, вместе наслаждаясь каждым его вдохом. Вечность – самый ценный подарок, который могут получить две души.

Доппельгангер

Автомобиль плавно остановился, вместившись в нарисованный прямоугольник с отсеченным ребром, которыми какой-то безумец изрисовал парковочные места. Будь я перфекционистом, сошел бы с ума от неровных линий, заполнявших пространство вокруг. Когда двигатель машины прекратил свое монотонное урчание, я достал ключ из замка зажигания, машинально бросив взгляд на зеркало заднего вида. Оттуда на меня смотрели уставшие и слегка опухшие глаза. В полумраке невозможно было увидеть голубизну радужки, зато выделялись полопавшиеся линии капилляров. Выдавив из себя усталую улыбку, я повел головой, чтобы увидеть остальные части лица человека в отражении. Двухдневная щетина и кривая ухмылка с обкусанными губами. Ему явно нужен отдых, и я, по правде, готов был дать его сиюминутно. К сожалению, все зависело далеко не от моих желаний.

Оставив на лице то жалкое подобие улыбки, я перевел глаза на запястье правой руки, что все еще лежала на руле. На ней плотно сидели кварцевые механические часы на кожаном ремешке. Электронные были бы в разы удобнее, так как имеют подсветку в темноте, и вообще их большой функционал частенько привлекает наивных покупателей. Вот только у меня всегда возникал вопрос: «Зачем?» Часы должны пока-

зывать время и ничего больше, ведь на то они и часы. Только вот той самой подсветки сейчас очень не хватало. До боли напрягая глаза, я все же смог разглядеть примерное время. Что-то около полуночи. Неплохо. Возможно, успею еще поспать немного, но это уже заключение из области фантастики.

Выйдя из машины, я мягко закрыл дверь. Совсем не люблю, когда кто-либо со всей силы хлопает дверью. Пусть машина является всего лишь вещью, но это моя вещь, и лишний удар дверьми провоцирует желание во мне именно ей пробить обидчику голову для профилактики дальнейших хлопков. К счастью для подобных личностей, я крайне спокойный человек, и все мои зверства остаются лишь внутри черепной коробки.

Стоянка, где я остановился, прилегала к круглосуточному магазину. Она могла вместить до полусотни единиц личного транспорта, однако оборудована была крайне плохо. Фонари здесь встречались редко, к тому же, далеко не все работали. У меня даже возникло чувство, что я нашел идеальное место в стороне ото всех источников света. Прямо настоящая подозрительная личность из классического голливудского боевика. Класс. Довольный своим наблюдением, я зашагал в сторону магазина, и спустя пару десятков метров до меня начала доходить ночная прохлада. С легким дуновением ветра она пробиралась под пальто, а затем и под остальную одежду. Поежившись, я прибавил шаг, дабы быстрее оказаться в

спасительном тепле помещения.

В отличие от стоянки магазин горел яркими огнями. Сильнее всего старалась огромная вывеска над козырьком. Красные цифры «24/7» переливались от слабого свечения к сильному, привлекая к себе большое внимание. Круглосуточных магазинов стало в последнее время очень мало, и многим было не понятно, по какой причине это произошло. Возможно, они потеряли свою актуальность, но лично мне подобное казалось крайне маловероятным. Просто так происходило, и с данным процессом ничего нельзя было поделать, только смириться. Так что это был своего рода один из последних представителей вымирающей ниши.

Моя рука потянула на себя ручку двери, и та, поддавшись, поехала в сторону. Вместе с ней раздался громкий и характерный «дзынь». То был небольшой колокольчик, подвешенный на красную ленту с внутренней стороны двери. Казалось бы, полезная вещь, предупреждает о появлении новых покупателей, только стоящая за прилавком в полосатой рубашке девушка полностью его проигнорировала. Она с интересом смотрела на экран смартфона, время от времени делая большой глоток из стоящей рядом алюминиевой банки. По яркой картинке на ней я предположил, что это какой-то энергетический напиток, сыскавший популярность у молодежи. Хотя бы не алкоголь, и на том спасибо.

Выждав несколько секунд, я так и не получил внимания с ее стороны и пошел к стеллажам, забитыми продуктами.

Сотни и тысячи различных съестных товаров манили меня своими красивыми упаковками. К ним присоединялись кричащие о скидках желтые ценники. За долгие годы жизни я научился игнорировать их, зная, как работает капиталистическая система мира. Все эти красивые обертки и якобы грандиозное снижение цен на деле являлись лишь фикцией для вполне обычного обогащения владельца магазина. Собственно, той же самой фикцией являлись и фантики, за которые покупались все нынешние товары. Чтобы найти что-то действительно качественное, приходилось прилагать немало усилий, будто бы я нырял в бескрайнее море в поисках одной единственной жемчужины. В общем, это было трудно, но отнюдь не невозможно.

Я знал, зачем сюда пришел, но это не помешало мне побродить по королевству полок. Мне нравилось рассматривать продукты. Особенно те, что стоили больших денег. Конечно, здесь подобного не было и в помине, хотя это было и не так важно. В такие моменты я погружался в свои мысли и воспоминания, бесцельно бродя туда-сюда. Точно так же мысли бродили в моей голове, не давая зацепиться ни за одну из них. Сам процесс доставлял мне крайнюю степень удовольствия, и, достаточно нагулявшись, я решил пойти за тем, что привело меня в магазин.

Полка с напитками находилась в самом конце вместе с какими-то закусками в огромных шуршащих упаковках. Последние меня не интересовали от слова вообще. Пробежав-

шись глазами по напиткам, я мысленно усмехнулся. Первое место по количеству занимали различные газировки, затем шли всякие соки и вода. Представители воды выглядели скудно, да и показать они могли разве что пару брендов, похожих друг на друга по качеству, но не по цене. Вода для бедных и вода для богатых, различие которых было лишь в упаковке. Вот тебе и работа критерия «цена-качество» в деле. Но довольно внутренней полемики и ненужных рассуждений. Наученный опытом, состоящим из многочисленных проб, я взял маленькую невзрачную упаковку апельсинового сока. Таких коробочек оставалось здесь всего несколько штук, да и зажаты они были в самом углу стеллажа. Несмотря на жалкий внешний вид, их цена кусалась. Кусалась значительно. Не знай я этот продукт, ни в жизни бы не купил такую крошку за предложенную цену.

Девушка у стойки совсем не хотела обращать на меня внимания, даже когда я подошел в упор и поставил свою скромную покупку на автоматическую ленту. Она по-прежнему продолжала за чем-то наблюдать на экране гаджета. При этом не стеснялась издавать громкие смешки и вздохи. У меня было достаточно времени, чтобы разглядеть ее. Я не любил этого делать, но подмечать какие-то выделяющиеся черты в людях было моим проклятием. Проклятием, которое не раз спасало мою жизнь. И сейчас в моей мозгу отчетливо отчеканился образ длинных каштановых волос, собранных в хвост. Кроме них еще осталось место для груди девушки, вы-

пирающей через пространство, оставленное от двух расстегнутых пуговиц полосатой рубашки. Довольно большой размер, и так казалось мне, человеку, склонному все преуменьшать. Подобные встретить – большая редкость. Удивляло то, что на вид она только закончила школу. Совсем юная, а работает совсем одна в позднее время, да еще с такими формами!

– Как долго Вы еще собираетесь пялиться на мою грудь? – хмыкнула она, не отрываясь от телефона. – Между прочим, это выглядит странно и пугающе!

Меня словно ударило током. Получается, что все это время она ждала, пока я как следует посмотрю на нее. Покраснев, я смущенно кашлянул и подвинул к ней пачку с соком, готовясь расплатиться.

– Я думал, ты не видишь меня, полностью погрузившись в телефон, – я кивнул на предмет, зажатый в ее руке. После немного поморщился, вспомнив, что с незнакомыми людьми следует вести себя более уважительно, и хотя бы не переходить сразу на «ты». Явный мой недостаток.

– Вы пять минут пялились на мою грудь! Можно же было позвать и попросить пробить товар. Боже, будто совсем нет языка! А если бы на Вашем месте был какой-нибудь маньяк? – ее лицо исказилось в гримасе ужаса. В ней определенно пропадала выдающаяся актриса.

– Если бы тебе угрожала опасность, то следовало сразу нажимать на тревожную кнопку, а не спрашивать меня о чем-

либо. Сама должна понимать, что охрана приедет не сразу, а сделать страшные вещи я успею довольно быстро, – хищно облизнувшись, я заметил, как на ее лице кожа начинает бледнеть по-настоящему, потому мне пришлось скорее исправлять положение. – Не переживай, это шутка, но очень поучительная. Не страшно тебе работать здесь в ночную?

– Нет, – она замялась, прикидывая можно ли продолжать со мной говорить дальше.

– А если придет уже настоящий маньяк? Девочки с подобной внешностью всегда рискуют попасть в подобную ситуацию.

– Да я здесь совсем рядом живу, всего в паре минутах. Чего же мне бояться? Баллончик с собой таскаю. Он всегда у меня под рукой, поэтому и не страшно.

– Это тот, который с перцем?

– Он самый! Постоять за себя в любом случае смогу, но здесь и нет никого толком по ночам. Только местные приходят за спиртным.

– В том-то и проблема, что никого нет, – тихо пробормотал я, наблюдая, как ее рука взяла пачку сока и поднесла к светящемуся окошку аппарата. После звукового сигнала, она отставила его в сторону, ожидая оплату.

– Оплачу кредиткой, – задумчиво сказал я, поднося телефон к терминалу.

– О-о, последняя модель? – восхищенно вскрикнула продавщица, тыкая пальцем на мой смартфон.

– Вроде бы, – я пожал плечами и убрал телефон в карман.

– Если честно, вы не похожи на человека, способного позволить себе данную игрушку. Да и покупаете один апельсиновый сок. Очень все подозрительно выглядит, – в ее голосе прозвучало наигранное недоверие. Оно вроде и звучало убедительно и было уместным, но в девичьих глазах я не чувствовал никакой осторожности и враждебности.

– Сбиваю послевкусие сигарет, – наверное, моя улыбка сейчас выглядела крайне отвратительно. – А ты будь осторожнее в следующий раз, в конце концов, перцовка тебе не поможет, а лично мне было бы неприятно, если с такой красавицей что-нибудь случилось.

Девушка улыбнулась, а я поспешно удалился за дверь, которая на прощание брякнула мне колокольчиком. Снова повеяло прохладой, о которой я успел позабыть, шатаясь между полками. Закинув пачку сока в глубокий карман пальто, я съежился и, прижав голову к груди, чтобы ветер не задувал внутрь одежды, побрел в сторону ближайшей многоэтажки. Она высокой башней уходила вверх, сливаясь с ночным небом, плотно затянутым тучами. Небольшой, но очень высокий. Наверное, в нем был всего один подъезд. Фонарей здесь имелось даже меньше, чем на парковке, потому я старался привыкнуть глазами к темноте и быстро уводил их от любого источника света, который больно ударял по зрачкам.

Я и сам не заметил, как вышел на детскую площадку перед домом. Стандартная площадка с парочкой разномастных

качелей, большой горкой, каруселью и какой-то конструкции, напоминающей дом, но изрешеченной дырками, дабы дети могли в ней ползать, проявляя свои обезьяньи навыки. К моему большому удивлению, на площадке бегал мальчишка лет десяти. От теплой вздутой куртки он выглядел, словно футбольный мячик. Только маленькие ручки и ножки торчали в разные стороны, да голова, с плотно натянутой синей шапкой. Он использовал все, что находилось вокруг него, не замечая, что в каких-то десятках метрах в стороне находится неизвестный мужчина. А ведь он был совершенно один! Ни одного взрослого не было поблизости, кроме меня. Странное явление, которое дополнилось тем, что моих ноздрей коснулся приятный мягкий аромат. Хороший знак, очень хороший.

Я не ошибся, у дома был всего один подъезд, а значит мальчик был из этого дома. Подойдя к входной двери, я достал пачку сигарет и неторопливо закурил, выпуская наружу облачко едкого дыма. Я совсем не помнил, как начал курить, но без сигареты не проходило ни одного моего дня. У меня не возникало у ним какой-то особенной тяги, о которой часто рассказывают заядлые курильщики. Да и по правде говоря, курение мне не нравилось. Голова становилась тяжелой, и на некоторое время полностью пропадало обоняние. Может быть, это было неким ритуалом для меня, который доказывал, что я все еще жив и ношу по этому свету свои кости.

Как я и ожидал, мальчик все же заметил меня. Он недо-

верчиво косился в мою сторону, ожидая какой-либо реакции от мужчины, пристально впившимся в него глазами. Потому я решил не медлить и, сделав последнюю затяжку, бросил сигарету на землю, с силой придавив ее каблуком ботинка.

– Эй, парнишка, – попытка сделать голос дружелюбным увенчалась успехом. Ну или мне так просто показалось. – Я тут ключ от домофона оставил дома. Выходил в магазин за сигаретами и совсем забыл, что дверь придется открывать. Ха-ха, такой я растяпа. А дома у меня детки твоего возраста примерно. Спят уже сорванцы: мальчик и девочка! Если наберу домофон, жена меня прибьет!

Он все еще недоверчиво косился на меня, но потихоньку пошел ко мне, запустив руку в карман своей огромной куртки. Всю дорогу до двери он водил рукой внутри и, нащупав ключи, достал ее наружу. Затем он сорвался к двери и, оказавшись рядом с ней, с охотой ткнул магнитным ключом в ямочку домофона, и дверь, издав прерывистое пиканье, открылась. Он тут же забежал в подъезд, а я проскользнул вслед за ним, быстро скользнув глазами по стенам в поисках камер. Не обнаружив ни одной из них, я спокойно выдохнул. В это время мальчик успел нажать кнопку лифта, и тот ответил грохотом, сдвигая стальную массивную дверь в сторону. На этот раз парнишка остановился, пропуская меня внутрь, и зашел уже после меня. Я нажал на случайный этаж и в немом вопросе повернулся к нему.

– Пятнадцатый, – тихо буркнул мальчик, и я нажал на

нужную кнопку.

Дверь поехала обратно, закрывая нас в просторном лифте. Пространства было достаточно, так как он был грузовым, потому мы разбрелись по разным углам, не смотря друг на друга. Повисло неловкое молчание, а кабина лифта тем временем, шатаясь из стороны в сторону, поехала наверх, сопровождая все это громким гулом. Даже сама поездка на этой машине смерти заставляла сердце уходить в пятки, но в какой-то момент кабинка резко дернулась и остановилась. Основной свет погас, а на смену ему пришло свечение аварийной лампы. Она давала хоть какой-то свет, иначе было бы совсем худо. А до моего носа снова донесся приятный аромат.

– Дяденька, мне страшно, – плаксиво произнес мальчик, сильнее вжимаясь в угол.

– Ну чего ты? Всего лишь лифт застрял, у меня такое по десять раз на дню происходит, – я начал его успокаивать, запустив руку в карман пальто.

– Мне страшно, – снова ответил он, оседая на пол.

– Тише-тише! Сейчас, я позвоню диспетчеру, и он нас достанет, – в той же интонации продолжил я.

– Дяденька...

Дальше произошло то, что я предполагал увидеть, но в полумраке аварийной лампы выглядело чересчур страшно. Его тело начало выгибаться вперед, ломая позвоночник, отчего голова опрокинулась назад и начала дергаться, как игрушка у лобового стекла при езде на машине. Я ожидал нечто по-

добное, но с трудом оставил штаны сухими, что нельзя было сказать про мой самый первый раз.

– Мне страшно! Страшно! ДЯДЕНЬКА! МНЕ СТРАШНО! СТРАШНО! СТРАШ-НО!

Закричал сломанный мальчик, забираясь на стену лифта. Его голос стал совершенно иным. Звучал грубо и приглушенно, словно из утробы. Рот ребенка раскрылся до невиданных размеров. Сейчас он смог бы проглотить мою голову без особого труда, захлопнув челюсть в районе горла.

Нельзя было терять драгоценное время, пока он не перевоплотился полностью. Я вынул нож-бабочку и ловким движением ударил по сухожилиям на руках и ногах. С диким криком существо повалилось на пол и задергалось, будто огромный жук, упавший на спину. Его тело было таким же уязвимым, как и наше, пока не достигло финальной стадии, потому этот урон оказал на него максимальный эффект.

– Вот ты и раскрылся, уродец, – усмехнулся я, присаживаясь рядом с его головой.

– УБЬЮ! ЧЕЛОВЕК! Я ТЕБЯ УБЬЮ!

– Где родители мальчика? – невозмутимо спросил я.

– АХАХА!

Чудовище засмеялось мне в лицо, разбрызгивая в разные стороны зловонную слюну. Воняло у него из пасти знатно, что аж пришлось отодвинуться немного назад, сморщившись от отвращения.

– Понял, нет их больше. А сам мальчишка?

– ОН ЗАКЛЮЧИЛ КОНТРАКТ С НИМ! ХАХА! ТЕПЕРЬ ОН БУДЕТ ГОРЕТЬ В АДУ СО СВОИМИ РОДИТЕЛЯМИ! ТОЧНЕЕ, ТЕМ, ЧТО ОТ НИХ ОСТАЛОСЬ! АХАХА!

– Тогда передашь им привет, – понадобилось всего одно движение ножа, чтобы сердце демона перестало биться. Он забился в агонии и уже через секунду стих. Его тело начало постепенно рассыпаться в пепел.

К удивительному совпадению, лифт снова загудел и пополз наверх. Я нажал кнопку отмены, направляя его обратно на землю. Выйдя из дома, я с большим облегчением вдохнул свежего воздуха и достал пачку апельсинового сока. Оторвав одноразовую трубочку, я срезал краешек упаковки и с жадностью приложился к жидкости. Ее вкус был великолепен. Вот что значит настоящий сок без каких-либо примесей! Ну оно и не удивительно, ведь столько денег отвалил за эту кроху.

Дорога назад пролетела для меня в один миг. Больше времени я потратил на нерешительное топтание около входа в магазин. Желание зайти за еще одной порцией было уж чрезмерно сильным. Все же откинув его, я побрел к машине, почувствовав сильную усталость в забитых за продолжительный день ногах. В конце концов, я собирался выспаться сегодня.

Устроившись на водительском сиденье, я снова почувствовал приятный запах, который практически не отличался

от того, что был рядом с мальчиком. Тут же моей кожи коснулись холодные тонкие пальчики, смыкаясь на моей шее.

– Опять пробралась в мою машину без спроса? – хмыкнул я, наслаждаясь прикосновением ее рук.

– Ну а что? Ты как будто против? – хихикнула Эли, перебираясь на переднее пассажирское сиденье.

– Нисколько! Ты ведь прекрасно знаешь, что я легко узнаю о твоём присутствии где угодно. Удивительно, я не открою для тебя секрета, но ты пахнешь практически как они!

– Прямо совсем-совсем как они? – ее носик недовольно поморщился.

– Ну нет, но сходства есть. Ты ведь точно человек? – я недоверчиво покосился в ее сторону.

– Ха-ха! А ты сомневаешься? – она клацнула зубами, прикладываясь к точно такой же пачке апельсинового сока, что была у меня. – Опять мою цель убрал.

– Мы ведь напарники, мне это не тяжело, – фыркнул я, растекаясь в кресле.

– Ну так это же твой выходной! Ты сам брал его, чтобы хорошенько отдохнуть. Кто знает, когда начальство даст тебе еще такой денек, чтобы покутить...

– Эх, опять нагнетаешь. А я думал, что мне полагается награда за проделанную работу, – мой тон был точь-в-точь как у чеширского кота.

Девушка быстро наклонилась ко мне и припала к губам. Продолжительный поцелуй вызвал град мурашек, беспоря-

дочно забежавших по спине. Затем Эли отстранилась от меня, внимательно заглянув в глаза, и вернулась на место. Слегка кисловатый цитрусовый вкус остался отпечатком на моих губах.

– Достойная награда! Но у меня все еще есть вопрос, когда мне дадут огнестрел? Почему я единственный в отделе, кто ходит с жалким ножичком?

– Когда дорастешь, так сразу и выдадут, – пожала плечами Эли, опустошая серую коробочку.

– Не думаешь, что выходит довольно противоречиво? Я выполняю больше всего дел, нахожу и устраняю этих чудовищ, а прозвище обидное все равно мне дали. Доппельгангер! Ну что это такое?

– Расслабься, Артем, я все равно его не использую, – тепло ответила девушка. – Ты лучше скажи, мы так и будем тут стоять? У тебя же выходной заканчивается!

– А у тебя есть какие-то предложения? – в предвкушении произнес я, понимая, что выспаться мне не удастся.

– Можем поехать ко мне, – тут же ответила Эли, пристегивая ремень безопасности. – Только у меня не прибрано. А еще завтрак будет с тебя!

– Будет исполнено, – я засмеялся, поворачивая ключ зажигания. После недолгого простоя двигатель вновь заурчал, и машина пришла в движение, уводя людей в полумрак ночного города.

Начало конца

Наш город – очень странное место. Странное, а потому крайне интересное: к девятнадцати годам моей жизни я всё ещё имею лишь примерное представление о его границах, досконально зная только окружающую мой дом территорию, пусть и довольно обширную. В моей голове есть ясная карта местности примерно на три часа ходьбы во все стороны, и это меня совсем не устраивает. Когда выдаётся свободное от ученичества и бытовых обязанностей время, я рыскаю по городу, его улицам, закоулкам, изучая их и стараясь запомнить в мельчайших подробностях, а также постепенно расширяя границы неизведанного. Большинству из нас, кто здесь живёт, по нраву размеренная жизнь с приблизительно похожими историями, в которых есть времена беззаботного детства под серыми облаками, юношества со своими, насколько это возможно, безумными историями, а затем взрослой жизни с занятием себе по душе и своим семейным очагом. Если повезло родиться с талантом к колдовству или в семье особых созданий, обеспечивалось обучение в какой-либо из трёх академий, где счастливики развивали и преумножали свои силы, изучая науки, которые не поддадутся другим. Людей было хоть и на немного, но всё же больше, и они обучались понравившемуся делу у умелых и опытных учителей или же в мастерских, в которых затем и оставались.

Практически никто не обращает пристального внимания на сам город, что меня несколько удивляет. К рассказам редких исследователей вроде меня проявляют мало интереса, и потому информации о границах города и его местах довольно мало. Все лишь слышали что-то краем уха, но значения не придали, и поэтому есть только обобщённые туманные сведения. Что же, значит, я буду добывать все интересующие меня сведения сам, благо любопытства мне не занимать. Помимо пеших прогулок я жадно изучаю все книги, что мне покажутся важными или представляющими ценность в вопросе накопления новых сведений о городе. В библиотеках и книжных магазинах живут ещё одни загадки: книги появляются там словно из ниоткуда, и редко на каких стоят имена их авторов. В них не упоминается наш город, на их страницах философские рассуждения, стихи о мыслях, страстях и чувствах, истории, написанные о местах без имени и местонахождения. Иногда между рядом стоящими книгами или на отдалённых столах в библиотеках можно найти листы бумаги с записями. У них никогда нет автора и подписи, а тексты странные и непонятные. Бумага может быть как совсем новой, так и такой на вид, будто ей далеко не один десяток лет, а её чернила потеряли свой некогда насыщенный цвет. Загадка книг – вторая, которая может занять моё внимание, после загадки города. Его упоминания я всего несколько раз встречал на листах с записками, но они были такие туманные, что почти ничего мне не дали.

Как можно было догадаться, в моём увлечении у меня не так много единомышленников. Всего двое, они же – мои самые близкие друзья. Брат и сестра, единственные дети семьи Батори, Рейнольд и Элиза. Их мать, хрупкая аристократка-вампириша, с трудом выносила двойню, едва не потеряв детей и чуть не погибнув сама; из-за этого её дети для неё – самое большое сокровище, а она вместе с ними является центром мира для их отца. Что, на самом деле, не удивительно, ведь вампиры известны глубокой привязанностью к своим спутникам длинной-длинной жизни. Рей и Элиза обучаются в самой первой академии города, а дома заучивают и постоянно практикуют многочисленные правила этикета и поведения аристократов, так что мои исследования и совместные вылазки втроём в самые разные места города – для них как глоток свежего воздуха. К тому же двойняшки так же, как и я, щедро наделены любопытством.

Сейчас я быстрым шагом направляюсь именно к ним, поскольку несколько минут назад в библиотеке я нашёл очередную записку. У меня почему-то навязчивое ощущение, что эта находка отличается от всех похожих, и поэтому я спешу обсудить свои мысли с друзьями. Они заканчивают свои ежедневные занятия позже, чем я у своего учителя в мастерской, и как раз в эту временную разницу я и решил ненадолго заглянуть в главную библиотеку города, где и обнаружил загадочный текст. Моё энергичное настроение, появившееся из-за потенциальной интересной загадки, подпитывалось

на редкость отличной погодой. Обычно осенью небо в городе перетянато хоть и светлой, но всё же серой вуалью, время от времени пробегает холодный ветерок, утягивая за собой по брусчатке сухие листья. А сегодня погода прояснилась, и сквозь большие прорези в облаках на землю падают лучи по-осеннему золотого солнца, попутно подсвечивая полыхнувшую красно-жёлтыми красками листву деревьев. Насколько листья всегда тёмные весной и летом, настолько же яркие они потом в первый месяц осени. Довольно быстро они опадают и становятся ломкими, тёмно-коричневыми отблесками предшествующей красоты.

Неразговорчивый дворецкий семьи Батори незнакомцам может показаться замкнутым и смурным, однако я знаю, что друзей своих господ он всегда рад видеть. Он улыбается мне только уголками губ, а на самом деле его добрая улыбка гораздо больше видна во взгляде. Как и сейчас. Он встретил меня и проводил на задний двор, где Рей, всё ещё в высоких кожаных ботинках, плотном кафтане и белоснежной рубашке, в которых он обычно посещает академию, упражнялся в метании ножей по цели, а Элиза сидела неподалёку в плетённом кресле и читала небольшую книгу со стихами. Эту книгу сделал и напечатал я в подарок на её День рождения, и мастер тогда высоко оценил эту работу, отметив большой прогресс в моём обучении ремеслу. Она задумчиво наматывала на палец выбившиеся чёрные пряди-колечки волос; остальные рассыпались из причёски, которая с утра явно была ак-

куратной, по пышным оборкам на плечах платья.

Когда через стекло двери, ведущей на задний двор, мне удалось еле-еле разглядеть силуэты двойняшек, я притаился. Это было нашей любимой игрой: каждый раз я пытался незамеченным приблизиться к друзьям, но, к сожалению, всегда проигрывал. Самое большое, что мне удавалось, это подойти на расстояние около восьми шагов. Сейчас я присел и, стараясь дышать тише, стал красться к двери. Когда я уже подошёл вплотную к стеклу, разглядел Элизу и Рея и заликовал, что мне вот-вот удастся наконец их напугать, я пропустил короткий выдох. Двойняшки, как по команде, резко повернули головы и сорвались со своих мест в мою сторону. Я рассмеялся, принимая очередной проигрыш, и открыл дверь, делая шаг навстречу радостному приветствию. Мы не виделись несколько дней, к тому же моё появление всегда гарантировало очередную загадку. И в этот раз у меня было над чем поломать головы.

– Рассказывай, что ты нам принёс сегодня! – с энтузиазмом потребовала Элиза, едва плюхнувшись обратно в кресло, когда я прошёл вместе с ними в сад. – Я по лицу вижу, что ты нашёл что-то интересное!

– О, ты абсолютно права. Честно говоря, у меня всё ещё есть небольшие опасения, что в итоге это окажется чем-то совсем не из ряда вон выходящим, но моё чутьё исследователя упорно бьёт в колокола, предвкушая интересную историю, – я сел в кресло напротив Элизы, приняв как можно

более загадочный вид, переводя взгляд с одной пары любопытных тёмно-красных глаз на другую.

– Ох, не тяни ты, мы и так полностью во внимании, – нетерпеливо заёрзал Рей. – У нас были донельзя скучные занятия сегодня, нам как воздух нужно что-то, что нас растормошит. Говори скорее!

– Ладно, ладно, – довольно засмеялся я. – Посмотрите, что сегодня я обнаружил в библиотеке.

Наигранно-картинным жестом я достал листок бумаги и зачитал текст, который утром завладел моим вниманием.

«Мы заперли себя в этом доме вместе с тем ужасом, с которым никто из вас не захотел бы встречаться, однако через который вы с готовностью заставили пройти нас. От вас всех требуется никогда больше не приближаться к нам, пока дом не рухнет прахом. Ни вы, ни ваши дети и последующие потомки, не смейте больше нас тревожить. Переступившие порог нашего дома люди будут знаком, что вы отказались выполнить нашу последнюю просьбу. Пока никто не погиб в этих стенах – вы все можете спокойно жить. Но если вы оступитесь, и хоть одна жизнь здесь оборвётся – созданный вами же кошмар выйдет на свободу и запустит свои руки в каждый дом, что встретится на его пути.»

Когда я прочитал последнее слово, в саду повисла тишина. Двойняшки ошарашенно смотрели на меня, словно ожидали, будто я сейчас объясню всё написанное, однако я понимал не больше, чем они. Несколько предложений, без имён и

конкретики, но с печатью чего-то тяжёлого в каждом слове.

– Если честно, меня даже немного жуть пробрала, – Рей первым нарушил молчание, поёжившись.

– Точно-точно! – закивала Элиза. – Я и не припомню, чтобы мы хоть раз что-то похожее находили. Это же самая настоящая угроза! Только кому и от кого? Я и представить не могу, чтобы кто-то в городе мог такое написать. Чарльз, где ты это взял?

– В самом обычном месте, где мы уже много раз были. Сегодня я навестил северную библиотеку. Именно в ней мы чаще всего находим что-то интересное. Может, потому что она самая старая в городе? – усмехнулся я. – Не скажу, что я сделал что-то необычное или же нашёл какие-то новые полки. Это лежало хоть и не на самом видном месте, но и не в самой глубине. Впрочем, я только что подумал, что тут и начинаются первые странности – обычно всякие записки мы находим, беспорядочно рассованными между книгами или даже среди их страниц. Эти лежали завернутыми в конверт.

– Эти? Их несколько? – приподнял бровь Рей. Я хлопнул себя по лбу.

– Точно, я не успел рассказать! Смотрите! – я достал из сумки остальную стопку. – Это несколько сотен копий одного и того же текста.

Двойняшки расхватили листы и стали быстро пролистывать один за одним, читая везде одинаковые слова.

– Они очень странные, – через некоторое время наконец

задумчиво изрёк Рей. – Вы не замечаете? Абсолютно все листы с огромной вероятностью написаны в одно и то же время, и было это давно. Только приглядитесь, насколько тусклые чернила и как сильно потрепало время саму бумагу. Но, кроме этого, все эти листы будто трогали сотни разных людей. Какие-то пожелтели больше, какие-то меньше, – Рей потянулся и выудил из стопки Элизы листок, – а эти и вовсе будто хотели уничтожить. Смотри, Чарльз, – он положил забраный листок к нескольким другим, – Мятые, сложенные пополам, сильно мятые, чем-то испачканные. Вот эти вообще словно сейчас развалятся по многочисленным сгибам от сминания.

Я взял те листы, которые Рей описал последними и внимательно всмотрелся. Затем поднял на просвет солнца.

– Слушай, Рей... Скорее всего, прозвучит как бред, но у меня ощущение, что развалятся они не от сминания. Эти изломы выглядят так, словно листок разорвали, а потом бумага просто собралась обратно, и теперь её куски держатся вместе... Непонятно как.

– Что? – Элиза выхватила у меня записку и стала вглядываться в повреждения.

– Осторожнее! Вдруг она действительно на честном слове держится!

Рей, перегнувшись к креслу Элизы, вместе с ней внимательно разглядывал лист в её руках.

– Ты прав, звучит очень бредово, но, если честно, я не мо-

гу по-другому объяснить состояние этих записок. – он переводил взгляд между листами, видимо, сравнивая с такими же странно повреждёнными, какие были у него. – Вот это загадку ты откопал, Чарльз! Ты на несколько дней обеспечил нам времяпровождение! – улыбнулся Рей, осторожно складывая записки в ровную стопку.

Я ответно расплылся в улыбке.

Добродушный мастер, у которого я обучаюсь своему ремеслу, самый мудрый из всех, кого я знаю. У него почти на любую ситуацию в жизни есть поучительная история, которую он рассказывает своим тёплым, как осеннее солнце, голосом. Почти всегда после разговора с ним я чувствую себя гораздо лучше, а бушующие на сердце бури унимаются. Вот и сейчас я решил перво-наперво поговорить о своей находке с ним. Вполне возможно, что он что-то знает об этом.

Мастер внимательно, с интересом в глазах, выслушал меня и довольно долго рассматривал стопку угрожающих записок. Было видно, что он крепко о чём-то думает. Наконец он аккуратно сложил все листы, отдал мне и заговорил:

– Интересную вещь ты нашёл, Чарльз. Признаться, был бы я моложе, с удовольствием присоединился бы к тебе в дальнейших поисках.

– Вы знаете что-нибудь об этом? – я заёрзал на стуле, ло-

паясь от нетерпения.

– Извини, мальчик мой, к сожалению, я ничего не могу сказать насчёт того, кто мог бы написать такое. Честно говоря, я и не думал до этого момента, что хоть кто-то из горожан может быть таким озлобленным. За свой век, что живу, я ни разу не слышал о каких-то громких историях, ссорах между кем-то и прочего.

– Вот как... – видимо, я заметно погрустнел, потому что мастер поспешно заговорил снова.

– Ты ведь, как никто, понимаешь, что мало кто из горожан досконально знает наш город. В некоторых известных мне районах я либо не бывал, либо заглядывал туда от силы несколько раз за всю жизнь. Я совсем не исключаю того, что в какой-то отдалённой части города произошло что-то, о чём здесь никто и не слышал. Может, стоит попробовать спросить у тех, кто живёт подальше?

– Думаю, я так и сделаю. Спасибо, что уделите мне время, – я благодарно улыбнулся мастеру, встал и засобирав записки в сумку.

– Ничего-ничего, Чарльз, я рад, что ты обратился ко мне. Расскажешь мне потом, что ты узнал, когда докопаешься до истины? – он по-отечески улыбнулся мне в ответ. Я, окрылённый его поддержкой, чуть не подпрыгнул на месте, как молодой щенок.

– Вам – самому первому! – пообещал я и выбежал из мастерской. Надеюсь, что Рей и Элиза узнали больше, чем я. У

нас не так много взрослых, кого мы могли бы расспросить.

Выходя из мастерской, я на минуту погрузился в глубокие раздумья. Другие районы... Что бы ни произошло, возможно, здесь об этом действительно не слышали. Но внутренний голос подсказывал, что всё не настолько просто. Мысль, которая тогда появилась на задворках сознания и не облеклась в слова из-за моей спешки, и которую я осознал намного позже, тихо и назойливо нашёптывала беспокойные слова. Этих записок много. Слишком много. Их количества хватило бы, чтобы обеспечить каждый дом, возможно, не побоюсь этого предположения, во всём нашем городе и в каждом его уголке.

На полпути к особняку друзей я практически столкнулся с ними. Двойняшки спешили и что-то бурно обсуждали друг с другом, а потому у меня появилась надежда, что они что-то узнали. Как только я вышел из-за угла на некотором отдалении от них, Рей и Элиза синхронно повернули ко мне головы и устремились через всю улицу, в несколько шагов преодолев отделяющее нас расстояние.

– Чарльз! – воскликнула Элиза. – У нас такое есть! Ты не представляешь!

Я был прав, они действительно что-то откопали! От радости и любопытства у меня живот свернулся в нетерпеливый комочек. Хоть бы это было что-то стоящее!

– Рассказывайте скорее! – я схватил за рукав Рея, тормозя его движения, и непроизвольно подался вперёд, будто бы это

могло помочь мне окупиться в слова Элизы с головой.

– Мы пораспрашивали родителей, не припоминают ли они какие-либо выходящие из ряда вон события, и наша мама любезно предоставила нам один интереснейший, на мой взгляд, рассказ. Точный год она не помнит, но случилось всё около ста пятидесяти лет назад. Тогда какая-то довольно известная семья учинила переполох среди всех жителей города.

– Серьёзно? Одна семья? Что такого из ряда вон могло произойти? – услышанное мало укладывалось у меня в голове. Жители нашего города крайне миролюбивы, я никогда не замечал ни за кем агрессии или ещё чего похожего, а тут целая семья.

– Ты дальше слушай. Как я сказала, они были довольно известны. Отец семейства был сыном фамилии с длинной и успешной историей, его предки всегда состояли в первых рядах по состоянию семьи, благородству и талантам её детей. Участник этой истории не стал исключением. Он отлично управлялся с перешедшими ему делами, а все дети, рождённые в браке с его женой, отличались внешней красотой и выдающимися умениями, особенно младшая дочь. Двое старших сыновей постигали все науки в академии, казалось, без особых усилий, а дочь к тому же родилась с сильным даром к колдовству.

– Ничего себе... Если честно, после услышанного мне ещё труднее поверить, что такие люди способны на что-то пло-

хое.

– И не говори. Репутация фамилии с самого начала была на высоте, но вот с тем человеком что-то пошло не так, – перехватил нить рассказа Рей. – По рассказам родителей, он с детства не жаловал общение ни с кем, кроме домашних, что никак не изменилось с его взрослением. И его жена была точно такая. Их дети контактировали с окружающими чаще, чем родители, были со всеми вежливы, как и они, но всё равно словно держались на расстоянии.

– Дети старались быть хоть немного приветливыми, в отличии от родителей. Тот человек и его жена держались отстранённо, разговаривали только по делу или по вынуждению, больше из вежливой необходимости. Разумеется, это было заметно для окружающих! – эмоционально перебила брата Элиза. – Я более чем уверена, что именно это их поведение и стало началом всеобщей неприязни к ним.

– Неприязни? – я удивился, услышав это слово. – Вы же сказали, что репутация семьи была безупречной.

– Элиза, тихо! Не забегай вперёд! – прикрикнул Рей. Элиза наигранно надулась и показала брату язык, впрочем, не став спорить. – Ты прав, до этого поколения семьи все относились к ним хорошо, даже, можно сказать, восхищались. А к ним симпатия вскоре прошла. Немудрено, разве приятно общаться с кем-то, кто просто терпит диалог с тобой и даже особо этого не прячет?

– Верно, – я задумался, стараясь понять причину такого

поведения той семьи. Ничего вразумительного в голову, если честно, не приходило. – И что с ними случилось?

– Точно никто не знает, когда это началось, – снова вернула себе нить повествования Элиза, заговорщицки наклонившись к нам со сверкающими глазами. – Они ведь никому ничего не рассказывали, вот никто и не смог вовремя им помочь. Все увидели, что что-то не так, только тогда, когда несчастья стали приходить одно за другим. Старший брат, спустя совсем немного времени после его свадьбы, был убит в собственном доме, пока его молодая жена навещала родителей. Она и нашла его утром, когда вернулась. Говорят, она сильно плакала и убивалась тот день, её никак не могли успокоить.

– Какой ужас... – я был ошарашен этой информацией. Никогда на моей памяти в городе не происходило ничего настолько плохого, и у меня попросту не укладывалось это в голове.

– Именно! Я даже поначалу не поверила маме, настолько произошедшее звучит кошмарно-невероятно. Но, к сожалению, это ещё не всё.

– Серьёзно? Не-ет, пожалуйста, что может быть хуже, чем смерть члена семьи? Я даже боюсь представлять, что пережили тогда его родители.

– Хуже может быть скорая смерть второго члена семьи. А точнее, его бесследная пропажа.

У меня пропал дар речи. Я уставился на Элизу, а она пе-

чально смотрела на меня в ответ. Через несколько секунд она продолжила:

– Второй брат не вернулся после занятий в академии. Он исчез по пути домой. Мама говорит, его друзья как один были жутко подавлены. Они рассказывали, что в день пропажи особенно удачно провёл день в академии. Несмотря на произошедшее недавно горе, он держался стойко на людях, показал отличные результаты на занятиях и тренировке по фехтованию. Они с такой грустью рассказывали, как все вместе веселились и пребывали в чудесном настроении целый день, а на следующий не увидели своего друга в академии. После и вовсе узнали о его пропаже. Конечно, его искали, но, как и в расследовании смерти его брата, ни к чему это не привело...

Мы втроём замолчали, раздумывая над сказанным, а, скорее всего, двойняшки, как и я, пропускали эту историю через себя, стараясь хотя бы примерно представить, какого было близким людям той семьи. Две потери, одна за другой. Страшно даже подумать, что чувствовали родители и их младшая сестра.

Элиза словно услышала мои мысли и заговорила, нарушив молчание.

– После того, как исчезла последняя надежда на то, что второй брат найдётся, родители, судя по всему, вскоре умерли с перерывом где-то в пару дней каждый. Скорее всего, просто не вынесли своего горя. И это более чем понятно,

ведь хоронить собственных детей – самое страшное, что может довестись испытать. Почему я говорю "судя по всему", "где-то" – потому что об их смерти узнали со слов младшей дочери, а тел и вовсе так никто и не увидел.

– Она что, сама их закопала? Куда девушка в одиночку могла деть два тела? – это обстоятельство звучало крайне подозрительно и очень меня смутило. Появилось ощущение, будто что-то здесь не так. Элиза пожала плечами.

– Кто его знает. Да и теперь разве можно до конца быть уверенными, как там на самом деле произошло. Всё, что мы сейчас рассказываем, наша мама узнала через третьи руки, так как в то время она была беременна нами и почти не выходила на улицу, а все новости и сплетни ей приносили подруги.

– Вот как... Ну, кстати, как и в этом случае, мы не до конца можем быть уверенными, что Рей твой брат. Ты посмотри на него, его будто усыновили, – я не упустил возможности подколоть друга нашей самой заезженной, уже ставшей традиционной, шуткой. К тому же хотелось немного разрядить подавленную обстановку. В отличии от Элизы, Рей сверкал на солнце кипельно-белыми волосами, бровями и ресницами. Даже сами пряди были прямыми, как дождь, в противоположность крупным кудряшкам его сестры. Кстати, мне иногда казалось, что его кожа была чуть бледнее, чем у Элизы. Единственное, что у них было одинаковое – похожие черты лица и тёмно-красные круглые глаза. Рей показательно

оскалился под хихиканье сестры, обнажив длинные клыки.

– Я тебя сейчас прокушу, – как всегда в таких случаях, с улыбкой пообещал он. Я, довольный собой, тоже засмеялся. Однако, стоило вернуться к обсуждению этой истории, хоть она и оказалась больше тяжёлой и печальной, чем волнующе-загадочной, как это было обычно.

– Неужели никто не пришёл к ним домой посмотреть, правду ли она говорит? – снова заговорил я, посерьёзнев.

– Мама говорит, приходили. Но только ушли ни с чем. Среди тех, кто навевывался к дому семьи, был муж одной из подруг мамы, и она рассказала, что поместье было не узнать. Не только сам дом, но и даже окружающая его местность словно почернели. С его слов, там стало куда более сыро и темно, хотя в тот день был тот несчастый случай, когда солнце выглянуло из-за завесы облаков. Но свет словно терял там всякую силу. Деревья были настолько тёмными, что сливались в одну зловещую массу, в их чаще почти ничего не было видно. Двери оказались закрыты, и на продолжительный стук никто не отозвался, а окна изнутри кто-то заколотил досками. – ответил друг, переняв мой настрой.

По моему телу пробежала нервная дрожь, заставившая меня встряхнуться. Вся эта история всё ещё звучала невероятно для места, в котором мы жили. Элиза осторожно присоединилась к диалогу.

– Мама рассказала кое-что ещё, но она не уверена в правдивости этих слов. Стены поместья стали будто... склизки-

ми, между камней сочились струйки какой-то серой жидкости, покрывая камни дома тонкой плёнкой.

– Всё страньше и страньше... – я непроизвольно процитировал эту строчку из когда-то найденных нами записей, которые были больше похожи на черновик какого-то рассказа. Сейчас эта фраза отлично подходила. Двойняшки согласно кивнули. Сколь бы ни был странным наш город, никто из нас никогда не встречал хотя бы похожих явлений, ещё и таких жутких. Здешние тайны чувствовались как ветер, пробирающийся в душу и волнующий её. И никогда не было ничего злого.

– Происшествие с семьёй внесло сильное беспокойство среди жителей города. Шутка ли, когда происходят такие страшные вещи совсем близко. Несколько дней после того, как дочь рассказала о смерти её родителей, держалась тревога, жители почти не выходили из своих домов, не выпускали детей гулять. Ещё некоторое время все боялись за своих домочадцев, но в конце концов всё улеглось, а с течением времени забылось, – завершила рассказ Элиза. Мы помолчали несколько минут, обдумывая всё это.

– Как была фамилия той семьи? – я неожиданно поймал за хвост мысль, не дающую мне покоя где-то с середины рассказа: не говорить же о таком событии и его участниках обезличено.

– Аррели. Если поимённо – Роберт и Агата Аррели, и их дети: Михаэль, Агис и Эрика.

– Ты уверен, что мы что-то найдём здесь? – шурша бумагами, спросил из-за стеллажа Рей.

– В подобных случаях невозможно быть в чём-то уверенным. Это лишь моё предположение. Ну а на самом деле, на мой взгляд, логично искать информацию по нашим запискам и истории от вашей мамы именно здесь, так как записки здесь и были найдены, – ответил я, опасно балансируя на небольшом стуле с кипой книг в руках. Из-за угла вынырнула Элиза.

– Тут куча чужих дневников. Подойдёт?

– Подойдёт, только бери те, что датируются приблизительно нужными нам годами. Я тоже нашёл дневники.

– Мог бы не говорить про года, это и так очевидно, – вампирша фыркнула и исчезла в библиотечном полумраке. В закуток, где я стоял, плавно завернул Рей с целой башней из книг и бумаг, непонятно как удерживая всю эту конструкцию.

– Я искал газеты, так как это самый верный источник узнать о любых громких событиях, коим и является наш необычный случай, но ничего не нашёл. Ну как... Газеты есть, есть даже очень старые, но ничего похожего ни про записки, ни про Аррели в них нет. Ещё и двойные экземпляры попадают.

– Крайне странно... Не верю я, что никто не написал хотя бы о чём-то из этого в газетах. Ты уверен, что ничего не нашёл?

– Я хорошо проверил. Может, они просто не сохранились?

– Вам нужны старые газеты, ребята?

От неожиданно прозвучавшего вопроса я подскочил на месте и всё же уронил все выбранные книги, едва не перевернувшись вместе с табуреткой сам. Даже Рей испугался. Вопрос задала появившаяся откуда-то из под моей руки невысокого роста библиотекарьша, с озорством сейчас смотревшая на последствия своего неожиданного появления. Ярко-красные глаза выдавали в ней вампиршу, что объясняло, почему её приближения не услышал Рей. Прибежавшая на шум Элиза затормозила, как только увидела женщину, радостно присела в книксене и поздоровалась:

– Добрый день, госпожа Кастиэль!

– Элиза, милая, здравствуй! Ты давно не заглядывала сюда. Как поживает ваша матушка?

– Она в добром здравии, как и отец, – лучезарно улыбаясь, Элиза оглядела нас с Реєм. – Чарльз, что тут случилось?

– Ох, это я случайно напугала твоего друга, – лукаво улыбнувшись, опередила меня с ответом госпожа Кастиэль. – Я услышала, как Рей и ваш друг Чарльз говорили о том, что им нужны старые газеты и подумала, что смогу помочь с этим вопросом. Я коллекционирую их уже больше двух сотен лет. Дело в том, что собирать в нашем городе газеты за-

нятие крайне интересное, потому что никогда не получается найти все экземпляры, с упоминанием всех частей города и всех их событий. Эта невозможность делает моё коллекционирование и поиск безумно увлекательными.

Едва услышав эту информацию, я вскочил на ноги, как подброшенный ветром лист дерева. Удача улыбалась нам! Самый точный и надёжный источник описания нужных нам событий сам идёт в руки.

– Мадам, Вы очень нам поможете, если покажете их! – едва сдерживая волнение, чуть ли не закричал я. – Нам нужны все за период сто пятьдесят пять, сто пятьдесят лет назад.

Вампирша снова улыбнулась и исчезла в полумраке библиотечных шкафов. Через пару минут она вернулась, с лёгкостью держа в руках увесистую кипу аккуратно перевязанных газет.

– Только чур, будьте осторожными! Каждая из них – ценнейший экземпляр, зачастую в единственном числе. Будете отвечать головой в случае чего, – она посмотрела на меня и широко улыбнулась, будто бы невзначай проведя кончиком языка по острым клыкам. Несмотря на вроде бы искреннюю улыбку, я почувствовал пробежавший по затылку холодок.

– Спасибо Вам большое! Будем осторожнее, чем с собственными жизнями! – я энергично закивал головой, стараясь выглядеть как можно убедительнее. Мало ли что. Госпожа Кастиэль, не переставая улыбаться, чуть прищурилась.

– Всё же жизни нужно хранить с самым большим рвением.

Но я ценю вашу готовность и это сравнение, – с этими словами она, чуть прощуршав юбкой из тяжёлой кроваво-красной ткани, пропала с глаз.

Рей первый взял самую верхнюю газету.

– Предлагаю сначала просмотреть всё это, в три пары рук и глаз мы справимся куда быстрее, а затем проверим дневники в качестве закрепления. Всё равно вряд ли в них будет информации больше, чем в газетах.

Коллекция госпожи Кастиэль оказала нам огромную помощь в поиске сведений про Аррели. Без особого труда мы нашли заметки о их заслугах в помощи городу и горожанам, даже семейный портрет и портрет Эрики в заметке о новом выдающемся таланте в колдовстве академии Базилиса, второй по времени существования в городе. С портрета смотрела девушка с тонкими, аристократичными чертами лица, длинными светлыми волосами, крупными волнами лежавшими на плечах, и в строгом студенческом платье. На её лице читалось спокойствие, а во взгляде будто бы сквозила лёгкая грусть. Нашли и печальные новости о событиях, которые нам уже были известны: смерть Михаэля и бесследная пропажа Агиса. Про второго брата писали даже несколько раз, сообщая о ходе поисков и их безуспешных результатах. С их портретов смотрели красивые юноши с лёгкими улыбками на лицах, в явно дорогих костюмах, безупречно на них сидевших. Я зачитался статьёй о необычном поведении болотных трав в какой-то местности, когда Элиза вдруг взволно-

ванно воскликнула:

– Смотрите!

Мы с Роем моментально бросились к ней. Элиза показывала пальцем в страницу с небольшой заметкой, в которой было написано:

«Сегодня утром горожане нашего района обнаружили у себя в дверях, возле окон и даже на полу перед входом в дома небольшие записки странного содержания. По сообщению соседних районов установлено, что и они стали получателями неприятного сообщения, как выяснилось, везде одного и того же. Возмутительные слова так или иначе оскорбили и смутили всех их получивших. Мы выяснили, что послание получил абсолютно каждый дом, что создаёт разумные вопросы о том, кто же был способен написать столько записок и за одну ночь распространить их на такую большую территорию, оставшись никем не замеченным. Несмотря на всё мы верим, что хотя бы кто-то видел отправителей, так что всех, кто может рассказать про этот случай хоть что-то, приглашаем к нам в газету поделиться своими наблюдениями.»

В воздухе повисла тишина. Не было практически никаких сомнений в том, что в заметке речь шла именно о тех записках, которые я нашёл в библиотеке, и это осознание заставляло сердце биться чаще в волнительном предвкушении. Мы напали на след нашей загадки!

– Это то, что нужно! Молодец, Элиза! – я первым нару-

шил молчание. – Нам стоит отправиться в тот район, где находилась газета, сделавшая этот выпуск. Уверен, что там мы найдём и остальные ответы про то, что случилось с Аррели и кто из них разослал эти записки.

– Ты так уверен, что случай с Аррели связан с записками? В них ведь не называется ни одного имени. Это могут быть совсем не связанные друг с другом события, – очаровательно нахмурившись, с сомнением спросила Элиза.

– Могут быть и не связанные, – я потянулся за газетой с последним сообщением о пропаже Агиса и сравнил дату её выхода с датой сообщения о появлении записок. – но эти угрозы появились позже пропажи Агиса, прошло два с небольшим месяца. А ещё раскидать за ночь столько записок физически невозможно одному человеку без какой-либо помощи. Хочу напомнить, что из семьи на тот момент, похоже, осталась одна Эрика, по совместительству являющаяся одной из самых талантливых колдуний того времени. Её силы могли ей помочь написать и разослать столько угроз в одиночку.

– Но зачем ей это делать? В чём виноваты жители города? Я не понимаю, – Элиза вновь пролистала газету с изображением Эрики. – Никто ведь из них не причастен ни к смерти Михаэля, ни к пропаже Агиса, иначе об этом обязательно написали бы в газете. Шутка ли, нанести такое зло влиятельной семье города.

– А вот это мы и будем выяснять, – я в предвкушении за-

улыбался. – И про записки, и про Аррели, и про то, связаны ли они между собой. Где находилась та газета?

Рей внимательно вчитался в первую страницу.

– Возле Театрального сквера. Хм, что-то знакомое... Элиза, не припоминаешь?

– Это не то место, которое находится в, на мой взгляд, самой унылой и серой части города?

– Да, точно-точно! Это, кстати, по соседству с нами находится, может, минут двадцать пять идти человеческим шагом. Мама гуляла там с нами в детстве одно время, помнишь?

– Помню. Ну что же, тогда при ближайшей возможности выдвигаемся к Театральному скверу.

Мы стояли, невольно прижавшись друг к другу боками, желая чувствовать себя спокойнее, и смотрели через забор на большой заброшенный особняк, выглядевший как место из неприятного ночного кошмара.

– Если честно, я и не знаю, что можно сказать... – подал голос Рей, оглядывая строение перед нами.

Просто так слова действительно было не подобрать. Когда мы добрались до сквера и убедились, что газета ничем нам не поможет по причине того, что никто из нынешних работников и не слышал о том событии, мы решили направиться

наугад искать дом Аррели. Плутая по улочкам и переулкам всё дальше и дальше вглубь местности, на исходе второго часа мы заметили, что вокруг становится всё больше и больше заброшенных домов, небо будто бы сгущается, а тишина становится сильнее и будто бы более вязкой. Окрылённые надеждой, мы устремились вперёд, однако сейчас стояли перед большим домом и думали, действительно ли мы хотели это найти.

Особняк можно было легко назвать красивым и даже изящным, если представить его в том виде, в котором он был лет сто назад. Сейчас же он вызывал содрогание от одного взгляда. От земли и до самого кончика крыши дом был покрыт чёрной слизью, лоснящейся, как какой-нибудь водный ползучий гад. Черепица крыши и окна, плотно сверху донизу заколоченные досками, покрылись густым чёрным мхом, а кованный забор, с некогда тонким и сложным узором, был изъеден чем-то, лишь отдалённо напоминавшим ржавчину, и настолько сильно, что изредка пробежавший слабый ветер уносил с собой маленькие частицы чугуна. Мох и давным-давно мёртвая трава под ногами были покрыты сероватым налётом, и мне совсем не хотелось думать, что это такое. Элиза, содрогаясь, приподняла полы своего платья выше.

– Чарльз, ты уверен, что нам нужен именно этот дом?... – с надеждой на мой отрицательный ответ спросил Рей, впрочем, прекрасно понимая, что мы этот дом уже не пропустим. Ни одно здание в городе так не выглядело. Впрочем, и похо-

жей окружающей местности тоже нигде до сей поры мы не находили.

– Не уверен. На нём ведь ничего не написано, – неосознанно чуть съязвил я. – Просто моё исследовательское чутьё. К тому же больше ничего примечательного в округе нет.

– Может, мы вообще районом ошиблись... – жалобно подала голос Элиза. – Не обязательно же дому Аррели находиться именно там, где печаталась найденная газета. А вдруг он уже давно развалился и его вообще больше нет? – С каждым словом её голос звучал всё увереннее, подкрепляясь собственными доводами и потому надеждой, что мы всё-таки уйдём отсюда.

– Может быть и так! – я начал слегка раздражаться. – Может, записки, Аррели и этот дом вообще никак друг с другом не связаны. И что, забудем про эту историю? Или бросим этот дом, совсем не исследовав его? Ты много подобного видела хоть раз за всю твою жизнь, которая, напомню, куда длиннее моей?

–... Нет... – Элиза сцепила руки вместе и опустила глаза, понимая, что я прав. Я выдохнул и смягчил голос.

– Мы впервые нашли нечто подобное. Неужели мы выпустим этот дом из рук? Это ведь безумно интересно! Мы ведь всегда хотели исследовать город как можно больше, это наш шанс, – улыбнулся я. Элиза тоже улыбнулась в ответ.

– Ладно, ты прав.

– Трудности и... некоторые нелюбезные моменты нас

не остановят. Верно?

– Верно, – кивнул Рей.

– Отлично, – сказал я, разворачиваясь обратно к дому и вдыхая полную грудь воздуха, собираясь с духом. – Тогда... вперёд.

После недолгих поисков, выразившихся в обходе дома с задней стороны, Рей выяснил, что дверь в сад, видимо, от возраста и влажной местности, пришла в полную негодность и достаточно легко ломается, стоит только за неё дёрнуть. Когда его рубашка и жилет были окончательно очищены от щепок, мы, робея, заглянули в образовавшийся проход. Из темноты, полностью скрывающей в себе внутреннее убранство, ощутимо тянуло холодом, который Элиза жалобным голосом окрестила «могильным»; ощущая мурашки от его прикосновения к коже, мы замялись у двери, однако я, в конце концов, смог сделать первый шаг за порог, и двойняшки осторожно двинулись за мной.

Как опытный исследователь самых разных закоулков, большинство из которых не могли похвастаться хорошим освещением, я предусмотрительно принёс с собой две имеющиеся у меня керосиновые лампы и большую связку свечей. Разделив их напополам и отдав второй фонарь Рою и Элизе, я, по обоюдному решению, продолжил идти по первому этажу, в то время как мои друзья направились на второй по найденной нами возле главного входа лестнице, большой и широкой, с некогда красивыми перилами. Примеча-

тельным и, вместе с тем, странным был тот факт, что окна оказались заколочены как изнутри, так и снаружи, а вот главная дверь, в которую мы так и не решились войти, была старательно перекрыта досками только изнутри. Странно тогда, почему задняя дверь не была ничем защищена. Видимо, жители не рассчитывали, что к дому с таким отталкивающим видом кто-то подойдёт.

Я опасался, что изнутри всё будет покрыто той же жуткой слизью, что и снаружи, однако всё, что было вокруг, это холод и толстый, уже махровый от собственного количества слой пыли. Осмотрев зал, столовую с кухней, две кладовки и два кабинета, я сделал вывод, что все предметы обихода остались на месте, словно их хозяева в один день просто взяли и исчезли, ничего не взяв с собой. Из общей нетронутой картины только выбивались разбитые зеркала у главного входа и во втором, более миниатюрном, кабинете, обрывки нечитаемых бумаг в нескольких местах, завешенная чёрной тюлью большая картина в зале и глубокие, беспорядочные царапины на письменном столе маленького кабинета. В нём я задержался дольше, чем в других комнатах; столовая и кухня не представляли интереса, кладовки могли похвастаться только пустыми мешками из-под круп, муки и прочего и гремящими, немного ржавыми жестяными коробками, в зале, кроме скрытой картины, была только мебель, которая даже сквозь многолетнюю грязь показывала своё качество и дороговизну, а большой кабинет позволил только заглянуть в

книжный шкаф практически во всю стену. Я с восхищением осмотрел там изумительные экземпляры старинных книг, возраст историй в которых исчислялся более чем сотней лет, а обложки которых были выполнены из превосходных материалов и безупречной ручной работой. У меня даже появилось подлое желание взять с собой несколько книг, однако уважение к трагедии Аррели, если это действительно их дом, быстро отрезвило мои мысли. Да и настоящий исследователь никогда не совершит кражу, пусть даже у желанных вещей уже нет хозяев.

Однако маленький кабинет порадовал куда большим простором для исследования. Все ящики в трёх столах предыдущего были плотно закрыты, видимо, на ключ, и ни механизм, ни древесина не испортились со временем, так что, даже приложив силу, у меня не получилось их открыть. Здесь же стоял единственный, более изящный, чем те три, стол, поддавшийся на первое же движение и раскрыв передо мной внутреннее содержимое. Там лежали старые письменные перья, чернильница и несколько стеклянных бутылочек с иссохшими чернилами внутри, стопки бумаг, исписанные аккуратным почерком, которые, судя по всему, являлись конспектами. По внешнему виду букв я узнал колдовской язык, изучавшийся в Базилисе, что, совместно с явно более женским убранством кабинета, только укрепило меня в предположении, что эти вещи принадлежали Эрике, а сам дом – семье Аррели.

В этой комнате тоже был книжный шкаф, и в основном книги были на колдовском языке. Так же присутствовали несколько книг о травничестве, была поэзия и повести, которые я ни разу не встречал и о которых даже не слышал. В одном месте висели в несколько рядов пучки с различными травами. Удивительно, что за столько лет они не осыпались на пол. Трогать их я всё же не решился: они выглядели такими тонкими, что, мне казалось, могут разлететься в прах даже от моего дыхания. В целом, убранство довольно красноречиво говорило о том, что хозяйкой кабинета была колдунья. Я просмотрел каждую вещицу в комнате, но ничего, что могло бы рассказать ещё что-нибудь, всё никак не мог найти. Подстёгиваемый нарастающей досадой, я направился по второму кругу пересмотра книг и бумаг, думая, что я умудрился что-то пропустить, когда понял, что в комнате произошло изменение.

На краю стола, который абсолютно точно всё время до этого был пустым, лежала небольшая книга. Я с минуту стоял, прокручивая свои воспоминания о том, что в первый раз там не было ровным счётом ничего, однако, тем не менее, сейчас мой взгляд впивался в книгу, покрытую таким же слоем пыли, как и всё вокруг. Никакого объяснения я не нашёл, а потому решил не заморачиваться и изучить новый предмет.

С первой же страницы мои руки затряслись от волнения и предвкушения: книга оказалась дневником Эрики. Мо чутьё

меня не обмануло, это действительно дом семьи Аррели! Я жадно вцепился в написанные слова и стал внимательно читать дату за датой. Из записей я узнал, что Эрика очень любила свою семью и всё своё время отдавала колдовству; ей хотелось знать и уметь как можно больше, чтобы спасти своих родных от любой болезни или напасти. Несмотря на то, что её считали самой талантливой среди студентов академии в последнем поколении, она была уверена, что её знаний и сил всё ещё слишком мало, а потому много времени уделяла ежедневному чтению колдовских фолиантов и практике.

Через некоторое время я нашёл печальные записи о несчастьях, пришедших в жизнь Эрики и её домочадцев. После записи о свадьбе брата Михаэля через некоторое время появилось длинное, на несколько страниц, описание его смерти. Мне даже стало трудно дышать, настолько было жаль Эрику и её родных. Сквозь слова на страницах зияла такая боль, которую вряд ли бы многие вынесли. Не успев отойти от переживаний, я нашёл шокирующую запись. Эрика писала, что убийца Михаэля – его очаровательная жена с ангельским лицом, дочь другой знаменитой семьи, сын которой после того, как умер Михаэль, смог по принципу исключения занять его место по успеваемости в академии и положению в обществе, а так же смог занимать важную должность в их семейном деле, не боясь, что в дальнейшем успех в жизни заберёт его единственный соперник – Михаэль Аррели. Жена, после смерти Михаэля, поубивалась от фальшивого горя и верну-

лась обратно домой, вскоре снова выйдя замуж уже за того, за кого ей всегда хотелось. Я содрогнулся. Потомки этой семьи до сих пор живут в достатке в нашем городе, и я бы никогда не подумал, что эти люди когда-то в прошлом совершили подобное. По записи Эрики, я узнал, что у неё не было никаких доказательств, кроме её гадания, которое и открыло ей правду произошедшего, а ещё видения будущего, что ей никто не поверит, и люди встанут на сторону открытых и весёлых родственников жены Михаэля, а не Аррели. Я внутренне клокотал от несправедливости, не зная, что это не последнее моё шокирующее открытие.

Узнать судьбу пропавшего Агиса Эрике даже не удалось. У неё просто не получалось ничего разглядеть, кроме его последнего дня в академии в окружении друзей, а потому в тот день с ней случился сильный срыв от своего бессилия, ведь неудачу она расценила как собственную неумелость. Все её переживания отражались на бумаге и проходили сквозь меня, заставляя окунаться в горе владелицы дневника с головой, и, думаю, большую роль в этом сыграл богатый язык Эрики, позволяющий ей точнее и впечатляюще описывать всё, что она пережила. Я прочитал о том, что все, с кем так или иначе близко дружили Михаэль, Агис и Эрика, в её видениях проживут счастливую жизнь и оставят своих потомков. Кроме неё и, разумеется, её братьев. Смерть родителей, не выдержавших горя, нанесла ей последний сокрушительный удар, после которого она не смогла снова подняться на

ноги.

Последняя запись не имела даты и начиналась на некотором отдалении от всех предыдущих. Бумага сильно вдавилась от нажатия, с которым были написаны слова. Я несколько секунд собирался с духовными силами, прежде чем приступить к чтению. Наконец, сделав вдох, я начал читать.

«В этом городе люди проживают спокойные судьбы со своим счастьем и ненастьями. Я с детства думала, что окружающие доброжелательны и живут свои жизни, не оглядываясь на других, и никогда не ждала от них плохого. Но, оказалось, что и в них есть чернота, мерзкая и липкая, такая, которую никакими светлыми улыбками не отмоешь от души.

Одни поддались низменной зависти настолько, что решили, будто они вправе отнимать жизни, отнимать детей у родителей. Другие, пусть и не стали бы, может, помогать в подобном, из-за той же зависти при первом же случае готовы, как стая ворон-падальщиков, заклевать до смерти тех, кто им неугоден, прикрываясь правилами общества. Из-за зависти, а ещё из-за того, что кто-то посмел не лебезить перед ними и больше ценить себя и своих близких, а не репутацию среди других.

Они уничтожили нас. Я смогла вернуть своих братьев домой уже мёртвыми. Наш мир был растерзан из-за тех, кто посмел выпустить собственную черноту, подкармливая её низменными, лишёнными любого благородства, чувствами. А потому я запираю себя и души своей семьи в нашем доме.

Мы обретём покой рядом друг с другом, теперь навечно. От людей я потребую больше никогда, ни одному следующему живущему поколению, не приближаться к этому особняку, который станет нашей общей могилой. Если хоть одна душа здесь впоследствии появится, это будет знаком, что они не выполнили последнюю просьбу тех, кого уничтожили. В таком случае моя ярость будет безгранична, и мне потребуются всего одна жертва, чтобы обрести силы уничтожить всех в ответ.

Для последнего заклинания я заплачу высшую колдовскую цену – собственную смерть. Я умру голодной смертью, не позволив себе даже воды. Своими муками я обеспечу своё дальнейшее пребывание здесь, и этими же муками создам проклятие, которое вернёт мне силу, если люди ослушаются. Моя семья пострадала, будучи ни в чём не повинными.»

Слова из этой записи колоколами зазвенели в моей резко опустевшей голове, отскакивая эхом от черепа. Шокированный ступор, в который я впал, не давал мне окончательно оформить все цепочки мыслей и выводов, которые на задворках подсознания уже сложились. Я почувствовал, как холод, касающийся кожи всё это время, резко пробрал меня до самых костей. Из оцепенения меня вывел звонкий окрик Элизы.

– Чарльз! Ты где, Чарльз? Мы такое нашли! – быстрый топот каблуков приблизился к комнате прежде, чем я успел ответить. Элиза вбежала внутрь.

– Нашла. Ты только посмотри! – она сунула мне в руки четыре книги. – Это дневники всего семейства, всех Аррели! Да, кстати, это действительно дом Аррели, ты был прав! А, то есть, здесь почти все. Не хватает только дневника младшей дочери... Эрики, кажется. Ну как, ты впечатлён? – Элиза с довольным видом подбоченилась. – Эй, ты чего так смотришь? Всё в порядке? – кажется, мой шок ярко отразился на моём лице, и она наконец его заметила. Я, не сводя с неё глаз, протянул ей свою книгу.

– Вот он. Вот недостающий дневник Эрики.

– О, так его нашёл ты? Почему не сказал? – Элиза взяла книгу и пролистала несколько страниц. – Впрочем, я думаю, детально прочитать все записи нам будет проще дома, верно?

От слова «дома» я дёрнулся и окончательно пришёл в себя. Мягко вытащив из рук Элизы дневник, я, чувствуя нарастающий страх, положил его и все остальные рядом с собой на стол.

– Где Рей? – испуганная дрожь в моём голосе оказалась сильнее, чем я предполагал, и мне с трудом удавалось говорить ровно.

– Остался наверху. Мы нашли много личных вещей Аррели, всё лежит так, словно бы они вышли пить чай на террасе, но так и не вернулись. Ну же, почему ты такой? На тебе лица нет, что произошло?

Я нервно заметался вдоль стола.

– Это и вправду дом Аррели, мы были правы. Я прочи-

тал этот дневник. А ещё... Записки, которые я нашёл и из-за которых мы стали копаться в этой тайне, действительно написала Эрика. В трагедии с её братьями, которая повлекла впоследствии смерть её родителей, виноваты некоторые жители города, но она пишет, что им бы всё равно никто не помог наказать виновных, а потому она зла сразу на всех.

Элиза, замерев, смотрела на меня, широко раскрыв глаза.

– А знаешь, что сейчас главное для нас? Она написала там и, если ты помнишь, в записках тоже, что если кто-то войдёт в их дом, она станет жестоко мстить, а потому, Элиза, где Рей? – плохо справляясь со всё больше подступающей паникой, практически зарычал я, чеканя последние слова.

– В крыле, которое прямо над нами... Остался в комнате осматривать вещи... О нет, Рей! – я чудом умудрился поймать за руку Элизу, когда она собралась бежать обратно в одиночку.

– А если тебе нужна будет помощь? Беги человеческим шагом, пожалуйста, я иду с тобой. Буду стараться выжимать из себя максимум скорости, – договаривая последнюю фразу уже в рывке вперёд, я выбежал из кабинета Эрики. Элиза устремилась следом.

Она всё же бегала быстрее меня. Уже на пороге единственной лестницы, ведущей на второй этаж, мы вдруг услышали страшный грохот сзади себя, раздавшийся из коридора, который вёл к кабинету Эрики.

– Что это? – дрожащим голосом спросила Элиза. Я вгля-

делся в тёмный проход.

– Кажется, обвалился потолок или стена. Нет, всё-таки потолок, – оглядев издалека кучу досок, заключил я, глядя наверх. – Это что, пыль так плотно поднялась?

– Потолок? Почему вдруг упал потолок? И почему так много, Чарльз? – запаниковала подруга. – Это же прямо на пути к Рею!

Я не успел ничего ответить, когда мы увидели причину обрушения. Из коридора второго этажа с шумом вырвались сильные языки пламени, с огромной скоростью продолжая пожирать всё на своём пути. Уставившись на это, я поймал себя на вопросе о том, как могут так хорошо гореть чуть ли не насквозь сырая древесина, шторы и ковры. Те несколько секунд, пока мы медлили, с ужасом наблюдая за пламенем, оно добралось до лестницы и прожгло верхние ступеньки, которые тут же с грохотом провалились вниз.

– Рей!!! – завизжала Элиза, попытавшись взбежать наверх. Я снова успел её схватить, однако бороться с вырывающейся вампиршей оказалось очень трудным делом.

– Элиза, ты туда не пойдёшь, там нет пола, уже нет даже лестницы! – мне с трудом удавалось переводить дух и вставлять слова между усилиями, пока я старался её сдерживать.

– Как мы можем уйти?! Ты же не предлагаешь бросить его? – она так сильно дёрнулась, что чуть не вырвала мои руки.

– Ему некуда идти, а источник пожара, судя по всему,

именно та часть, где находится он! Элиза, если вы оба не вернётесь домой, ваши родители этого не переживут, пожалуйста, побереги себя!

– А если он куда-то ушёл? – зарыдала подруга, повиснув на руках.

– Если бы он спустился, пока ты меня искала, то уже давно пришёл бы на грохот и наши крики. А если остался на втором этаже, то уже не спустится... – горло сжалось и голос предательски дрогнул. Элиза плакала и уже не сопротивлялась, а потому мне кое-как удалось дотащить её до места, где мы вошли, и вывалиться вдвоём наружу. Там подруга рухнула на колени, забыв о жутковатой траве, и продолжила рыдать во весь голос. Я, наблюдая, как из окон вырывается пламя, больше не смог сдерживаться и тоже заплакал, размазывая солёные дорожки по щекам. Прошло некоторое время, пока мы были в этом состоянии, когда Элиза вдруг резко подняла голову и посмотрела на дом, замерев, как зверь перед нападением. Я посмотрел на неё, стараясь понять причину перемены настроения, но не успел спросить о том, что происходит, когда уже и сам услышал чьи-то шаги и повернул голову к дому.

Из-за угла, шатаясь, вышел Рей. Элиза испустила счастливый вопль и на нечеловеческом шаге бросилась к нему, едва не сбив с ног. Рей обнял сестру в ответ, застенчиво засмеялся и похлопал её по спине:

– Ты задушишь меня, Элиза. Будь обходительнее, – он

улыбнулся мне и помахал рукой. Я, стирая последние слёзы и улыбаясь ему в ответ, подошёл к ним.

– С каких пор ты такой нежный, что не выдерживаешь мои объятия? О, Рей, я безумно испугалась, я не могла себе представить, как буду без тебя, мы же никогда не разлучались! – подруга и не думала выпускать брата, стискивая его всё сильнее и снова начав плакать, только уже от облегчения. Видя, что Рею уже становится нечем дышать, я потянул Элизу за плечо.

– Ну-ну, он только что из такой передряги выбрался, а ты ему вздохнуть не даёшь. Хотя бы хватку ослабь, – усмехнулся я, с облегчением выдыхая. Мы все остались живы и ушли из дома. Проклятие не сработало. – Ты как умудрился выбраться? – я очень хотел узнать, как ему это удалось. – Что вообще загорелось?

– Я не осведомлён, что именно вызвало пламя, но вот на вопрос, как выбрался, ответить вполне могу. Огонь появился в соседней от меня комнате, в то время как я был в самой крайней, у окна в конце коридора. От сильного испуга я смог оторвать доски от окна с помощью кочерги и выбраться наружу прежде, чем попал в огонь.

– Там ведь второй этаж, Рей! И потолки в доме очень высокие, как ты не разбился?

– К моей удаче, возле окна находится довольно прочное дерево, хоть и мёртвое. Я порядком исцарапался, но это лучше, чем остаться в горящем доме, верно? – он довольно

улыбнулся.

– Самое главное, что все живы. Давайте лучше поскорее отсюда уйдём, – я приобнял друзей за плечи, и мы вместе двинулись прочь от злополучного дома, не собираясь смотреть, что с ним будет, когда он догорит. Пусть хоть рухнет. Влажная земля не даст огню разнестись дальше, к тому же на улице царила полная безветренность.

Мы неторопливо шли по пустынной местности в сторону привычного города, так наслаждаясь прохладными дуновениями, словно мы воскресли и заново получили возможность дышать. Рей с наслаждением потянулся и расстегнул свой жилет и несколько верхних пуговиц рубашки.

– Наконец-то свежий воздух. Воистину, мир всё так же прекрасен, – не останавливаясь, он приподнялся на носочки, разминая тело, и пружинисто продолжил идти. Я с улыбкой взглянул на друга, но тут моё внимание привлёк ворот его рубашки. А точнее то, что из-за него, свободно теперь лежавшего по плечам, были хорошо видны ключицы и шея Рея, на которых обычно висела толстая цепочка с фамильным гербом семьи Батори, по совместительству являющимся их печатью для писем. Однако сейчас этот герб, который Рей никогда и ни при каких обстоятельствах не снимал, там отсутствовал. Мой взгляд, замерев, продолжал смотреть на пустое место для герба, а моя память ярко воспроизвела утреннее воспоминание, как перед нашим отправлением в путь Рей поправил его и спрятал, как обычно, под рубашку, чтобы

случайно не потерять. Я перевёл глаза на друга. Он с улыбкой что-то говорил Элизе, а я вцепился взглядом в его клыки. Слишком короткие клыки. В моей голове стали появляться вопросительные мысли. Разве были деревья в непосредственной близости к дому? И не была ли та куча досок на месте обвала потолка слишком уж большой? Я не успел обличить в чёткую мысль страшную догадку, заставившую меня заледенеть изнутри от ужаса, как вдруг воскликнула Элиза.

– Ой, что это? – изумлённо спросила она, приподняв голову наверх.

Я проследил за её взглядом. Перед моими глазами что-то очень близко пролетело, отвлекая внимание на себя, и я подставил ладонь, чтобы поймать это. Легко прокружившись в воздухе, ко мне в руку упал какой-то странный невесомый комочек серого цвета, напоминавший что-то между пеплом и пылью, только немного плотнее, чем они, оставивший на коже грязное пятнышко. Я перевёл взгляд на небо. Такие же комочки огромным количеством, как снег, падали сверху и оседали на всём вокруг, разлетаясь далеко в разные стороны безо всякой помощи хотя бы малейшего ветра. Само небо будто бы затянулось от горизонта до горизонта серо-зелёными однородными облаками.

В оцепенении я поймал ещё несколько хлопьев. Снова взглянув на друга, неподвижно смотрящего в небо, я увидел, что на него не упало ни единой частицы этого странного пеп-

ла.

Заключение

Старик заливается веселым хохотом и, наконец, замолкает. Кажется, он говорил целую вечность, но вокруг остается по-прежнему темно, как и было. Даже костер остался в своем первоначальном состоянии. Языки пламени совсем не стихают, как будто собираясь гореть вечно. Слишком много времени прошло, потому нужно собираться.

Когда тело принимает вертикальное положение, снова начинают ныть ноги. Неприятно, но постепенно они проходят, и становится гораздо легче. Туман все еще стоит неприступной стеной вокруг. Нужно идти, только куда?

Первые шаги даются с трудом. Больше всего боится не тело, а мозг. Вдруг этот туман, правда, окажется таким плотным и густым, что проглотит человеческое тело в один миг. С каждым шагом это чувство отпадает, однако снова появляется озноб. Но обратного пути уже нет, свет от костра пропал в тот же миг, как туман сомкнулся за спиной. Вокруг не слышно ничего, уши как будто заложило ватой. Нужно двигаться быстрее, иначе можно впасть в панику и окончательно заблудиться.

Но вот впереди появляется еле заметный просвет. Шаг сам собой ускоряется, чтобы скорее выбраться из этой холодной субстанции. Она с неохотой расступается. Лицо обдает теплом, а старик снова трясется с громким хохотом.

– Ой-ей, ха-ха-ха, куда ты так спешишь? Лучше присядь и побалуй старика историей, ха-ха...